

N*Новосибирский
государственный
университет
***НАСТОЯЩАЯ НАУКА**

ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ СО РАН
Лаборатория вербальных культур Сибири и Дальнего Востока
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
НОВОСИБИРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**УНИВЕРСАЛЬНОЕ И СПЕЦИФИЧНОЕ
В ВЕРБАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЯХ
НАРОДОВ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

Тезисы Всероссийской научной конференции
с международным участием
г. Новосибирск, 11-15 октября 2021 года

Новосибирск 2021

УДК 811.512: 81'34+81'36
ББК Ш 105.21

Сборник издается при финансовой поддержке проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884).

The work is part of the project of the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences «Cultural universals of verbal traditions of the peoples of Siberia and the Far East: folklore, literature, language» supported by a grant from the Government of the Russian Federation for the promotion of research conducted under the guidance of leading scientists, contract № 075-15-2019-1884.

Универсальное и специфичное в вербальных традициях народов современной России: Тезисы Всероссийской научной конференции с международным участием «Языки народов Сибири и сопредельных регионов: Универсальное и специфичное в вербальных традициях народов современной России». Новосибирск: Академиздат, 2021. – 168 с.

ISBN 978-5-6047046-2-2

В сборнике публикуются тезисы докладов, представленных на Всероссийской научной конференции с международным участием «Универсальное и специфичное в вербальных традициях народов современной России». Рассматриваются актуальные вопросы изучения культурных универсалий в лексике, фонетике, грамматике, предлагаются методологические решения исследования языковой личности в межкультурном пространстве.

Издание адресовано лингвистам, а также учителям, преподавателям, аспирантам и всем интересующимся теоретическими проблемами языкознания.

Ответственный редактор:

Тюнтешева Е. В.

Редакционная коллегия:

Кошкарева Н. Б., Озонова А. А., Федина Н. Н., Либерт Е. А., Добринина А. А.

ISBN 978-5-6047046-2-2

© ИФЛ СО РАН

УНИВЕРСАЛЬНОЕ И СПЕЦИФИЧНОЕ В ЛЕКСИКЕ ЯЗЫКОВ МИРА

УДК 811.511.142

Д. А. Рыжова

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», г. Москва, daria.ryzhova@mail.ru*

Универсальное и индивидуальное в семантике базовой лексики

Доклад представляет взгляд на универсальное и индивидуальное в семантике базовой лексики сквозь призму фреймового подхода к лексической типологии. В качестве иллюстрации рассматривается поле падения и его лексикализация в севернохантыйском языке.

Ключевые слова: лексическая типология, фреймовый подход, глаголы падения, севернохантыйский язык, казымский диалект.

Своеобразие лексической системы языка наиболее ярко проявляется в тех слоях лексики, которые принято называть культурно-специфичными: это наименования артефактов, особых блюд, обрядов, традиций и т.п. Эти же слова чаще заимствуются – вместе с обозначаемыми ими культурными реалиями [Haspelmath, Tadmor 2009]. От базовой лексики сложнее ожидать проявлений языковой специфичности, и различия между языками в этой зоне сложнее объяснить.

Поиском универсальных и специфичных черт преимущественно в базовой лексике занимается лексическая типология. На данный момент выделяется целый ряд успешных подходов к типологическому анализу лексики: словарный [François 2008], психолингвистический [Majid 2015], корпусный [Östling 2016; Wälchli, Cysouw 2012], фреймовый [Рахилина,

Резникова 2013]. Каждый из них по-своему решает вопрос о том, как представлять лексическое значение и как сопоставлять лексические системы разных языков. В этом докладе мы представим идеологию фреймового подхода и проиллюстрируем ее на материале семантического поля падения: представим структуру поля, претендующую на статус универсальной, и продемонстрируем одну из ее индивидуальных реализаций на примере фрагмента системы глаголов падения в казымском диалекте севернохантыйского языка.

Фреймовый подход к лексической типологии, как следует из его названия, представляет семантику базовой лексики с помощью фреймов – типов ситуаций, которые задают слова из рассматриваемого поля в разных языках. Таким образом, фреймы соотносятся с экстралингвистическими ситуациями, и поэтому на их базе удобно сравнивать материалы разных языков. Однако сам набор фреймов для каждого поля выделяется не априорно, на основе знаний о мире, а с опорой на лингвистические данные: чтобы составить фреймовую структуру поля, мы изучаем, какого рода ситуации могут выделяться лексически в разных языках.

Так, в семантическом поле падения, которое мы изучили на материале более 40 языков [Рахилина и др. 2020], мы выделили четыре основных типа ситуаций:

1. Падение сверху ('чашка упала со стола')
2. Потеря вертикальной ориентации ('дерево упало')
3. Падение в результате открепления ('с головы упала / слетела шляпа')
4. Падение-разрушение ('здание рухнуло')

Этот каркас единый для всех языков выборки, т.е. лексический состав поля падения в каждом языке можно описать с точки зрения того, какую часть фреймовой структуры покрывает каждый из относящихся к этому полю глаголов. Индивидуальность языка проявляется в том, как именно он комбинирует эти значения, с какими другими полями их связывает (или колексифицирует, в терминах [François 2008]), какие вводит дополнительные противопоставления внутри каждого фрейма.

Так, например, английский глагол *to fall* покрывает все четыре фрейма, русский *падать* — все, кроме фрейма 4, а в адыгейском или чукотском для каждого фрейма есть своя глагольная лексема. Глаголы падения в казымском диалекте севернохантыйского языка также укладываются в эту схему, см. [Ванеян и др. 2020]. Особый интерес, однако, представляет глагол *pitti* ‘падать’, который используется в ситуациях 1–3, подобно русскому *падать*, но, кроме того, смещается в соседнюю зону семантическую зону: обозначает неконтролируемое перемещение не только сверху вниз, но и в любом другом направлении, ср. *Ma setet löńsəxən pitsa* ‘Мне в глаз попало мыло’. Тем самым, *pitti* можно считать не глаголом падения, а глаголом с более широкой семантикой неконтролируемой смены локализации. По-видимому, такая семантика предопределила и направление развития его переносных значений и способствовала грамматикализации *pitti* в легкий глагол со значением вхождения в процесс или состояние [Nikolaeva 1999].

В докладе мы рассмотрим более подробно фреймовую структуру поля падения и ее реализацию в казымском диалекте севернохантыйского языка, а также обсудим случаи расширения семантики неконтролируемого перемещения вниз до неконтролируемого перемещения в любом направлении в языках, ареально и генетически далеких от севернохантыйского.

Список литературы

Ванеян С. С., Толдова С. Ю., Железнова (Наумова) В. А. Глаголы падения в хантыйском языке // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института Лингвистических Исследований. 2020. Т. 1. № 16. С. 435–461.

Рахилина Е. В., Резникова Т. И. Фреймовый подход к лексической типологии // Вопросы языкознания. 2013. №2. С. 3–31.

Рахилина Е. В., Резникова Т. И., Рыжова Д. А. (ред.). Типология глаголов падения. Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института Лингвистических Исследований [Специальный выпуск]. 2020. Т. 1. № 16.

Fillmore C. J. Frame Semantics and the Nature of Language // Annals of the New York Academy of Sciences. 1976. Vol. 280. № 1. Pp. 20–32.

François A. Semantic maps and the typology of colexification: Intertwining polysemous networks across languages // From Polysemy to Semantic change: Towards a Typology of Lexical Semantic Associations Studies in Language Companion Series. / M. Vanhove (Ed.). Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2008. Pp. 163–215.

Haspelmath M., Tadmor U. Loanwords in the World's Languages: A Comparative Handbook. Berlin: Walter de Gruyter, 2009.

Majid A. Comparing lexicons cross-linguistically // The Oxford Handbook of the Word / J. R. Taylor (Ed.). Oxford: Oxford University Press, 2015. Pp. 364–379.

Nikolaeva I. Ostyak. Muenchen: LINCOM EUROPA, 1999.

Östling R. Studying colexification through massively parallel corpora // The Lexical Typology of Semantic Shifts / P. Juvonen, M. Koptjevskaja-Tamm (Eds.). Berlin: Walter de Gruyter, 2016. Pp. 157–176.

Wälchli B., Cysouw M. Lexical typology through similarity semantics: Toward a semantic map of motion verbs // Linguistics. 2012. Vol. 50. № 3. Pp. 671–710.

D. A. Ryzhova

Universal and individual features in semantics of basic lexicon

The paper discusses universal and individual features in semantics of basic lexicon through the prism of the frame approach to lexical typology. The semantic field of falling and its lexicalization in Kazym Northern Khanty is taken as an illustration.

Keywords: lexical typology, frame approach, verbs of falling, Northern Khanty, Kazym dialect.

А. Д. Кошелев

Издательский дом «Языки Славянских Культур»,
г. Москва, *koshelev47@gmail.com*

О социально-культурных условиях формирования абстрактной лексики

В докладе рассматриваются условия и механизмы, обеспечивающие образование у человека абстрактных понятий – значений его абстрактной лексики (*инструмент, животное, посуда* и др.).

Ключевые слова: формирование понятий, абстрактные понятия, абстрактная лексика.

Широкое использование человеком абстрактной лексики: слов типа *инструмент, животное, посуда, одежда* и под., создает впечатление, что все носители языка, употребляя эти слова, в полной мере владеют их значениями, т. е. абстрактными понятиями. Между тем, экспериментальные данные свидетельствуют о том, что даже в современных (индустриальных) обществах существует немало людей, которые, хотя и используют в своей речи абстрактную лексику, не владеют ее полноценными значениями (абстрактными понятиями). Например, как установил А. Р. Лурия, неграмотные крестьяне, живущие на отдаленных хуторах Узбекистана, называли словом *инструмент (асбоб)* не только лопату, пилу или молоток, но также бревно, которое нужно распилить, дерево, к которому привязана лошадь, хомут, уздечку и др., а словом *посуда (идиш)* не только стаканы, тарелки, кувшины, пиалы, но и поднос, шкаф, в котором стоит посуда, дрова, используемые для приготовления пищи и под. (Лурия 1974: 102–103).

Аналогично, согласно экспериментам Пиаже, дети 7–8 лет называли живыми солнце, луну, огонь, ветер [Пиаже 1994: 103], а также считали, что семья – это люди, живущие в одной квартире и т. п. Как можно видеть, в этих примерах абстрактные слова

используются в псевдозначениях (ср. псевдопонятие у Выготского [Выготский 1996: 146–153]) – расширенных значениях, охватывающих, наряду с типичными референтами, объекты, схожие с ними лишь частично или участвующие вместе с ними в одной ситуации. И поскольку у детей, с которыми беседовал Пиаже, значения их абстрактных слов (т. е. полноценные абстрактные понятия) позднее формировались, а у узбекских крестьян – нет, можно, с известными оговорками, утверждать, что владение абстрактными понятиями относится к сфере «высших психических функций» человека (Выготский), т. е. функций, которые формируются у него лишь в процессе их социального развития и только при наличии определенных социально-культурных условий. Эти данные также свидетельствуют о том, что узбекские крестьяне и дети начальных классов используют так называемую тематическую классификацию объектов, объединяющую в один класс участников общей ситуации (собаку и поводок, топор и полено) (см. [Кошелев 2021]), но еще не овладели таксономической классификацией, объединяющей разные объекты (собаку и кошку, топор и пилу) в один абстрактный класс (животные, инструменты) на основе присущего им общего, или абстрактного свойства.

Если задаться вопросом, каковы условия усвоения ребенком абстрактных понятий, то наиболее известным будет ответ: школьное обучение. Как отмечал Лурия, односельчане неграмотных узбекских крестьян, обучавшиеся хотя бы 2–3 года в школе, овладевали абстрактной лексикой (правильно употребляли слова *инструмент*, *посуда* и пр.), см. об этом же [Жоул, Скрибнер 1977], [Кошелев 2020, 2021].

Однако, данный ответ является слишком общим. В докладе будет показано, что важнейшим фактором образования у ребенка абстрактных понятий является его **деятельностное участие в разнообразных практических ситуациях**, в которых фигурируют участники-реализаторы этого понятия (различные ситуации использования инструментов, и т. д.). Эту деятельность и обеспечивает школьное обучение. Из сказанного, в частности,

следует, что резкое падение уровня интеллектуального развития современных школьников [Шапошникова 2016], [Кравченко 2019] вызвано бездумно широким внедрением компьютерных технологий в процесс обучения (ЕГЭ и др.), что резко сокращает самостоятельную деятельность и речевую активность школьников.

Список литературы

Выготский Л. С. Мышление и речь. М., 1996.

Кошелев А. Д. О когнитивных основаниях лексической классификации предметного мира // Вопросы психолингвистики. 2020, 4 (47). С. 59–75.

Кошелев А. Д. О генезисе у ребенка понятий и лексических значений // Вопросы психолингвистики. 2021, 2(48). С. 156–170.

Кравченко А. В. Информационные технологии и когнитивное развитие: взгляд с эволюционистских позиций // Вопросы психолингвистики. 2019, 4. С. 76–91.

Коул М., Скрибнер С. Культура и мышление: Психологический очерк. М., 1977.

Лурия А. Р. Об историческом развитии познавательных процессов. М., 1974.

Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. М., 1994.

Шапошникова И. В. Мотивационная база реформы образования и языковая политика // Вопросы психолингвистики. 2016, 4 (27). С. 256–273.

A. D. Koshelev

On the Socio-Cultural Conditions of Formation of Abstract Vocabulary

The article considers a set of conditions that ensure the formation of abstract concepts and abstract vocabulary in humans (tools, animals, dishes, etc.)

Keywords: formation of concepts, abstract concepts, abstract vocabulary

М. К. Тимофеева

*Институт математики им. С. Л. Соболева СО РАН,
г. Новосибирск, timof@math.nsc.ru*

Прагматический уровень структуры языковой личности и возможности его изучения средствами экспериментальной прагматики и компьютерной лингвистики

Обсуждается состав прагматического уровня структуры языковой личности, его изучение на основе обращения к экспериментальной прагматике, дистрибутивной семантике, использованию виртуальных собеседников. Рассматриваются методологические проблемы данных подходов.

Ключевые слова: эксперимент, когнитивная наука, дистрибутивная семантика, виртуальные собеседники.

Прагматика определяет выбор состава и способа выражения мысли в процессе коммуникации, в частности распределение составляющих данной мысли между различными эксплицитными и имплицитными средствами языка. Выбор предопределяется (осознанно или нет) интенциями и установками говорящего. Конечным результатом такого выбора является текст. Обращение данного функционального соотношения может позволить реконструировать по тексту характерные для определённого множества говорящих интенции и установки. Такого рода сведения отнесены в модели Ю. Н. Караулова [Караулов 1987] ко второму, высшему, уровню языковой личности, названному им прагматическим или мотивационным. Цель данной работы состоит в анализе возможностей выявления составляющих этого уровня путём обращения к методам экспериментальной прагматики, дистрибутивной семантики, использованию виртуальных собеседников.

Одна из значимых тенденций современной прагматики – активное развитие экспериментальных исследований, часто

нацеленных на изучение процессов понимания импликатур, метафор, иронии. Данное направление междисциплинарно и является частью когнитивной науки [Gibbs, Colston 2020]. Оно позволяет выявить определённые типовые характеристики понимания (стереотипы). На основе обобщения результатов экспериментальных исследований обсуждается вопрос о включении получаемых в них сведений в прагматический уровень структуры языковой личности. Рассматриваются методологические проблемы, возникающие при проведении и интерпретации экспериментов.

Использование виртуальных собеседников [Fischer, Prondzinska 2020] в прагматических (а также шире – в лингвистических) исследованиях – новая и представляющаяся продуктивной область. Основная идея состоит во включении (голосового) виртуального собеседника в экспериментальный дизайн, что позволяет одновременно повысить естественность коммуникации в рамках экспериментальной ситуации и обеспечить возможность практически неограниченного воспроизведения этой ситуации.

Дистрибутивная семантика, как инструмент оценивания совместной встречаемости на основе анализа больших коллекций текстов, даёт сведения, дополняющие исследования ассоциаций, в том числе при изучении языковой личности. Некоторые возможности иллюстрируется на примере сервиса *RusVectōrēs*.

Рассмотрение трёх указанных областей завершается обсуждением вопроса о составе и границах прагматического уровня в структуре языковой личности.

Список литературы

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 264 с.

Fischer K., Prondzinska A. D. Experimental Contrastive Pragmatics Using Robots. *Contrastive Pragmatics. A Cross-Disciplinary Journal*, 1. 2020. Pp. 82–107.

Gibbs Jr., R.W., Colston, H.L. Pragmatics Always Matters: An Expanded Vision of Experimental Pragmatics. Frontiers in Psychology. July 2020. Vol. 1. Article 1619. Open access: www.frontiersin.org.

М. К. Timofeeva

Pragmatic Level in the Structure of Linguistic Persona and Possibilities of Its Investigation by the Means of Experimental Pragmatics and Computational Linguistics

The issue concerns the scope of linguistic personality, the ways of its investigation on the base of experimental pragmatic, distributional semantics, using robots as communicators. Methodological problems of these approaches are also considered.

Keywords: experiment, cognitive science, distributional semantics, human-robot interaction

УДК 811.511.22

М. Д. Чертыкова

*Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова,
г. Абакан, chertikova@yandex.ru*

Образ грустного человека в хакасской языковой картине мира¹

Работа посвящена описанию образа грустного человека в хакасской языковой картине мира. Репрезентация характеристик человека осуществляется прилагательными, в семантике которых при реализации доминирует один из двух дифференциальных признаков: «врождённое и постоянное свойство характера человека» и «ситуативное эмоциональное (морально-этическое) состояние субъекта на фоне каких-либо внешних раздражителей».

¹Работа выполнена при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-012-00080) по теме «Когнитивный и идеографический аспекты реконструкции образа человека по данным языков коренных народов Сибири (на примере хакасского, бурятского и хантыйского языков)».

Ключевые слова: хакасский язык, прилагательные, человек, грусть.

В качестве слов, характеризующих человека, помимо эмоционально-оценочных прилагательных, выступают субстантивы, фразеологические единицы и эмоционально-экспрессивные слова, синтаксические описания и др. В зависимости от контекстуальной реализации прилагательные выражают постоянство характера человека или же его ситуационные реакции на внешние факторы. Тем самым мы выделяем два их типа: а) прилагательные, выражающие семантику «врождённое и постоянное свойство характера человека»; б) прилагательные, выражающие семантику «ситуативное эмоциональное (морально-этическое) состояние субъекта на фоне каких-либо внешних раздражителей».

Значение «грустный» актуализируется прилагательными: *пичеллиг* ‘печальный, грустный’, *кӧӧ чох* ‘грустный, без настроения’, *хомзынчах* ‘грустный, печальный; обидчивый’ и др. В синтагматической совокупности семантический признак «грустный» проявляется в сочетании:

✓ эмотивного прилагательного с именем (*пичеллиг кизи* ‘грустный человек’; *кӧӧ чох палалар* ‘безрадостные дети’ и т.д.). В семантике прилагательного в роли определяющего звена в отношении имени лица указывается длительность эмоционального переживания, а значит – постоянство признака эмоциональности, переходящее в категорию свойства и характера человека: *тарынчах оол* ‘злой парень’, *хомзынчах ипчи* ‘обидчивая (грустная) женщина’ и т.д. По сути, такие конструкции «прилагательное + имя» представляют собой оценочные модели, где прилагательное выражает оценку, а имя есть оцениваемый объект;

✓ эмотивного наречия с глаголом (*кӧӧ чох килген* ‘пришёл без настроения’ и т.д.). *Ичези ойнирга чаратпинчатханда, оолагас кӧӧ чох полган* ‘Когда мама не разрешала играть, мальчик **был без настроения**’. Подобные лингвистические характеристики

человека ориентированы на модель поведения человека, включающие и основы языкового портретирования.

В поэтическом дискурсе также встречаются также разные типы метафор для выражения яркости эмоций и чувств: *Миниң оолгычаама харах тастаба, миниң көңніме күскү асылба* (Т, 34) ‘Не кидай взгляды на моего любимого, **не покрывай осенью мою душу**’.

Таким образом, эмоциональные переживания грусти, невесёлого настроения и состояния человека выражаются различными средствами в зависимости от временных рамок: постоянства настроения или ситуативных реакций на внешние факторы.

M. D. Chertykova

Image of a Sad Person in the Khakas Language World Picture

The article is devoted to the description of the image of a sad person in the Khakas language world picture. Representation of human characteristics is carried out by adjectives, in the semantics of which one of two differential features dominates during implementation: «an innate and permanent property of a person's character» and «against the background of any external stimuli, the situational emotional (moral and ethical) state of the subject».

Keywords: Khakas language, adjectives, man, sadness.

Концептуализация дома в эвенской лингвокультуре

Рассматривается концепт «дом» в лингвокультуре эвенов. Данный концепт обширно реализован в фольклорном и художественном дискурсах эвенов. В эвенской лингвокультуре концепт «дом» обладает архаичными признаками, которые отражают мировоззрение этноса.

Ключевые слова: эвенский язык, концепт, дискурс, паремия, персонификация, мировоззрение.

В эвенском языке обобщённое значение слов ‘дом’, ‘жилище’ выражается лексемой *д’у*, имеющей параллели в других языках тунгусо-маньчжурской группы. *Д’у* в эвенском языке, кроме дефиниции ‘дом’, участвует в номинации таких понятий, как ‘юрта, чум, ураса; нора, логовище, берлога, гнездо, жилище’ [Кузьмина 2018: 68–76].

В эвенском видении мира, дом – это сакральное место, имеющее своего Духа-покровителя. У эвенов существует целый ряд правил и обрядов, связанных с жилищем. Например, чтобы умилостивить Духа жилища, эвены-кочевники совершают различные обряды. Перед кочевьем приводят в порядок *дюкчу* ‘место старой стоянки’ и привязывают красную материю, чтобы в будущем благополучно вернуться назад [ПМА]. У ламунхинских эвенов перед кочевкой, необходимым является прощание с Духом *дюкчи*: *Нулгөдэй нэкэтникэхэл дюкчакки хумкэтчинни «гочин мучудим» гөникэн*. ‘Перед кочевьем надо шепнуть месту старой стоянки: «В следующем году вернись»’ [Там же].

Сакральность жилищного пространства представлена в *төнүэкич* ‘запретах-оберегах’, например: *Нулгө хоторондун дюй*

эди ор – хинимкин. ‘На дороге, по которой проходит кочевье, нельзя строить дом – грех’ [ПМА]; *Төлгич (төлдүк) гөпкэчин – төнүэкич*. ‘Нельзя подглядывать снаружи в жилище – грех’ [Бурыкин 2001: 203].

Центральное место в эвенском жилище занимает огонь-очаг. Эвены, прикочевав на новое место, обязательно совершают обряд кормления Духа огня. В эвенском языке зафиксировано значительное количество паремий, показывающих сакральность и персонификацию Духа огня в мировоззрении этноса: *Тог эрэгэр хиүкэрэкэн, яв-ул тогла улэнмэй, эсэкэн одда, өриүчиридукур төрдүк хөнтэлэ төрлэ нулгэнмэй*. ‘Если огонь сильно щелкает, надо что-то бросить в огонь, если он не перестает щелкать, надо перекочевать из этой местности в другую местность’ [Бурыкин 2001: 225]; *Тог ойлин эмнэс гиркагарар*. ‘Через огонь нельзя переступать’ [Там же: 202].

В поэтическом дискурсе эвенов, образ родного дома ассоциируется с окружающей природой, например:

Жилище у эвенов таково,
что может чужестранец не понять,
природу ль продолжает **илуму**²,
иль **илуму** – природу?...

...А если честно, то природа вся
эвену служит домом с малых лет [Кривошапкин 2000: 37].

В эвенском языке выявлены пословицы, где человек без родины уподобляется птице, переставшей петь, например: *Ач бугла бэй – чукачан икэй бэричэ*. ‘Человек без родины – птичка, потерявшая свою песню’ [Бурыкин 2001: 172].

Таким образом, концепт «дом» в эвенской языковой картине мира является одним из ключевых. Архаичные признаки концепта отражены в фольклорном дискурсе эвенов. В картине мира эвенских поэтов, дом отождествляется с образом малой родины, с окружающей природой.

² *Илуму* – переносное традиционное жилище эвенов.

Список литературы

Бурыкин А. А. Малые жанры эвенского фольклора. Загадки, поговорки и пословицы, запреты-обереги, обычаи и предписания, приметы (исследование и тексты). СПб: «Петербургское Востоковедение», 2001.

Кривошапкин А. В. Мир эвена. Москва, 2000.

Кузьмина Р. П. Наименования жилищ в эвенском языке (этнолингвокультурологический аспект) // Научный журнал Амурского государственного университета «Теоретическая и прикладная лингвистика», 2018. 4 (3). С. 68–76.

Полевой материал автора Кузьминой Р.П. Ламунхинский наслед Кобяйского улуса Республики Саха (Якутия). 2004 г., 2012 г.

R. P. Kuzmina

Conceptualization of House in the Even Linguistic Culture

The article deals with the concept of «home» in the linguistic culture of the Evens. This concept is widely implemented in the Even folk and artistic discourse. In the Even linguoculture, the concept of 'home' has archaic traits that reflects their ethnic worldview.

Keywords: concept, discourse, paremia, personification, worldview.

УДК 811.554

П. Е. Прокопьева

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск,
pproe@yandex.ru*

О семантике слова кужуу 'небо' в языке лесных юкагигов

Описывается семантика слова кужуу 'небо' в языке лесных юкагигов. Семантический анализ этого слова и материально

совпадающего с ним слова *курул* ‘лабаз’ позволяет считать, что их объединяют понятия «вместилище», «хранилище».

Ключевые слова: лесные юкагиры, юкагирский язык, семантика слова, небо, лабаз.

В языке лесных, верхнеколымских, юкагиров, слово *кужуу* ‘небо’, на первый взгляд, не имеет прозрачной семантики и этимологии. Данное слово является поздним фонетическим вариантом слова *кудьуу*, где, как и в ряде других юкагирских лексем, под влиянием русского языка произошло замещение фонемы [дь] на [ж].

В современных языковых материалах обнаруживается редкий вариант слова ‘небо’ – *кужуул*. Информантка, от которой был записан пример, обычно употребляла распространенное *кужуу*: *Тудэл, йоо ньэрпальзитэлэ, кужууллгин йуөдэй* ‘Он, голову задрав, в небо смотрит’ (МА – материалы автора. Записано от А.Е. Шадринной, 1930 г.р.). Использование этого варианта нельзя считать оговоркой, учитывая тот факт, что в языке тундровых, нижнеколымских, юкагиров ‘небо’ обозначается словом *хуруул* [Курилов 2001: 526].

Интересно, что слово *кужул* (*кужуул*) единично встречается в современном рассказе также как фонетический вариант слова *курул* со значением ‘лабаз’ наряду с общеупотребительным *ньимойа* в том же значении: *йаан нойньэл кужулок* ‘трехногий лабаз’ [Прокопьева 2009: 114]. Фонема [р] в языке лесных юкагиров в определенных словах и позициях также соответствует фонемам [дь] и [ж], например: *йондьук* – *инрук* – *инжук/йонжук* ‘спи’, *йонраа* – *йонжаа* ‘клов’, *мумрэй* – *мумжэй* ‘свистит’ и др.

Материальное сходство слов *кужуул* и *кужул* с разными значениями – ‘небо’ и ‘лабаз’ – не может считаться случайным, если рассматривать их в семантическом аспекте.

У юкагиров *курул* ‘лабаз’ состоял из двух слитых компонентов – опор с платформой (реже без нее) и помещения (или другим его аналогом). Эту расположенную высоко над землей постройку применяли для сбережения одежды и съестных припасов от животных. В прошлом *курул* использовали также для захоронения

умерших, такой способ погребения на помосте, с одной стороны, диктовался желанием уберечь тело покойника от зверей, с другой – был предпочтителен в условиях вечной мерзлоты [Иохельсон 2005: 306]. Это назначение лабаз обусловило функционирование слова *курул* в двух значениях: 1) амбар (*стоящий на столбах*); 2) надземное захоронение [Иохельсон 2005б: 306; Спиридонов 2003: 19; Николаева, Шалугин 2002: 35].

Известно, что погребение на приподнятой платформе юагиры практиковали и в отношении крупных животных тайги – лося и медведя. Существует легенда, в которой повествуется о происхождении древнего охотничьего обряда захоронения останков лося на лабазе [Жукова и др. 1989, ч. 2: 3–6]. Исследователь юагирской культуры конца XIX – начала XX в. В.И. Иохельсон сообщал о культе медведя: «Костей медведя собакам не дают, и люди их не грызут. Весь костяк собирают целиком и хоронят на "висячей" могиле, как раньше хоронили людей» [Иохельсон 2005а, с. 154].

В языке лесных юагиров имеются слова, производные от *курул* ‘лабаз’:

– **курултэ-** *перех.* 1) класть (*в висячий амбар*). *Адин лэгул курултэк, тоукэплэк лэннгитэм.* ‘Эту еду **в амбар положи**, собаки съедят’; 2) хоронить (*на лабазе*). *Адин шоромо кэбэсь, тудэгэлэ курултэна.* ‘Один человек ушел, его **похоронили**’;

– **курултиэну-** от **курултэ-**: класть (*в висячий амбар*), хранить (*на лабазе*). *Тудаа бусьинбэнгэлэ чуму курултиэнуна.* ‘Раньше все **в амбаре хранили**.’ (МА. Записано от А.Е. Шадринной, 1930 г.р.).

Слово **куруньи-** ‘содержать, хранить (*в висячем амбаре*)’ производное от *курул*. Это слово впервые встретилось нам в песне популярного героя юагирского фольклора Мифического (Сказочного) Старика, гигантского людоеда. В своей песне охотник на людей поет, что держит в своем амбаре девушек и юношей: *Лилу-лилу, тинг шөлэ йобулгэ паайэптиэлэк куруньимэ, танг шөлэ йобулгэ куойэптиэлэк куруньимэ, лилу-лилу* ‘Лилу-лилу, на этом лесистом мысу девушек держу в амбаре, на том лесистом мысу юношей держу в амбаре, *лилу-лилу*.’ [Прокопьева 2011: 19]. Учитывая образ Мифического Старика, представляющего

смертельную опасность для людей, слово *куруны-* можно связывать и с погребением. К этой мысли отсылает и другая песня великана. Приближаясь к своей ловушке, в которую угодил человек по имени Доврэ, людоед поет: *Лилу-лилу, Эймулаабэт шөлөн, Пулутпэдиэлэк курулгэ киэльэшимэ, Лилу-лилу!* ‘Лилу-лилу, На другой стороне [реки] роца, Я старичков в амбаре сушу, *Лилу-лилу!*’ [Жукова и др. 1989, ч. 1: 84–86]. Помимо того, что отрицательная характеристика Мифического Старика как людоеда поддерживается указанным контекстом (сушит людей в *куруле*), песня содержит достаточно четкое указание на связь этого образа с универсальными воззрениями на водную стихию как источника хаоса и восходящими к ним представлениями о мифической реке и мире мертвых, находящемся, согласно мировой мифологии, на противоположном ее берегу [Прокопьева 2011: 19].

Соотнесенность слов *кужуу/кужуул* ‘небо’ и *курул/кужул* ‘лабаз’ можно попытаться объяснить с точки зрения универсального мифологического тождества микро- и макрокосмоса, согласно которому человеческие строения моделируют вселенную (небо равняется мирозданию). В языке лесных юкагиров существуют следующие указания на соответствия: так, ‘облако’ в прошлом называли *кудьун-хаар* (букв. ‘небесная шкура’) [Иохельсон 2005б: 456], в современном языке это значение передается словом *нинхаар* (букв. ‘много шкур’). Северное жилище, как известно, покрывается шкурами. В традиционном мировоззрении юкагиров звезды считались отверстиями в небе [Спиридонов 1996] (*йургудьэйэ* ‘звезда’ однокоренное с *йургуу* ‘дыра’), что, в принципе, может косвенно свидетельствовать о том, что небо представлялось неким помещением.

Таким образом, наличие фонетических вариантов *кужуу/кужуул* ‘небо’ и *курул/кужул* ‘лабаз’ дает основание для восприятия этих слов как взаимосвязанных. Семантический анализ слов подводит к мифологическому контексту о параллелизме микро- и макрокосмоса. Слова *кужуу/кужуул*

‘небо’ и *курул/кужул* ‘лабаз’ объединяют понятия «вместилище», «хранилище».

Список литературы

Иохельсон В. И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. Якутск: Бичик, 2005а. 272с.

Иохельсон В. И. Юкагиры и юкагиризованные тунгусы / Пер. с англ. В.Х. Иванова, З.И. Ивановой-Унаровой. Новосибирск: Наука, 2005б. 675 с.

Курилов Г. Н. Юкагирско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2001. 608 с.

Николаева И. А., Шалугин В. Г. Словарь юкагирско-русский и русско-юкагирский (Верхнеколымский диалект): учеб. Пособие для уч-ся нач. шк. С-Пб.: «Издательство "Дрофа" Санкт-Петербург», 2002. 224с.

Прокопьева П. Е. О двух циклах в фольклоре лесных юкагиров (вопрос о сохранности и трансформации сюжетов) / Сибирский филологический журнал, 2011. № 3. С. 25–31.

Прокопьева П. Е. Отражение мифологического мышления в юкагирском фольклоре. Новосибирск: Наука, 2009. 143 с.

Спиридонов Н. И. Одулы (юкагиры) Колымского округа. Якутск: Изд-во «Северовед», 1996. С. 6–50.

Спиридонов Н. И. Юкагирско-русский словарь. Эвенско-русский словарь / Издание подготовил Бурыкин А.А. Якутск: ЯГУ им. М.К. Аммосова, 2003. 57 с.

Фольклор юкагиров Верхней Колымы / Сост. Жукова Л. Н., Николаева И. А., Дёмина Л. Н. Якутск: Изд. Якутского госуниверситета, 1989. В 2-х ч. Ч. 1. 161 с. Ч. 2. 89 с.

P. E. Prokop'eva

On the Semantics of the Word *kuzhuu* 'sky' in the Language of the Forest Yukaghirs

The article reveals the semantics of the word *kuzhuu* 'sky' in the language of the forest Yukaghirs. Semantic analysis of this word and the materially similar word *курул* 'labaz' suggests that they are united by the concepts of 'receptacle' and 'storage'.

Keywords: forest Yukaghirs, Yukaghir language, word semantics, sky, labaz.

И. В. Шенцова

*Институт филологии СО РАН, г. Новосибирск,
ivshen@yandex.ru*

Концепт «Родина» в шорском языке³

Представлены результаты исследования смысловых компонентов понятия «Родина» у шорцев, а также рассмотрены языковые реализации этих смыслов.

Ключевые слова: тюркские языки, шорский язык, когнитивистика, лексикология.

В данной работе концепт рассматривается как «*оязыковленное понятие*», которое охватывает семантические области, ассоциативно связанные между собой. Ядерный смысл понятия «Родина» у шорцев – жизненное пространство человека, с которым связана его идиоэтничность. Этот смысл реализуется ядерными лексемами (*эл* ‘государство’, ‘страна’, *чер* ‘земля’, ‘страна’, *чурт* ‘стойбище’, ‘земля рода’).

Лексема *эл* ‘родина’, ‘отчизна’ в современном шорском языке приобрела коннотацию, указывающую на идею возрождения народа. Эта лексема в формах *элим* (1 Sg POSS) и *элимай* (с ум.-ласк. афф.) частотна в поэтических произведениях.

Лексема *эл* в шорском языке сохранила также значение ‘народ’ [Белчегешев 2000: 140]. В шорских фольклорных текстах *эл* ‘народ’ в основном обозначает ‘другой, чужой народ’ [Дыренкова, 1940: 167; 208]. В таком употреблении *эл* является синонимом *чат* ‘чужеземный’ [там же: 32, 33].

³Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884).

В значении ‘родина’ (‘своя земля’) в шорском языке широко используется лексема *чер* ‘земля’, ‘страна’, которая принимает показатели принадлежности и притяжательные местоимения. При помощи прилагательного *пашка* осуществляется противопоставление: *пойының чер* ‘своя земля, страна’ – *пашка чер* ‘чужая, другая страна’.

Понятие ‘родина’ (‘своя земля’) обозначают также другие лексические единицы: сочетание на основе изафета *эл чер* (‘страна’ + ‘земля’); парные слова *чер-суз* (‘земля-вода’), *чер-чурт* (‘земля-стойбище’). Отметим, что лексема *чурт* ‘стойбище, земельное владение, место рождения и проживания’ стала историзмом, эта лексема является частотной в фольклорных текстах.

Сочетание *туган чер* (*туз*= ‘родиться’, ‘родить’) в современных шорских произведениях устойчиво употребляется в значении ‘родина’. Формула *туган өскен чери* (букв. ‘рожденный’ + ‘выросший’ + ‘земля’=POSS) характерна для народно-поэтического стиля [Дыренкова 1940: 288; Чудояков 1995: 47].

Лексемы *чер* и *элим* часто употребляется с эмфатическим аффиксом =*май* и эпитетами *қайран* ‘дорогой’, ‘милый’, *қыймат* ‘дорогой’, ‘драгоценный’. В поэтических текстах сочетания *қайран черим* и *қайран элим* используются как синонимы, образующие параллельные конструкции.

Смысл ‘родина’ имеет название территории проживания шорцев: *шор чери* ‘шорская земля’. В памяти шорского народа сохраняется название национального Горно-Шорского района (1925-1939), существовавшего на территории исконного и современного проживания шорцев: *Туган черим – Таглыг Шор* ‘Моя родина – Горная Шория’; *Таглыг Шор черимай*; *Таглыг Шор Элимай* [Арбачакова 2001: 12; Тудегешева 2007: 157].

Для наименования своего региона шорцы также используют идиоэтноним *тадар*: *тиргилиг тадар черим* [Тенешев] ‘единая земля [народа] *тадар*’; *тадар черлердең* [Арбачакова 2001: 24] ‘из земель [народа] *тадар*’.

Источники

Арбачакова Л. Н. Оңзас черим. Тернии души. Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2001.

Бельчегешев Н. Е. Наа-эски чурт. Небесная Мрассу. Сборник стихов. Новокузнецк, 2000.

Тенешев С. Г. Кер сөстер (рукопись).

Тудегешева Т. В. Небесный полет девятиглазых стрел. Кемерово: ИПП «Кузбасс», 2007.

Чудояков А. И. Чооктар // Ёлгер. Қыырчаң ном. Кемерово: Кемеровское кн. изд., 1995.

Дыренкова Н. П. Шорский фольклор. М.-Л.: АН ССР, 1940.

I. V. Shentsova

The Notion of 'Motherland' in Shor⁴

The paper presents the results of research of Shor lexemes denoting the idea of Motherland as a natural area of the ethnos.

Keywords: Turkic languages, Shor, cognitive linguistics, lexicology.

⁴ This research is carried out within the framework of the project of the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences «Cultural universals of verbal traditions of the peoples of Siberia and the Far East: folklore, literature, language» supported by a grant from the Government of the Russian Federation for the promotion of research conducted under the guidance of leading scientists, contract № 075-15-2019-1884.

Ф. К. Сагдеева

*Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ,
г. Казань, fauzija.sagdeewa@yandex.ru*

Ценность акча ‘деньги’ в татарском языковом сознании

В работе рассматривается семантика татарских пословиц и поговорок с ключевым словом *акча* ‘деньги’. Анализ языкового материала показывает, что в татарских паремиях о деньгах наблюдается противоречивость смыслов, что свидетельствует о различных подходах людей к оценке денег, отразивших опыт татарского народа в выборе между материальными и духовными ценностями.

Ключевые слова: ценность, *акча* ‘деньги’, оценка, татарские пословицы и поговорки, языковое сознание.

Особой чертой человеческого сознания является отношение человека к деньгам, признание их значимости. Схожесть оценки роли денег у разных народов приводит к языковому заимствованию и усвоению афоризмов этой тематики. К примеру, разделяя мнение Б. Франклина *время – деньги*, русский народ пополнил свой лексикон этим крылатым выражением, как и фразеологизмом *деньги не пахнут*, связанным с именем римского императора Веспасиана. Этот фразеологизм стал более употребительным в русском языке, чем исконно русская пословица с тем же смыслом *на деньгах нет знаку*. По всей вероятности, предпочтение иностранному выражению можно объяснить его большей экспрессией [Пугач 2003: 147].

Следует отметить, что в целом сознание татарского народа единодушно с мусульманской религией. Тот, кто трудится, имеет право требовать справедливую оплату за свой труд. Ислам запрещает труд, связанный с недостойными способами зарабатывания денег. Если способ зарабатывания денег честный,

то он считается разрешенным и в татарском языке передается лексемой *хәләл*: *хәләл акча*, *хәләл мал* и др. Любой способ зарабатывания с причинением вреда другим людям считается запретным и в татарском языке передается лексемой *хәрәм / харам* [Сагдеева 2016].

Для анализа были отобраны пословицы из пословичных словарей и сборников с ключевым словом *акча* ‘деньги’. В результате проведенного анализа можно сделать следующий вывод. В пословицах и поговорках, репрезентирующих концепт *акча* ‘деньги’, можно выделить три холические результирующие: **позитивная** - *Акча булса, мал табыла* ‘Если будут деньги, имущество найдется’, *Акчаның йөзе якты* ‘Лицо денег светлое’, *Акчалы кешедән бала куркыр* ‘Человека с деньгами побоится беда, несчастье’, *Акчалы кеше арымас* ‘Человек с деньгами не устанет’; **негативная** - *Акча аздыра* ‘Деньги портят, развращают’, *Акча бирү - жан бирү* ‘Одалживать деньги - отдавать душу’ *Акча әдәмнең башына җитә* ‘Деньги губят человека’ и **двусторонняя** - *Акчаң барда сөяrlәр, акчаң беткәч сүгәrlәр* ‘Когда есть деньги - будут любить, когда деньги закончатся - будут ругать’ *Акылны биргән дә акча, алган да акча* ‘Деньги и дали ум, и забрали его’ и др.

Литература

Пугач В. Н. Деньги как общекультурный концепт в языковом сознании человечества (на примере афоризмов) // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста. Волгоград: Перемена, 2003. С. 147–149.

Сагдеева Ф. К. Ценность *хезмәт* (труд) в языковом сознании татар // Ученые записки КФУ им. В. И. Вернадского. Филологические науки. Симферополь. №3. 2016. С. 429–434.

Источник

Исәнбәт Н. Татар халык мәкальләре. Өч томда. Т.1. 1959. 915 б.

F. K. Sagdeeva

The value of *akcha* ‘money’ in the Tatar linguistic consciousness

The article deals with the semantics of Tatar proverbs and sayings with the keyword *akcha* ‘money’. The analysis of the linguistic material shows that in the Tatar paremias about money, there is a contradictory meaning, which indicates different approaches of people to the assessment of money, reflecting the experience of the Tatar people in choosing between material and spiritual values.

Key words: value, *akcha* ‘money’, assessment, Tatar proverbs and sayings.

УДК 811.512.151 + 81’373

А. А. Озонова, Е. В. Тюнтешева

*Институт филологии СО РАН, г. Новосибирск,
ajanao@mail.ru, tyunteshvae@mail.ru*

**Лексема *бай* как ключевое слово алтайской языковой
картины мира⁵**

Рассматривается семантика и сочетаемость слова *бай* и его производных. Отмечается ключевая роль этого понятия в языковой картине мира алтайцев.

Ключевые слова: алтайский язык, языковая картина мира, лексика, семантика.

Лексема *бай* относится к ключевым словам языковой картины мира алтайцев. Впервые семантику этой лексемы и ее производные описала Н. А. Яимова в своей работе «Табуированная лексика и эвфемизмы в алтайском языке» (1990). В известной книге алтайских исследователей В. А. Муйтуевой и

⁵ Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884).

М. П. Чочкиной «Алтай јан» (1996), в которой собраны нормы поведения в алтайском традиционном обществе, центральное место занимает понятие *бай*.

Прилагательное БАЙ I. имеет значение ‘священный, сакральный’. В этом значении оно употребляется по отношению к Алтаю, родной земле, тотемным животным и растениям, ритуальным предметам и сооружениям: *бай Алтай* ‘священный Алтай’, *бай терек* ‘священный тополь’, *бай кайын* ‘священная береза’, *бай арчын* ‘священный можжевельник’ и др.

В некоторых контекстах его синонимом выступает однокоренное ему слово *байлу* ‘священный, сакральный’, образованное от существительного *бай*. Например: *бай Алтай* ‘священный Алтай’, *байлу Алтай* ‘священный Алтай’. Сочетаемость прилагательного *байлу* более широкая, чем у *бай*.

Существительное БАЙ II. Материал показывает, что значение ‘табу’, выделяемое в «Алтайско-русском словаре» (2018), не исчерпывает всего объема значения этого слова. *Бай* – свод предписаний, регламентирующих жизнь в традиционном алтайском обществе, взаимоотношения как внутри него, так и с окружающим его миром: *Алтайдын байы* ‘предписания в отношении Алтая’, *алтай кижининг байы* ‘предписания поведения человека в традиционном обществе’, *бай тут-* (букв. ‘держат *бай*’) ‘соблюдать предписания, связанные с традиционными представлениями’.

Производным от существительного является также глагол *байла-* ‘почитать’. Этот глагол используется с ограниченным кругом существительных. Это прежде всего Алтай (иначе Алтай перестанет защищать, охранять), родную землю, где родился и вырос, священный родник, своих родителей, старшего по возрасту человека, огонь в своем очаге (иначе не будет счастья в семье), свой скот, от которого зависит достаток в семье, ее благополучие.

Глагол *байлан-* ‘соблюдать табу (*соблюдать запрет, налагаемый на какое-л. действие, слово, предмет по суеверным представлениям*)’ [Алтайско-русский словарь 2018: 99] образован от БАЙ II. В отличие от *бай тут-*, имеющего более широкое значение ‘соблюдать предписания, связанные с традиционными

представлениями’, *байлан*- подразумевает соблюдать именно запреты.

От приведенных выше слов образован ряд прилагательных, характеризующих человека: *байланчак* (< *байлан*-), *байланкай* (< *байла*-), *байчыл* (< *бай*) ‘строго придерживающийся обычаев, запретов, связанных с традиционными представлениями’ [Добринина 2020: 42].

Семантика слова *бай*, его сочетаемость и производные от него слова, свидетельствуют о важности этого понятия в культуре и языковой картине мира алтайцев. Соблюдение *бай* позволяет поддерживать равновесие в семье, обществе и во взаимодействии миров (людей, духов). Нарушение *бай* неизбежно влечет за собой наказание в виде болезней, смерти или утраты близких, потери достатка и др.

Список литературы

- Алтайско-русский словарь*. Горно-Алтайск, 2018. 936 с.
Добринина А. А. Алтайско-русский словарь прилагательных, характеризующих человека. Новосибирск: Академиздат, 2020. 128 с.
Муйтуева В. А., Чочкина М. П. Алтай жан. Горно-Алтайск, 1996. 208 с.
Яимова Н. А. Табуированная лексика и эвфемизмы в алтайском языке. Горно-Алтайск, 1990. 169 с.

A. A. Ozonova, E. V. Tyuntesheva

The Lexeme *bai* as a Key Word of the Altai Language World Picture⁶

The semantics and compatibility of the word *bai* and its derivatives are considered. The key role of this concept in the language picture of the world of the Altaians is noted.

Keywords: Altai language, language world picture, vocabulary, semantics.

⁶ This research is carried out within the framework of the project of the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences «Cultural universals of verbal traditions of the peoples of Siberia and the Far East: folklore, literature, language» supported by a grant from the Government of the Russian Federation for the promotion of research conducted under the guidance of leading scientists, contract № 075-15-2019-1884.

А. В. Байыр-оол

*Институт филологии СО РАН, г. Новосибирск,
azikoa@mail.ru*

**Лексика, репрезентирующая понятие «жизнь»,
в тувинском языке⁷**

В картине мира тувинцев существует множество субстанций, обозначающих понятие «жизнь» в разных её ипостасях. Жизнь как физиологическое существование человека, животного, всего живого выражается лексемами *амы*, *тын* и парным словом *амы-тын*. Лексемы *амыдырал*, *чуртталга* и *амыдырал-чуртталга* обладают значениями ‘жизнь’, ‘повседневная жизнь’, ‘образ жизни’, ‘деятельность’. Также для обозначения возраста и прожитой жизни используется слово *назын*.

В современном тувинском языке лексема *чуртталга* имеет наиболее общее значение и употребляется в качестве центрального понятия «жизнь», обозначая её как абстрактное явление и в конкретных проявлениях.

Ключевые слова: тувинский язык, лексика, языковая картина мира, понятие «жизнь», заимствованная лексика, монгольский язык.

В картине мира тувинцев существует ряд лексем для обозначения понятия «жизнь».

Жизнь как физиологическое существование человека, животного, всего живого выражается лексемами *амы* (монголизм, ср. п.-монг. *ати(n)*), монг. *амь* ‘жизнь; дыхание’), *тын* и парным словом *амы-тын*. Лексемы *амыдырал* (монголизм, производное от *амы*), *чуртталга* и *амыдырал-чуртталга* характеризуются наличием в своей семантике таких значений: ‘жизнь’, ‘повседневная жизнь’, ‘образ жизни’, ‘деятельность’. Также для

⁷ Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884).

обозначения возраста и прожитой жизни используется слово *назын* (монголизм *nasu(n)* / *нас(ан)* ‘возраст; годы, лета’).

Жизни *амы*, *амы-тын* и *тын* наиболее часто встречаются в составе устойчивых сочетаний, фразеологизмов. *Амы* и *амы-тын* представляются тувинцам в виде нити, например, *амызы үстүр* (букв. *амы*=его рваться), *амы-тыны үстүр* (букв. *амы-тын*=его рваться) ‘умирать, обрываться (о жизни)’. Прослеживается связь жизни *амы* с понятием души *тын*, которая в традиционном мировоззрении тувинцев и других тюркских народов Сибири представляется также в виде красной нити.

Слово *амыдырал* (ср. монг. *amidural* / *амьдрал* ‘воскрешение, оживление’; ‘жизнь, существование’) в тувинском имеет следующие значения: 1) жизнь как форма существования материи; 2) повседневная жизнь; быт; 3) образ жизни; 4) деятельность; 5) оживление, проявление деятельности [Монгуш 2003: 125–126]. По мнению Б.И. Татаринцева, у *амыдырал* «терминологизация слова (появление значений ‘быт’, ‘бытие’ на основе семантики типа ‘жизнь’) осуществлено на почве заимствующего языка» [Татаринцев 2000: 110].

С лексемой *чуртталга* (*чуртта*= ‘жить’ + афф. =ылга монгольского происхождения) образованы понятия и словосочетания, связанные с жилищем и проживанием в нем: *чуртталга бажыңнары* ‘жилые дома’, *чуртталга байдалы* ‘жилищные условия’, *чуртталга хандырылгазы* ‘жилищное обеспечение’ и т.д. По нашим наблюдениям, в речи современных носителей тувинского языка слово *чуртталга* начинает замещать значения *амыдырал*. Оно имеет наиболее общее значение и употребляется в качестве центрального понятия ‘жизнь’, обозначающее её как абстрактное явление и в конкретных проявлениях.

Человеческая жизнь от момента рождения до настоящего или другого определенного времени обозначается лексемой *назын*. Слово *назын* употребляется для обозначения периодов жизни: *чаш назын* (букв. детский возраст) ‘детство’, *чалыы назын* ‘юность’, ‘юный возраст’, *чөнүк назын* (букв. дряхлый возраст) ‘старость’. Традиционные и религиозные (буддийские)

представления тувинцев, связанные с жизнью человека, получили отражение в устойчивых сочетаниях и поговорках с *назын*: *дириг назын* (букв. живая жизнь) ‘проживаемая (сейчас) жизнь’, *соңгу назын* (букв. северная жизнь), *сөөлгү назын* (букв. последняя жизнь) ‘загробная жизнь’, ‘жизнь после смерти’, ‘следующая жизнь’ и др.

В качестве центрального понятия «жизнь» употребляется слово *чуртталга*, которая имеет наиболее общее значение. Остальные лексемы (*амы*, *тын*, *амы-тын*, *амыдырал*, *назын*) имеют более узкое значение, причем три из них имеют монгольское происхождение.

Список литературы

Монгуш Д. А. (ред.). Толковый словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2003. (Том I: А–Й). 599 с.

Монгуш Д. А. (ред.). Толковый словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2011. (Том II: К–С). 798 с.

Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука 2000. (Том I: А–Б). 391 с.

Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука 2008. (Том IV: М, Н, О, Ө, П). 442 с.

A. V. Bayyr-ool

Words Representing the Concept of «Life» in Tuvan Language⁸

In the Tuvan world image, there are many substances that denote the concept of «life» in its various forms. Life as the physiological existence of a person, animal, and all living things is expressed by the lexemes *ami*, *tin* and the paired word *ami-tin*. The lexemes *amidiral*, *čurttalga* and *amidiral-čurttalga* have the meanings ‘life’, ‘everyday

⁸ This research is carried out within the framework of the project of the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences «Cultural universals of verbal traditions of the peoples of Siberia and the Far East: folklore, literature, language» supported by a grant from the Government of the Russian Federation for the promotion of research conducted under the guidance of leading scientists, contract № 075-15-2019-1884.

life', 'lifestyle', 'activity'. Also, the word *nazın* is used to indicate the age and life lived. In the modern Tuvan language, the lexeme *čurttalga* has the most general meaning and is used as the central concept of «life», denoting it as an abstract phenomenon and in concrete manifestations.

Keywords: Tuvan language, lexis, language world view, the concept of «life», loanwords, Mongolian language.

УДК 811.512.153

О. Ю. Шагдурова

*Институт филологии СО РАН, г Новосибирск,
kokoshnikova@mail.ru*

Глагольная лексика с общим значением «умереть» на материале хакасского языка⁹

Рассматривается группа глаголов в хакасском языке, выражающих значение 'умереть'. Выявляются разные способы формирования значения 'умереть', на основе метафорического переноса, эвфемизации, на основе развития общей семантики.

Ключевые слова: хакасский язык, глагольная лексика, лексическое значение, семантика

В хакасском языке выявляется целый ряд глагольных лексем, выражающих понятие *умирать*. Наш материал включает 53 глагола.

Основным глаголом для выражения 'умирать' выступает общетюркский глагол *өл-*: *Хайдаг даа махачы чаачының чуртазында өөн пөгін – өлзе, ыырчының холынаң өл харарга, хозан чүректіглер санына кірбеске* [Султреков 2010: 216] 'Хоть у какого отважного воина основная цель – если умереть, умереть от руки врага, не попасть в число трусов'.

⁹ Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884).

1. Большая часть глаголов, выражающих значение ‘умереть’ формируется на основе переноса. Эти значения образуются как вторичные в результате развития семантики глагола: *јре*= ‘износиться, стать негодным от продолжительной носки, длительного употребления’ → ‘умереть (о человеке)’; *тоозыл*= ‘кончиться’ → ‘скончаться, умереть (о человеке)’; *хора*= ‘уменьшаться, убавляться, убывать’ → *перен.* ‘умереть, погибнуть’; *иңдеріл*=/ *аңдарыл*= ‘валиться, падать’ → *перен.* ‘умереть’; *ирт*= ‘прекращаться’ → *перен.* ‘умирать, погибать’.

К данной группе примыкают глаголы, выражающие смерть, образованной на основе эвфемизации. Это такие глаголы, которые связаны со смертью детей: *ойлат*= ‘заставлять кого-л., что-л. бежать, ехать’ → *перен.* ‘умереть (о ребенке)’; *учух*= ‘умирать (о детях)’; *чачыра*= ‘лететь, отлетать, отскакивать’ → *перен.* ‘внезапно умереть (о грудном ребёнке)’; *пала хыйыс*= ‘ребёнок умер’ (букв.: ребёнок улизнул).

2. Выявляется группа глаголов, в которых значение ‘умереть’ формируется у глаголов, основное значение которых выражает физическое состояние человека, ассоциирующееся с признаками смерти: *айлых*= ‘задышаться, запыхаться’ → ‘захлебнуться, умереть’; *пурлук*= ‘задышаться от чего-либо’ → ‘задохнуться от нехватки кислорода, умереть’; *маах*= ‘вымокнуть, насквозь промокнуть от дождя (о животных, птицах)’ → ‘погибать (об овцах, в результате большой скученности и давки)’; *майых*= ‘уставать, утомляться’ → *перен.* ‘умирать’; *нуз*= ‘закрывать глаза; жмурить глаза; жмуриться’ → *перен.* ‘умереть’; *ойдас*= ‘откидываться назад; падать на спину, падать навзничь; повалиться’ → ‘*перен.* умереть’.

3. Группа глаголов с семантикой «умереть из-за нарушения каких-либо запретов, связанных с традиционными формами деятельности человека»: *пулай*= ‘внезапно умереть из-за нарушения запрета’; *таныт*= ‘быть опознанным кем-л.’ → ‘попасться духам, хозяевам гор, вследствие чего внезапно тяжело заболеть, умереть’.

4. Выделяется группа глаголов, связанных с намеренным лишением жизни кого-л. и с намеренным лишением жизни себя. Данные глаголы образуются при помощи присоединения залоговых аффиксов понудительного и возвратного: *јрет*= ‘износить,

продолжительной ноской сделать негодным (одежду, обувь) → ‘истребить, уничтожить кого-л., что-л. (обычно скот)’; *атын*= ‘стреляться’; *моон*=/*поон*= ‘вешаться; повеситься’; *өдiрiн*= ‘наложить на себя руки’; *пычахтан*= ‘заколоться, зарезаться ножом’.

5. Группа глаголов с образно-характеризующими значениями. Данные глаголы стилистически окрашены, приобретают эмоционально-экспрессивную семантику, относятся к разговорной речи: *ташла*= ‘трещать, издавая треск, звон’ → *груб.* ‘умереть, отдать концы’; *тоңхай*= ‘становиться на четвереньки’; ‘нагибаться головой к земле’ → *груб.* ‘умереть’; *тынчых*= ‘торопиться, очень спешить’, ‘изнемогать, слабость’ → ‘подыхать’; *тыных*= ‘торопиться, очень спешить’ → *груб.* ‘подыхать’; *тырай*= ‘раскорячиваться, расставляя ноги, руки’ → *груб.* ‘внезапно умереть’.

Таким образом, в хакасском языке выявляется большая группа глаголов, называющая конец существования, выражающих значение ‘умереть’. Данные глаголы формируются разными способами, на основе развития семантики.

Источники

Султреков 2010 – Чалбарт хайаның чазыттары. – Тайны горы Чалбарт. Часть II. На хакасском языке. Сост. Е.А. Султреков. Абакан: Хакасское книжное издательство, 2010. 292 с.

O.Yu. Shagdurova

Verbs with the general meaning «to die» on the material of the khakass language¹⁰

A group of verbs in the Khakass language expressing the meaning of ‘to die’ is considered. Different ways of forming the meaning of ‘die’

¹⁰ This research is carried out within the framework of the project of the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences «Cultural universals of verbal traditions of the peoples of Siberia and the Far East: folklore, literature, language» supported by a grant from the Government of the Russian Federation for the promotion of research conducted under the guidance of leading scientists, contract № 075-15-2019-1884.

are revealed, based on metaphorical transfer, euphemization, based on the development of general semantics.

Keywords: Khakass language, verbal vocabulary, lexical meaning, semantics.

УДК 811.512.151 + 81'373

А. Р. Тазранова

*Институт филологии СО РАН, г Новосибирск,
atazranova@mail.ru*

Концепт «смерть» в языковой картине мира алтайцев¹¹

Рассматривается концепт «СМЕРТЬ» в алтайском языке, дается его лингвистическое описание, показана структура данного концепта.

Ключевые слова: алтайский язык, концепт, языковая картина мира.

Доклад посвящен лингвистическому описанию концепта «СМЕРТЬ» в алтайском языке, позволяющему выявить специфику алтайской языковой картины мира. Концепт «СМЕРТЬ» является одним из универсальных, в нем актуализируется общественно-исторический опыт, накопленный человеком за историю своего существования. Однако и универсальные концепты могут быть представлены в картинах мира разных лингвокультурных общностей по-разному. Как известно, каждый язык имеет свой способ концептуализации мира.

В алтайском языке концепт «смерть» репрезентирован рядом лексем: *өлүм* 'смерть', *өлүм-жидим* 'смерть', 'гибель'; *өлүм-шыра*

¹¹ Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884).

собр. ‘смерть-мука’; *өлүм-жеткер* собр. ‘смерть’, ‘гибель-несчастный случай’, ‘горе’; *өлүш* ‘смерть’, ‘гибель’; *ачу-корон* (букв. больно, горько-яд) ‘беда’, ‘роковой случай’, ‘смерть’.

ӨЛҮМ ‘смерть’, ‘кончина’ является общетюркским, например: *өлім* (в хакасском), *өлүм* (в киргизском, уйгурском, тувинском, азербайджанском), *өлім* (в казахском), *өлим* (в каракалпакском), *үлем* (в татарском) и др.

Ядро концепта СМЕРТЬ связано с представлением о сроке человеческой жизни, периодом жизни, на протяжении которого расходуется отпущенная каждому человеку жизненная энергия. В башкирском языке корень *өл / үл* Ф. Г. Хисамитдинова считает древнейшим элементом и семантику лексемы *үлем* связывает со словом *өлөш* ‘доля’ (ср. *өлүү* ‘доля’, ‘смерть’), т.е. время смерти воспринималось как предопределение [Бравина, 2005: 160–161]. Смерть вербализована неминуемая участь человека, и с этим нужно смириться, что отражено в алтайской пословице: алт. «*Өлүмнөн өтпөзін, салымнан артпазын*» ‘Смерти не минуешь, от судьбы не уйдешь’, т.е. смерть. У алтайцев, как и у многих тюркских народов, получили широкое употребление эвфемизмы, связанные с темой смерти: *божоп калган* эвф. ‘скончался’ (букв.: закончился, скончался); *јада калган* эвф. ‘умер, погиб’ (букв.: лежать остался). Приядерную зону составляют представления о смерти как об уходе или возвращении в иной мир: *ол јерге јүре берген \ атана берген* ‘ушел \ отправился на тот свет’, *јана берген* ‘возвратился домой’; об исчезновении или лишении чего-л.: *ак-јарыктан јүре берген* ‘уйти из жизни, покинуть землю’ (букв.: с белого света ушел); *бистен јүре берген* ‘ушел от нас’, *каранын јерине барган* ‘отправился в место темноты’; *јок болуп калган* ‘умер’ (букв.: исчез), употребление таких эвфемизмов отмечено также Н. А. Яимовой [1990: 38]. Смерть обозначается и как прерывание жизни: *јүрүми үзүлген* ‘жизнь прервалась’ (букв.: жизнь его оторвалась); как прекращение дыхания: *тыны чыккан* ‘испускать последний вздох’ (букв.: дыхание его вышло); *тыныжы соогон* ‘умер’ (букв.: дыхание его охладело); как переход в другое состояние, состояние покоя, противоположное

жизни-движению (*jür*= ‘ходить; жить’): *амырап калган* ‘умер’ (букв.: остался отдыхать); *уйуктап калган* ‘умер’ (букв.: уснул).

Периферию обуславливают следующие факторы отношения человека к «смерти»: «хорошая» (достойная, легкая) смерть: *бойынын өлүми* ‘смерть по-человечески, т.е. своя смерть’. Считается, что каждому суждена своя смерть, которая дается свыше по заслугам. Тот, кто прожил «правильную» жизнь, умирает легко, внезапно. «Легкой» смертью (*jenil өлүм*) считалась спокойная смерть в преклонном возрасте в кругу своих родных, без сожаления о предстоящей кончине и с короткой, во временном отношении, предсмертной болезнью. «Плохой» смертью (*јаман өлүм*) считался преждевременный уход из жизни: *јүрүми үзүлген* ‘умереть преждевременно, рано’ (букв.: жизнь его прервалась). У кого много грехов (убил человека, разрушил семью, истреблял животных и пр.), тот расплачивается мучительной смертью. У алтайцев есть пословица: «*Јакшыда јүрүм јок, јаманда өлүм јок*» ‘У хорошего [человека] жизни нет, у плохого смерти нет’. В силу того, что жизнь и смерть человека предопределены свыше, самоубийство считается недопустимым. Самоубийство, убийство и смерть в результате несчастного случая считается также «дурной, нехорошей» смертью: *колданган / кол салынган* ‘накладывая на себя руки, кончать жизнь самоубийством’ (букв.: руку положил на себя). Представление, что смерть всегда находится рядом, отражает алтайская поговорка «*Јеткер јен алдында*» ‘беда [всегда находится] под рукавами’ со значением опасность подстерегает человека на каждом шагу. Смерть последнего человека из семьи, не оставившего потомства выражается глаголом *кыр*= ‘уничтожать’: *кырылар* (букв.: истребитель): *Мамай угы кырылган* ‘Род Мамаевых исчез’, т.е. никого не осталось, все умерли. В наименованиях иного мира отразилось почитание предков: *ада-өбөкөзинин јери* ‘место предков’ (букв.: место отцов-предков); *мөңкү јер* ‘иной мир’ (букв.: вечный мир); *чын јер* (букв.: истинная земля).

Литература

Бравина Р. И. Концепция жизни и смерти в культуре этноса. На материале традиции саха. Новосибирск: Наука, 2005. 307 с.

Хисамитдинова Ф. Г. Концепт «өлеш / доля» в башкирском языке // Межкультурный диалог в Евразийском пространстве. Язык и литература в межкультурной коммуникации народов Евразии. Уфа, 2002. С. 193–195.

Яимова Н. А. Табуированная лексика и эвфемизмы в алтайском языке. Горно-Алтайск, 1990. 169 с.

A. R. Tazranova

The Concept of Death in the Altai Language World Picture¹²

The Altai concept of 'death' is studied, its linguistic description is given, the structure of this concept is shown.

Keywords: The Altai language, concept, language picture of the world

УДК 811.512.145

A. K. Булатова

*Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ,
г. Казань, alf_0082.82@mail.ru*

К вопросу о семантической деривации в татарском языке

Доклад посвящен изучению семантической деривации, анализу результатов деривационных процессов, определению роли семантической деривации в формировании лексико-семантической системы татарского языка.

¹² This research is carried out within the framework of the project of the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences «Cultural universals of verbal traditions of the peoples of Siberia and the Far East: folklore, literature, language» supported by a grant from the Government of the Russian Federation for the promotion of research conducted under the guidance of leading scientists, contract № 075-15-2019-1884.

Ключевые слова: лексика, татарский язык, деривация, полисемия, семантика.

Становление лексического богатства татарского языка, как и любого другого, происходило не сразу. В языке непрерывно образуются новые слова, расширяются значения уже существующих лексических единиц, некоторые лексемы (или их семы) перестают употребляться. Все эти процессы обусловлены различными экстралингвистическими и интралингвистическими факторами.

Семантическая деривация — процесс появления у слова семантически производных значений, семантических коннотаций, дополнительных значений, то есть процесс расширения семантического объёма слова, приводящий к возникновению семантического синкретизма, результатом которого является появление так называемой полисемии [Булатова 2018: 42; Сагдеева 2021: 117].

При изменении значений слова происходит изменение его семантической структуры: одни компоненты значения активизируются, другие, наоборот, ослабевают. Новые значения расширяют семантическое поле и объём лексической единицы. Например, слово *елга* в номинативном значении ‘река, речка’ приобрела переносное значение ‘огромное количество чего-л. движущегося’: *Күз яшьләре елга булып ага* (А. Алиш) ‘Слёзы текут рекой’. Лексическая единица также используется в переносном значении ‘течение чего-либо, направление’: *Анда [райкомда] хэят елгасына юнәлеш бирелә, аның агышы тизләтелә, төрле чүп-чарлар, киртәләр алып атыла* (Ф. Садриев) ‘Там [в райкоме] даётся направление жизни, ускоряется её темп, убираются различные помехи и мелочи’.

Семантические изменения происходят на основе определённых закономерностей, при этом производные сохраняют общие признаки. Под изменением значений мы имеем в виду расширение и сужение значения и энантиосемию.

Появление новых понятий не всегда сопровождается появлением новой лексической единицы для их обозначения, в

некоторых случаях уже используемое в языке слово обогащается новыми оттенками значения, в определенном контексте увеличивается семантический объём слова, происходит расширение значения лексемы. В качестве примера можно привести слово *караш*, номинативное значение которого ‘взгляд, взор’. У лексемы появилась сема ‘взгляд, мнение, позиция’: *Ничек булса да тамәке тартуга карата тискәре караш тудырырга кирәк* (Татарстан яшьләре) ‘Как бы ни было нужно воспитать отрицательное отношение к табакокурению’.

В процессе развития лексической единицы та или иная сема может перестать употребляться, происходит ограничение семантического объёма слова – сужение значения. Номинативное значение слова *сагыш* ‘дума, размышление’ со временем устарело и в настоящий момент не используется, а номинативным стал исходный от этого значения лексико-семантический вариант ‘тоска, грусть, печаль’, который шире по объёму, чем первый: *Шәһринәң күңеле тулы сагыш иде* (Ф. Яхин) ‘Душа Шахри была полна грусти’.

При функционировании языка в разных условиях речевой ситуации или же в отдельно взятом контексте одно и то же слово может иметь лексико-семантические варианты, противоположные по значению, возникает энантиосемия. Например, в определенных контекстах слово *уйнау* ‘играть, развлекаться’ приобретает отрицательное значение ‘зло подшутить’: *Аларның дини халык һәм аларның хисләрендә уйнау – ул жинаять кылу* (Өмет) ‘Это настоящее преступление – играть с чувствами верующих людей’.

Таким образом, семантическая деривация является процессом семантических изменений, происходящих в семантической структуре слова.

Литература

Булатова А. К. Полисемия в современном татарском литературном языке. Казань: ИЯЛИ, 2018. 108 с.

Сагдеева Ф. К., Сафаров Р. Т., Булатова А. К. К вопросу соотношения понятий «семантическая деривация» и «полисемия» // Казанская наука, 2021. №1. С. 116–118.

Источники

Письменный корпус татарского языка // <https://www.corpus.tatar/index.php?of=main.htm#top> (Дата обращения 06.06.2021).

А. К. Bulatova

On the Issue of Semantic Derivation in the Tatar Language

This article is devoted to the study of semantic derivation, analysis of the results of derivation processes, and definition of the role of semantic derivation in the formation of the lexical and semantic system of the Tatar language.

Keywords: vocabulary, Tatar language, derivation, polysemy, semantics.

УДК 811.512

К. Н. Стручков

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск
kstruchkov@mail.ru*

Сравнительно-сопоставительный анализ глагольной лексики в монгольском и эвенкийском языках

Рассматриваются вопросы монгольско-тунгусо-маньчжурского взаимодействия. В результате анализа фактического материала и с учетом опыта предшественников сделана попытка в сторону систематического разграничения собственного и заимствованного пласта в лексике этих языков.

Ключевые слова: монгольский язык, эвенкийский язык, контакты, заимствования, глагольная лексика.

Проблема языковых контактов и заимствований между отдельными группами алтайских языков и отдельными языками, принадлежащими к разным языковым группам, является актуальной. Именно заимствованные лексические единицы в разные десятилетия XX века были предметом внимания в работах Б. Я. Владимирцова, В. Л. Котвича, Г. Д. Санжеева, В. И. Цинциус и др.

Одной из важных задач изучения лексики, общей для монгольского, маньчжурского и тунгусских языков, а именно – глагольных лексем, является максимально полное выявление массива материала, составляющего данную группу. С этой целью нами были изучены все материалы «Сравнительного словаря тунгусо-маньчжурских языков» [1975; 1977], в котором обобщена лексика маньчжурского и тунгусских языков.

Хотя вопрос о контактах монгольских языков с тунгусо-маньчжурскими ставился давно, но изучалось главным образом монгольское влияние на тунгусо-маньчжурские языки. Влияние же тунгусо-маньчжурских языков на развитие отдельных монгольских языков почти не затрагивалось, за исключением ряда работ.

В конце 1960-х годов началось изучение проблемы влияния тунгусо-маньчжурских языков на развитие бурятского языка. Все-таки до настоящего времени вопрос об их влиянии на лексику других монгольских языков остается недостаточно изученным. При этом следует сказать, что в результате сопоставления лексики в первую очередь бурятского и эвенкийского языков исследователям удалось выявить значительное количество общих словарных элементов. Большое количество лексики монгольского языка оказалось тунгусо-маньчжурским по происхождению. Поэтому дальнейшее углубленное изучение влияния тунгусо-маньчжурских языков на монгольские языки представляется крайне важным для изучения глубины взаимовлияния монгольских и тунгусо-маньчжурских языков.

Список глаголов тунгусо-маньчжурских языков, имеющих соответствия в тунгусских языках и монгольском языке

1. эвенк.: *акса-* (*акша-* / *аһса-*, *окса-*) ‘обидеться, рассердиться’, эвен.: *ас-* [*акса-*], *аи-* ‘обидеться, рассердиться’, нег.: *акса-* ‘рассердиться, разозлиться’, *аксакта-* ‘обижаться, сердиться, злиться’, орок.: *акса-* ‘обидеться’, нан.: *акса-* ‘обидеться’, нан.: *акса-*, *окса-* ‘обидеться’, мо.: *aysumla-* / *aysumna-* ‘скандалить, рваться вперед, горячиться (о коне)’, ма: *акшула-* ‘ругать’ [ТМС, Т. 1, с. 25].

2. эвенк.: *бадара-* ‘гореть (о лесе), спалить (лес, деревья)’, *бадару-* ‘сжигать (лес, деревья)’, ма: *badara-* ‘распространяться, разливаться (о воде), плодиться (о скоте), обогащаться, подниматься (о тесте), вздуться (об опухоли)’, мо: *badara-* ‘распространяться, вдохновляться, гореть пламенем’ [ТМС, Т. 1, с. 63].

3. эвенк.: *болзо-* [<як.] ‘назначить срок, обещать’, мо: *bolja-* / : *bolju-* ‘условиться, уговориться о чем-л., назначить срок, собраться в условленное время и место’ [ТМС, Т. 1, с. 92].

Больше всего глаголов, являющихся общими для монгольского и тунгусо-маньчжурского языков, отмечается в эвенкийском языке. Примерное количество монгольских глаголов, встречающихся в этом языке и отсутствующих в маньчжурском языке, более 100. Заимствованные через посредство якутского языка глаголы составляют около 10% от этого количества. Ведь говоры восточного наречия испытали наиболее сильное влияние якутского языка, служившего посредником в распространении монгольской лексики на тунгусские языки.

Список литературы

Аникин А. Е. Тунгусо-маньчжурские этимологии // Языки народов СССР. Новосибирск, 1988. – С. 173-190.

Бертагаев Т. А. Лексика современных литературных монгольских языков. – М., 1974. – 383 с.

Рассадин В. И. Влияние тюркских и тунгусо-маньчжурских языков на формирование лексического состава бурятского языка

// Актуальные проблемы современного монголоведения. – Улан-Батор, 1987.– С. 169-183.

Романова А. В., Мыреева А. Н., Барашков П. П. Взаимовлияние эвенкийского и якутского языков. – Л., Наука, 1975. – 211 с.

Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: Материалы к этимологическому словарю. В 2-х томах. Отв. ред. В. И. Цинциус. Т. I. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1975. Т. II. – Л. 1977.

K. N. Struchkov

Comparative Analysis of Verbal Vocabulary in Mongolian and Evenki

The paper discusses the issues of Mongolian-Tungus-Manchurian interaction. As a result of the analysis of the actual material and, taking into account the experience of the predecessors, an attempt is made towards the systematic distinction of own and borrowed resources in the vocabulary of these languages.

Keywords: Mongolian, Evenki, contacts, borrowing, verbal vocabulary.

УДК 81-23

З. Д. Бардаханова

*Забайкальский государственный университет, г. Чита,
zamira7777@mail.ru*

О санскрит-тибетском имени Буда и хори-бурятском Бода (на материале ревизских описей)¹³

В работе рассматривается антропоним санскрит-тибетского происхождения Буда, который в хори-бурятской антропонимии в ревизской описи отражен как Бода, что объясняется нормами

¹³ При финансовой поддержке гранта РФФИ № 20-012-00335 А «Словарь исторической антропонимии хори-бурят».

старописьменного монгольского языка.

Ключевые слова: Государственный Архив Забайкальского края, ревизские описи, антропонимика, старописьменный монгольский язык.

В Государственном Архиве Забайкальского края (ГАЗК) в ревизских описях имеются именные списки по отдельным родам хори-бурят [ГАЗК]. Так, в именном списке Бодонгутского рода насчитывается 654 семьи. В качестве иллюстрации представим анализ семьи под №202 на странице 376:

№	Имя и прозвание	По переписи 1823 года	По переписи 1831 года		Объяснение
			ниже 18 и выше 50 лет	от 18 до 50ти лет, т.е. способный к работам и промыслам	
202	Зодбо Шомушкiewicz	43	51	–	
	Зодбевы сыновья				
	1-й Доржи	22	–	30	
	2-й Лама	18	–	26	
	Его сын Бода	–	4	–	новорожденной
	3-й Гомбо	16	–	24	
	4-й Сырынъ рынчинъ	15	–	23	
	5-й Арампиль	11	–	19	
	6-й Ваширь	6	14	–	
	7-й Санжи	7	15	–	

Собственные имена в данной таблице все тибетского происхождения за исключением имен *Лама* и *Буда*. Проникновение буддизма на территорию Забайкалья повлияло на появление большого количества имен санскрит-тибетского происхождения посредством старописьменного монгольского языка, которым буряты пользовались вплоть до создания новой письменности (1930 г.). Центрами просвещения являлись буддийские храмы. Грамотность бурятов начала XX века описаны в статье «Национальная система старописьменно-монгольской грамотности у бурят» [Жамсаранова 2020].

Значения имен: *Зодбо* ‘терпение’, *Доржи* ‘алмаз’ (тибетский перевод санскритского слова ‘ваджра’), *Гомбо* ‘имя покровителя, защитника, хранителя веры’, *Сырынъ* ‘долгая жизнь’, *Рынчинъ* ‘драгоценность’, *Арампиль* ‘самоувеличивающийся’, *Санжи*

‘распространяющий чистоту’ [Сотников 2004]. *Аранпилъ* встречается в виде *Рантил*. Появление инициальной *a* объясняется тем, что в монгольских языках в заимствованных словах, которые начинались с согласной буквы, вставлялась гласная [Бардаханова 2020: 49]. 4-й сын *Сырынъ Рынчинъ* назван согласно распространенной на Тибете антропонимической модели, а именно двухкомпонентной (например, *Лувсан Дамба*). Личное имя *Ваширь* переводится как ‘ваджра’ [Бардаханова 2020: 49]. *Бода / Буда* санскритского происхождения, означает «просветленный» [Сотников 2004: 4]. В результате неразличения гласных *o / u* в старописьменном монгольском языке возникли *Vuda/Voda*: Данное имя распространено среди бурят, но не у тибетцев. Возможно, на употребление данного имени повлияло его значение. Собственное имя *Лама* от старомонгольского *blam=a, lama* ‘буддийский монах’ (ср. тиб. *кушок*).

Значение имен отдельно взятой семьи, жившей почти 200 лет назад, связаны с фактом принятия хори-бурятами буддизма (ламаизма). Личные имена отражают отпечаток эпохи, заимствования из тибетского языка в настоящее время уже не осознаются иноязычными.

Список литературы

Бардаханова З. Д. Личное имя Вашир ~ Очир в историческом именнике хори-бурят // Универсальное и специфичное в вербальных традициях народов современной России. Тезисы Всероссийской научной конференции. Новосибирск, 2020. С. 48–50.

Государственный Архив Забайкальского края (ГАЗК). Ревизская сказка 1831 года июля дня, Иркутской Губернии Верхнеудинского округа, Ведомства Хоринской Степной Думы Бодонгутского рода // Государственный архив Забайкальского края. Фонд № 284. Архивная опись №1. Дело постоянного хранения № 50 за 1830–1931.

Жамсаранова Р. Г. Национальная система старописьменно-монгольской грамотности у бурят // Русский язык в современном Китае. Материалы VIII Международной научно-практической конференции. 2020. С. 126–130.

Сотников И. Словарь бурятских имен. Иволгинск: Издательство Буддийской академии «Даша Чойнхорлинг», 2004.

Z. D. Bardakhanova

**On the Sanskrit-Tibetan Name *Buda* and the Khori-Buryat *Boda*
(Based on Revision Inventories)**

The article considers *Buda*, an anthroponym of Sanskrit-Tibetan origin, reflected as *Boda* in the Khori-Buryat anthroponymy in the revision inventory, which is explained by the norms of the Old Mongolian language.

Keywords: State Archive of the Trans-Baikal Territory, revision inventories, anthroponymy, old-style Mongolian language.

УДК 398.95

Н. Г. Гурбангулыева

*Институт языка, литературы и национальных рукописей
им. Махтумкули Академии наук Туркменистана, г. Ашхабад,
enesh1961@gmail.com*

**Художественное своеобразие туркменских пословиц,
связанных с конём**

Рассматриваются туркменские пословицы, касающиеся ахалтекинских коней. В туркменских пословицах художественно передаются норовы, повадки ахалтекинских коней и преданность их человеку.

Ключевые слова: ахалтекинские кони, пословицы о конях.

Пословицы являются одной из древнейших форм народного творчества. Малые по форме назидательные изречения, обладающие глубоким и действенным смыслом, несут в себе большую содержательную нагрузку [Аннануров 1960: 20].

Пословицы создаются в виде кратких изречений и небольших ритмизированных текстов, состоящих из двух или четырех четверостиший в лаконичной, гармоничной форме передающих содержание с глубоким смыслом жизненного, бытового или общеприкладного характера.

Еще одна особенность этого вида народного творчества заключается в том, что в них сложные фразовые предложения используются для образования ни к чему не обязывающей связи, подчеркивая уникальность этой поэтической формы. *At gylygyndan iýmini artdyr, gyz gylygyndan – sepini* ‘По стати коня увеличь корм, а по нраву девушки – ее украшения’ [Чарыев 2005:58]. Здесь употреблены два простых предложения, смысл которых раскрывается на основе совпадения, тождественности. В первой части предложения говорится, что кони объезжаются с учётом их норова, во второй – через слово *sep* ‘украшение’ делается вывод о нраве и характере девушки, о том какая она рукодельница и мастерица. В этом заключен основной смысл пословицы.

В пословицах эффективно, рельефно, через опосредованное сходство, посредством ассоциаций и сравнений проявляется их основной смысл. В первой части пословицы *At keselini andyz açar, gyz keselini – gopuz* ‘Болезнь лошади исцелит девясил, а болезнь девушки – гопуз’ [Чарыев 2005: 58] подчеркивается важность применения травы *девясил* в лечении лошадей. Во второй, слово «болезнь» используется в переносном значении. Играя на *гопузе*, девушки выражают свои потаённые чувства, переполняющие их сердца и духовный мир.

Смысл пословицы *Bedew at menzil keser* ‘Конь-скакун преодолеет расстояния’ [Чарыев 2005: 195] раскрывает такие качества коня, как выносливость, образно свидетельствуя о том факте, что ахалтекинец может преодолеть самые большие расстояния.

В пословице *At ady bilen, ýigit ody bilen* ‘Именем славен конь, а джигита украшает огонь’ [Чарыев 2005: 152] подчеркивается, что джигит известен в народе своей храбростью, удалью, а о коне судят по его резвости. Пословица показывает, что лошадь является надежным другом человека благодаря таким её качествам, как резвость, выносливость и преданность.

Наши предки оставили нам в наследство мудрые, глубокие в смысловом отношении пословицы, облачённые в ясную, лаконичную форму, в сжатом концентрированном виде вмещающие в своём содержании опыт и знания народа, раскрывающие богатый духовный мир человека.

Литература

Annanurow Ata. Türkmen nakyllarynyň we atalar sözüniň sintaktik aýratynlyklary. Aşgabat, 1960.

Çaryýew M. Türkmen halk nakyllary. Aşgabat: Türkmenistanyň milli medeniýet «Miras» merkezi, 2005.

N. Gurbangulyeva

Literary Traits of Turkmen Proverbs Related to Horses

This article is focused on Turkmen proverbs concerning Akhal-Teke horses. Based on the analyzed materials, we show that Turkmen proverbs figuratively convey the character traits of horses, their habits, and their devotion to humans.

Keywords: Akhal-Teke horses, proverbs about horses.

А. О. Сагайдачная

*Институт филологии СО РАН, г. Новосибирск,
a_trofimova@mail.ru*

Проблемы, возникающие при составлении «Русско-удэгейского словаря», и пути их решения

При составлении «Русско-удэгейского словаря» и подборе контекстов мы сделали попытку решить некоторые теоретические проблемы, связанные с организацией и подачей материала. Эти проблемы во многом определяются различием грамматических систем двух языков.

Ключевые слова: Русско-удэгейский словарь, различия грамматических систем, полувспомогательные глаголы, отглагольные формы, предлоги и послелогии.

Проблема составления «Русско-удэгейского словаря» назрела давно. Ее решение является тем более актуальным, что при наличии нескольких удэгейско-русских словарей до сих пор не существует ни одного русско-удэгейского словаря.

Составляя «Русско-удэгейский словарь» и подбирая иллюстративный материал, мы попытались решить некоторые теоретические проблемы, связанные с организацией и подачей материала.

а) Интерес представляет подача таких полувспомогательных глаголов в русском языке, как *начинать, велеть, вызывать, заставлять, позволять, намереваться, хотеть*. По-русски *начинать играть* (аналитическая конструкция) – по-удэгейски *гуси=ли-* (выражается суффиксально), *намереваться убить* – *вак=ча-*. Глаголам, которые в удэгейском относятся к каузативным, образуясь (синтетически) от глагольной основы с помощью суффикса *-вАнА-*, в русском часто соответствуют аналитические конструкции с глаголами *велеть, заставлять,*

позволять или же синтетические глаголы с внутренне присущей им семантикой каузации. В «Русско-удэгейском словаре» подобные глаголы нужно искать, как правило, в словарных статьях, посвящённых глаголам *начинать, велеть, намереваться, хотеть* и др.:

Заставить, *заставлю, заставит* и **заставлять**, -ю, -ет что-л. *делать (сделать)* – данное значение, как и значение повеления, выражается каузативным суффиксом -вана- / -вэнэ- в составе смыслового глагола: [...] □ **заставлять засыпать, уложить спать** нуавана- (*о сне*): **вырыл молодец в тайге берлогу и там уложил спать (медвежат)** – йэгдигэ‘ буа хуандулани улээни агду, утала нуавацкини.

б) В силу различий грамматических систем двух языков служебными словами в русском языке являются предлоги, а в удэгейском послелогои. Предлоги русского языка подаются в словаре следующим образом:

по предлог 1) значение передается аффиксом мест. пад. -ла- (-лэ-): Его ударило веткой **по лицу**, когда он шел **по тайге** – Мб гāни **дэгдилэни** пактанани, буа ху‘эфэ хулисини; 2) значение передается аффиксом прод. пад. -ли- (в знач. «по реке, по дороге (вдоль)»): дальше поднимается **по Амуру**; после этого **по Уссури вверх** – гоо солойни **Маџмули**; ути амялани **Уссурили** солойни; 3) передается послелогоами д‘офа, огд‘офа, ои‘офа, уи‘эфэ в сочет. с беспад. ф-мой суц. Летом, когда плавают **по реке**, всегда **ночуют на косе** – Зуа хулими **би‘аса д‘офа**, ту-ту битала аңасити; **ягода кишмиш растёт по склонам сопок** – Гэгбэнкү киаңа амуни **вэ огд‘офа** багдини; **селезень по воде хлопать крыльями начал** – томиэ **ули ои‘офа** тактасилиани; с тех пор **белка по деревьям стала прыгать** – утадиғи олохи **мб уи‘эфэ** хэтиғ‘эсилиэни; □ **по тайге** □ буа ху‘эфэ: Его ударило веткой **по лицу**, когда он шел **по тайге** – Мб гāни дэгдилэни пактанани, буа ху‘эфэ хулисини.

Список литературы

- Гирфанова А. Х. Удэгейский словарь. СПб.: Наука, 2001.
Кормушин И. В. Удыхейский язык. М.: Наука, 1998.

Кялундзюга В. Т. Удиэ кэйэвэни оёоити (Удэгейский букварь). Хабаровск: Хабаровское книж. изд-во. 1999. 160 с.

Неопубликованные полевые материалы М. Д. Симонова «Новые дополнения к удэгейско-русскому словарю» (рукопись).

Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Л.: Наука, Т. 1. 1975, Т. 2 1977.

Фольклор удэгейцев. Ниманку. Тэлунгу. Ехэ // Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока / под ред. В. Т. Кялундзюги, М. Д. Симонова, М. М. Хасановой. Новосибирск: Наука, 1998. Т. 18.

An Udehe Autobiographical Text with a Russian Translation by Aleksandr Kanchuga. Edited with a Japanese Translation by T. Tsumagari // Publications on Tungus Languages and Cultures 17. Nakanishi Printing Co, Ltd. 2002.

Kyalundzuga, V. T. & Simonov, M. D. An Udeghe Language Dictionary. Khor River Region Dialect. (Ed. A. Majewicz). Стеншев 1998 (В 3-х томах).

Nikolaeva, I., Perekhval'skaya, E. & Tolskaya, M., eds. Udeghe Texts. With Preface by T. Tsumagari // Endangered Languages of the Pacific Rim (ELPR Publications Series A2–025). Nakanishi Printing Co, Ltd. 2003.

A. O. Sagaydachnaya

Problems Appearing in Compiling of the Russian-Udihe Dictionary and Ways to Solve Them

The problem of absence of a Russian-Udihe dictionary is long overdue. Compiling of the dictionary is very important for linguistics of minor languages. Here, we try to solve several theoretical problems which emerged during the compilation of the dictionary.

Keywords: Russian-Udihe dictionary, different grammatical systems, semi-auxiliary verbs, verbal forms, prepositions and postpositions.

С. В. Ковылин

*Томский государственный педагогический университет,
Томский государственный университет, г. Томск,
kovylin.ser@yandex.ru*

**О памятнике селькупской письменности Макария
(Невского) «Материалы для ознакомления с наречием
остяков Нарымского края» 1887 г.**

Доклад посвящен одному из ранних памятников селькупской письменности на нарымском диалекте, записанным Макарием (Невским).

Ключевые слова: селькупский язык, Макарий (Невский), памятник.

Макарий (Невский) занимался изучением народов и языков уральской и алтайской языковых групп Западной Сибири и Алтая. Будучи миссионером, он основывался на доктрине просвещения аборигенного населения того времени через церковное образование, включавшее переводы церковных текстов на местные языки, что, например, ясно видно из отчетов, представленных в «Томских епархиальных ведомостях» (ТЕП) [ТЕП 1880–1919].

В 1887 г. в Нарыме им были взяты два крещеных инородца, знающих русский язык, от которых по пути в Томск были записаны сведения «о быте, обычаях и наречии туземных остяков» [ПНК 1888: 16–17]. Материал опубликован в приложении № 7 к отчету об Алтайской и Киргизской миссиях за 1887 г. под заголовком «Материалы для ознакомления с наречием остяков Нарымского края» [Приложение 7-е 1888] и сопровождается многочисленными комментариями автора. Памятник объемом в 15 страниц включает в себя 814 селькупских словоформ и может быть условно разделен на 11 частей.

Для выявления особенностей памятника XIX в. был проведен сопоставительный анализ с привлечением материалов по нарымскому диалекту селькупского языка XX в. Далее представлены морфологические особенности проанализированного идиома.

1) В именной и местоименной морфологии памятника используется маркер множественного числа *-т*, что сближает этот идиом с более северными центральными диалектами и позволяет дополнительно детализировать употребление маркеров PL *-ла* и *-т* внутри нарымского диалекта.

2) В памятнике конца XIX в. используются суффиксы с локативно-аблативной семантикой: LOC 1 *-гыт / -гон* и LOC 2 *-нан*. При сравнении с нарымским диалектом XX в. аблативная семантика суффиксов не обнаруживается. В материалах Макария один раз встретился сложный суффикс *-нен + так* – LOC 2 + прочь. Похожие суффиксы употребляются и в современных обских говорах (куда входит и нарымский диалект).

3) Маркер локатива 2 *-нан*, имеющий инновационный характер, встречается во всех южных и центральных диалектах селькупского языка, в том числе в идиоме Макария, но отсутствует в северных диалектах.

4) Аблатив 1 и аблатив 2 из памятника, имеющие показатели *-гонды* и *-нанды*, выделяются только в обских говорах (куда входит и нарымский диалект) и нижнечаинском диалектах. Они относятся к инновациям в селькупском *-qjn (-qjñ) + to* – ABL + ABL (прочь), *-nan (-nanj) + to* – ABL + ABL (прочь) и противопоставляются тазовским *-qпу*, *-nanу* (верхнетазовский говор) и кетским *-qjññj*, *-qjn*, *-nanñj*.

5) Во всех южных и центральных диалектах (кетский диалект не рассматривался) маркеры числа-лица в OPT.1SG.sub.PTCL *-läge / -лак* и OPT.1SG.sub.PTCL *-лебе / -лебс* не находятся в ауслатной позиции и не участвуют в изменении согласных по диалектам.

Список источников

ПНК 1888 – Поездка в нарымский край Томской епархии // Отчет об Алтайской и Киргизской миссиях за 1887 г. Томск: Тип.-лит. Михайлова и Макушина. 1888. С. 16–17.

Приложение 7-е 1888 – Приложение 7-е. Материалы для ознакомления с наречием остяков Нарымского края // Приложения к отчету об Алтайской и Киргизской миссиях за 1887 г. Томск: Тип.-лит. Михайлова и Макушина. 1888. С. 51–65.

ТЕП 1880–1919 – Томские епархиальные ведомости. 1880–1919 гг.

S. V. Kovylin

**About the written monument in Selkup by Makary (Nevsky)
"Materials for acquaintance with the dialect of the Ostyaks of the
Narym region" 1887**

The report is dedicated to one of the earliest written monuments in Selkup in the Narym dialect, recorded by Makary (Nevsky).

Keywords: Selkup language, Makary (Nevsky), monument.

УДК 811.512.31

Р. Г. Жамсаранова

*Забайкальский государственный университет, г. Чита,
rebeca_zab@mail.ru*

**Тюрко-самодийский субстрат
в исторической антропонимии хори-бурят¹⁴**

Исследование посвящено описанию и определению значений субстратных личных имен исторического именника бурят Батанайского рода Хоринской степной думы 1831 г. Личные

¹⁴ При финансовой поддержке гранта РФФИ № 20-012-00335 А «Словарь исторической антропонимии хори-бурят».

имена имеют до-тибет-монгольское происхождение, их значение связано с тюрко-самодийским языковым субстратом.

Ключевые слова: исторический именной, хори-буряты, Батанайский род, ревизские описи 1831 г.

Особый интерес представляют личные имена хори-бурят Батанайского рода, выписанные из ревизской описи Государственного Архива Забайкальского края (далее – ГАЗК) 1831 г., относящиеся к тюрко-самодийским именам собственным. Так, из 458 семей Батанайского рода – одного из одиннадцати родов хори-бурят ряд имен имеют шорское происхождение. Более десяти имен с антропоосновой *Мох-* [ГАЗК: ф. 284, оп. 1, д. 50] (*Мохо, Мохонь, Мухай, Маха, Моохай, Мухо*) как изолексы антропоосновы *Мох(о)* связываем с именами героев шорских эпических произведений – *Ай-Мөкө, Алтын-Мөкө, Кара-Мөкө / Мөкке* и проч., где одним из компонентов является имя *Мөкө / Мөкке / Мүкү* со значением ‘силач’ [см.: Функ, 2005: 11]. Значение имен типа *Мохо, Мохонь, Маха, Моохай, Мухай* как и имя предводителя Саганского рода Мохуу Унаганова связано с именами *Мөкө / Мөкке / Мүкү* шорского языка. Тюркоязычное имя *Мөкө / Мөкке / Мүкү* как антропонимический субстрат в бурятском языке видоизменилось до формы *Моху / Мухуу*. В бурятском отсутствует консонант *к*, чем и обусловлен «переход» шорского *Мүкү* в бурятское *Мухуу* или *Мухүү* посредством подмены инлаутного *-к-* в *-h-*.

Самодийский антропонимический субстрат обнаруживается при анализе такого имени как *Маюръ*, которых в ревизии Батанайского рода имеется более 15 единиц.

Известно, что «производные селькупские имена оформлялись <...> с помощью полусуффиксов <>, *-ира* ‘старик’» [Малиновская 1989: 158]. Есть имена *Арка-Ира, Ика-Ира, Пыль-Ира, Пыка-Ира, Сэнг-Ира* и т.д. [Гемув 1980: 136–137], где *-Ира* это эпитетное обращение к старшему или по должности, подобное бурятскому *-Ахай* ‘старший брат / дядя’. Произошедшие изменения гласных исходного *Ма-Ира (-Эйра)* (гласной *-и-* компонента *-Ира* ‘старик’ (сельк.) в *-ю-* финали *-юръ* имени *Ма-юръ* хори-бурят) объяснимы

межъязыковым взаимодействием самодийских и монгольских языков. Форма имени *Ма-Юрь* возникла и под влиянием сингармонизма. Звук *и*- компонента *-Ира* уподобился гласному первого слога *-а-* (*Ма-*) согласно принципу губного типа сингармонизма и стал произноситься как звук *ю-* [*й*] компонента *-Юрь*. Это обосновано мнением В.И. Рассадина об изменениях в системе гласных [Рассадин 1982: 28].

Значение корня *Ма-* личного имени *Маюрь* / *Маерь* < *Маюр* возможно от селькупского *ма* I ~ *мā* ~ *мō* '1. утка-крохаль (большая белая утка); 2. гагара' [СРДС 2005: 121].

Список литературы

Гемуев И.Н. К истории семьи и семейной обрядности селькупов // Этнография Северной Азии / Акад. наук СССР, Сиб. отд-ние, Ин-т истории, филологии и философии; отв. ред.: д-р ист. наук Г.И. Пелих, канд. ист. наук Е.М. Тоцакова. Новосибирск. Наука: Сиб. отд-ние, 1980. С. 80–138.

Малиновская С.М. Традиционный селькупский именник и его историческая модификация // Вопросы финно-угорской ономастики. Ижевск, 1989. С. 155–161.

Рассадин В.И. Очерки по исторической фонетике бурятского языка. М.: Наука, 1982. 199 с.

Функ Д.А. Антропонимические модели в бытовой культуре и в эпических текстах (материалы по тюркским народам юга Западной Сибири) // Этнографическое обозрение. Май 2005. URL: <http://journal.iea.ras.ru/online> (дата обращения 20.02.2021).

Источники

Государственный Архив Забайкальского края ф. 284, оп. 1, д. 50 (357 л.).

Селькупско-русский диалектный словарь. Под общ. ред. В.В. Быконя. Томск, Изд-во ТГПУ, 2005. 348 с.

R. G. Zhamsaranova

Turkic-Samoyedic Substrate Athroponyms in the Historical list of Khor-Buryat Names

The article is devoted to the description and definition of substrate personal names in the historical list of names of the Buryat Batanai kin of the Khorinsk steppe Duma of 1831. Personal names are of pre-Tibetan-Mongolian origin, and their meaning is related to the Turkic and Selkup language substrate.

Keywords: historical list of names, Khor-Buryats, Batanai kin, the census of 1831.

УДК 811.512.153

А. Д. Каксин

*Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова,
г. Абакан, adkaksin@yandex.ru*

Самодийский лексический субстрат в хакасском языке¹⁵

Доклад посвящен общей характеристике строя койбальского говора хакасского языка, являющегося частью тюркского континуума. В то же время указываются лексические явления, предопределенные тем обстоятельством, что на территории, ныне занимаемой хакасским языком, бытовал койбальский язык – представитель самодийской языковой группы.

Ключевые слова: языковое развитие, взаимодействие языков, строй языка, лексический субстрат, койбальский говор хакасского языка.

¹⁵ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта №20-012-00258 «Миноритарные этносы Южной Сибири: семиотико-когнитивное, лингвистическое и социолингвистическое измерение»

Рассматриваются сохранившиеся с древних времен слова койбальского языка. Этот южно-самодийский язык был ассимилирован одним из тюркских языков, а в настоящее время в составе хакасского языка отдельно выделяется койбальский говор.

Особое отношение к этой языковой идиоме у лингвистов-исследователей хакасского языка выработалось достаточно давно, и связано оно, прежде всего, с историей возникновения койбальского говора. Теперь уже является общепризнанным фактом, что в древности самодийские языки имели широкое распространение на территории Присяянья. Следы былого обитания здесь самодийцев, оставшиеся, к примеру, в виде многочисленных гидронимов, убедительно это доказывают. Но есть и более значительный “след”, оставшийся после того, как самодийцы перестали быть акторами в этом регионе: это койбальский говор хакасского языка. Он появился в результате полной ассимиляции языком тюркского типа одного из небольших самодийских языков Южной Сибири (интенсивнее всего этот процесс проходил в период XIII–XVIII вв.).

Ассимиляционные процессы затрагивают прежде всего лексику и фонетику языка. На первых этапах новый язык усваивается в своей базовой лексике, затем этот круг расширяется, и постепенно народ переходит на новую лексическую и фонетическую систему. При этом от старого лексикона может и остаться некоторое количество слов, однако и они меняются в своём произношении. Так, по предварительным данным в койбальском говоре до сих пор фиксируется около 50 слов, не совпадающих с вариантами хакасского литературного языка. В частности, к числу слов предположительно исконно койбальских относятся: *амнызеть* ‘безрогий’, *ассизеть* ‘бездетный’, *инзиде* ‘больной’, *аи* ‘дверь’, *улу* ‘голова’, *ка* ‘лось’, *юча* ‘сушеное мясо’. В докладе описываются этимологии этих особенных слов койбальского говора хакасского языка.

A. D. Kaksin

Samoyed Lexical Substrate in Khakas

The article is devoted to the general characteristic of the structure of the Koibal dialect of the Khakas language, which is part of the Turkic continuum. At the same time, lexical phenomena are indicated, predetermined by the fact that in the territory now occupied by the Khakas language, Koibal language, belonging to the Samoyed language group, was once spoken.

Keywords: language development, interaction of languages, language system, lexical substrate, Koibal dialect of the Khakas language.

УДК 39 (4/9)

Н. В. Сайнакова

*Томский государственный педагогический университет,
Томский государственный университет, г. Томск,
pyshkareva0723@rambler.ru*

Критерии выявления границ расселения этнографической (диалектно-локальной) группы шёшкупов р. Оби

В докладе выдвинуты критерии для установления границ расселения группы шёшкупов р. Оби: диалектные особенности, этнонимы, топонимика исследуемой территории, фамильный состав и родственные связи, представление о границах, существующие у шёшкупов. Собранные материалы позволили рассматривать её как самостоятельную группу, имеющую языковую и этнокультурную специфику.

Ключевые слова: диалектно-локальная группа, этнографическая группа, этнонимы, топонимы, *šösqum / šösqur*.

Разработка вопросов, связанных с изучением локальных этнографических групп селькупов, получила свое развитие в

работах А. П. Дульзона, А. И. Кузьминой, Э. Г. Беккер, Ю. А. Морева, О. А. Казакевич, В. В. Быконя, Г. Н. Прокофьева, Е. Д. Прокофьевой, Г. И. Пелих, И. Н. Гемуева, А. В. Головнёва, Н. А. Тучковой. В этнографическом плане территория Среднего Приобья исследована крайне неравномерно, и, в частности, была практически не изучена группа шёшкупов р. Оби, находящаяся фактически в самом центре селькупского ареала – в Приобье в районе трёх устьев Кети.

Без данных об особенностях культуры диалектно-локальной группы шёшкупов р. Оби, находящейся в географической локализации между центральными и южными селькупами, как одной из составляющих всего селькупского этноса, нельзя восстановить этнический облик всех селькупов и разобраться в их этногенезе.

Для установления границ группы шёшкупов были выдвинуты следующие критерии: лингвистические материалы на основании диалектных особенностей, материалы по этнонимии, по данным топонимики исследуемой территории, по фамильному составу и родственным связям, сведения полевых этнографических материалов. В докладе по выделенным критериям будут рассмотрены и представлены в виде карт-схем границы расселения этнографической (диалектно-локальной) группы шёшкупов р. Оби на период XIX–XX вв.

На основе собранного и проанализированного материала можно считать существование исследуемой группы доказанным, так как она обладает всеми признаками диалектно-локальной группы: имеет языковые особенности (свой диалект / говор), общую территорию проживания (единый локус), самоназвание, представление о единстве и отличии от соседей, прежде всего – от чумьлькупов (левобережных обских остяков), наличие плотного социального взаимодействия внутри группы – тесные родственные, хозяйственные и культурные связи, а также заметные этнографические особенности (этнокультурную специфику).

Литература

Беккер Э. Г. Селькупские топонимы Западной Сибири: Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1965. 272 с.

Глушков С. В., Байдак А. В., Максимова Н. П. Диалекты селькупского языка // Селькупы: Очерки традиционной культуры и селькупского языка. Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2013. С. 49–63.

Ковылин С. В., Сайнакова Н. В. О специфике среднеобского диалекта и возможности выявления границ расселения диалектно-локальной группы *sösqum / sösqup* по данным топонимики // УАИ. М., 2017. №1 (24). С 19–33.

Источники

Пелих Г. И. Материалы по этнографии экспедиции 1961 г. по р. Оби, Колпашевского района.

Дульзон А. П. Материалы по языку и этнографии нарымских остяков. Томск, 1952.

N. V. Saynakova

Criteria for identification the boundaries of the ethnographic (dialect-local) Sheshkups' group settlement of the river Ob

In the report, criteria were put forward to establish the boundaries of the settlement of the Sheshkups' group along the river Ob: dialectal features, ethnonyms, toponymy of the studied territory, family composition and family ties, the idea of the boundaries that exist among the Sheshkups. The collected materials allowed us to consider it as an independent group with linguistic and ethnocultural specificity.

Key words: dialectal-local group, ethnographic group, ethnonyms, toponyms, *sösqum / sösqup*.

К ареальной типологии лексической аффиксации

В докладе рассматривается ареальное распределение языков, в которых представлена лексическая аффиксация. Приводятся факты, демонстрирующие лексическую аффиксацию в качестве характерного признака циркумтихоокеанского языкового союза. Показано, что большая часть языков, в которых представлена лексическая аффиксация, относится к семьям Нового Света.

Ключевые слова: лексический аффикс, лингвистические ареалы, палеоазиатские языки, языки коренного населения Америки, языки коренного населения Австралии, циркумтихоокеанский языковой союз

Настоящее исследование посвящено анализу ареально-типологических особенностей языков, в которых присутствует лексическая аффиксация. А. Муро определяет лексические аффиксы как «аффиксы, обладающие столь же богатым семантическим содержанием, как и отдельные лексемы» [Муро 2008: 6]. Э. Даль вводит следующее определение лексической аффиксации: это «морфемы, которые похожи на грамматические аффиксы тем, что они могут быть неслоговыми, всегда должны быть прикреплены к какому-то корню (а сами как корни функционировать не могут) и образуют относительно закрытые классы, однако передают конкретные значения, которые в большинстве языков мира были бы связаны с лексическими единицами или основами» [Даль 2009: 376].

Основными методами, используемыми в данном исследовании, являются метод сравнительно-типологического и сопоставительно-типологического анализа.

На основании проведенного анализа можно выделить 10 основных ареалов распространения языков, в которых имеются

лексические аффиксы или структурно и функционально подобные им морфемы. Они перечисляются ниже (в скобках указаны соответствующие семьи и группы языков):

1. Северная Америка: тихоокеанское побережье Северной Америки в районе провинции Британская Колумбия и штатов Орегон и Вашингтон (салишские, вакашские, чимакумские и цимшианские языки); район Великих Озер (алгонкинские и ирокезские языки); североамериканские Великие Равнины (ирокезские и каддоанские языки).

2. Центральная Америка: центрально-южная часть Мексики (язык-изолят тараско).

3. Южная Америка: Амазония, Андский регион (аравакские и паноанские языки); южные регионы Чили и Аргентины (язык-изолят мапудунгун).

4. Субарктическая территория Евразии и Северной Америки (чукотско-камчатские, эскимосско-алеутские и атабаскские языки).

5. Северная Австралия: Арнемленд, о-ва Мелвилл и Батерст (куньвинькусские и дейлийские языки, языки-изоляты тиви и эиндиляква).

На карте (составленной автором исследования на основе свободного шаблона с сайта www.freepik.com) показано ареальное распределение языков с лексической аффиксацией:

Рис. 1. Ареальное распределение языков с лексической аффиксацией.

Рисунок 1 демонстрирует, что значительная часть языков, в которых имеются лексические аффиксы или их близкие аналоги, располагается как в Северной, так и в Центральной и Южной Америке. На этом основании наличие лексических аффиксов/аффиксальных предикатов можно считать устойчивой фреквенталией, характерной именно для языков Нового Света.

Следует отметить и тот факт, что большая часть проанализированного языкового материала входит в циркумтихоокеанский языковой союз, в частности, в зону тихоокеанского пояса, которые подробно рассматриваются в работах [Muro 2008: 6] и [Bickel, Nichols 2006: 6]. Таким образом, лексическую аффиксацию можно рассматривать как одну из черт, характеризующих данные ареально-языковые объединения.

Представленное ареально-типологическое распределение языков показывает следующее:

1. лексическая аффиксация может сочетаться как с наличием, так и с отсутствием именной инкорпорации. Так, лексическая аффиксация имеется в чукотско-корякских языках, имеющих именную инкорпорацию, и в вакашских, не имеющих таковой.

2. лексическая аффиксация коррелирует и с различным типом устройства словоформ в полисинтетическом языке, присутствуя как в языках с жесткой структурой глагольной словоформы (например, в атабаскских), так и в языках, допускающих ее достаточно свободное расширение (например, в эскимосских).

Литература

Даль Э. Возникновение и сохранение языковой сложности. Пер. с англ. Д. В. Сичиनावы. М.: Издательство ЛКИ, 2009. 560 с.

Bickel B., Nichols J. Oceania, The Pacific Rim and the theory of linguistic areas // *Berkeley Linguistic Society*. 2006. 32. No. 2. P. 3–15.

Muro A. Lexical affixation in Salish and Wakashan and its relevance for a theory of polysynthesis // Padua working papers in linguistics. 2008. №2. P. 1–28.

S. S. Kalinin

Toward the Areal Typology of Lexical Affixation

In this article, we study the areal distribution of languages in which lexical affixation is present. It is stated that lexical affixation is a characteristic feature of languages that belong to the Circum-Pacific language area. Many of these are the native American languages.

Keywords: lexical affix, linguistic area, Paleo-Siberian languages, Native American languages, Australian aboriginal languages, Circum-Pacific language area.

УДК 811.512.153

И. М. Чебочакова

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Абакан, irina.chebochakova@mail.ru

Производные слова, образованные от основ, называющих диких животных, в хакасском языке: общая характеристика

В докладе рассматриваются структурно-семантические особенности производных хакасского языка, обозначающих диких животных. Выделены их стандартные словообразовательные значения. Наиболее абстрагированным и поэтому имеющим наиболее широкую сочетаемость является глагол *аңна* = ‘охотиться [на зверя]’.

Ключевые слова: хакасский язык, словообразование, названия диких животных.

На протяжении всей истории человечества животные имели важное значение для человека, представляя собой ценный ресурс для обеспечения его жизнедеятельности. Они являлись и до сих пор являются источником пропитания и снабжения человека сырьем для изготовления необходимых ему предметов, используются в повседневной жизни, медицине, промышленности, сельском хозяйстве.

Осваивая окружающий мир, человек выделял особенные признаки предметов, явлений, процессов и давал им номинации, которые закреплялись в языке и передавались из поколения в поколение. Не были исключением в этом процессе и животные, получавшие наименования как с точки зрения характеристики их внешних особенностей, так и в аспекте использования в традиционной культуре, в быту, их ценностных характеристик.

В докладе выявляются структурные и семантические особенности производных слов, образованных от основ существительных, называющих диких животных, в хакасском языке. Указанная выше тема в хакасском языкознании ранее не подвергалась изучению, поэтому она обладает новизной.

Источниковой базой исследования послужили материалы словарей [Анжиганова и др. 2006; Анжиганова и др. 2020]. Общим наименованием для всех видов диких животных является слово *аң* ‘зверь’, ‘животное’, на его основе были созданы классифицирующие наименования: *айгахтыг аңнар* ‘животные семейства кошачьих’ (букв. ‘когтистые звери, животные’), *туйгахтыг аңнар* ‘копытные’ (букв. ‘копытные звери, животные’).

Производные глаголы, образованные от основ, называющих диких животных, посредством самого продуктивного в хакасском языке глаголообразующего аффикса *-ла*, имеют словообразовательное значение «добывать обозначенное животное». Приведем примеры: *абалирга* [*аба-ла-*] ‘охотиться на медведя’, *сыыннирга* [*сыын-на-*] ‘охотиться на марала’. Наиболее абстрагированным и поэтому употребляющимся по отношению ко всем видам диких животных является глагол *аңнирга-* [*аң-на-*] ‘охотиться [на зверя]’. Продуктивный аффикс обладания =*лыг*

при основах зоонимов придает значение изобилия (следует отметить, что это значение контекстуально, передается в сочетании с наименованиями мест или, при их опущении, они подразумеваются): *аба-лыг хол* ‘лог, где много медведей’, *сыын-ныг орын* ‘местность, где водится много маралов’.

Среди производных данной группы выявляются слова, отражающие культурную значимость и ценность объектов номинации для хакасского народа.

Литература

Анжиганова О. П., Баскаков Н. А., Боргояков М. И., Инкижекова-Грекул И. А., Патачакова Д. Ф., Субракова О. В., Белоглазов П. Е., Каскаракова З. Е., Кызласов А. С., Сунчугашев Р. Д., Чертыкова М. Д. Хакасско-русский словарь. Новосибирск, 2006.

Анжиганова О. П., Белоглазов П. Е., Кызласов А. С., Каскаракова З. Е., Субракова О. В., Субракова В. В., Сунчугашев Р. Д., Чебочакова И. М. Толковый словарь хакасского языка. Т. 1. А-П. Абакан, 2020.

I. M. Chebochakova

Derived Words Formed from Wild Animal Nominations in the Khakass Language: General Characteristics

The article considers the structural and semantic features of Khakas derivatives denoting wild animals. Their standard word-formation meanings are highlighted. The verb *anna*= ‘to hunt [an animal]’ is the most abstract and therefore widely combined.

Keywords: Khakas language, word formation, names of wild animals.

Овезова Тулла

*Институт языка, литературы и национальных рукописей
им. Махтумкули Академии наук Туркменистана, г. Ашхабад
mylla-owezowa@mail.ru*

Словообразовательное гнездо со словом *ab* “вода” в современном туркменском языке

В работе представлены результаты изучения слов туркменского языка в словообразовательном гнезде *ab* («вода»). Выявлено, что входящие в него все слова и словосочетания заимствованы из арабского и персидского языков.

Ключевые слова: словообразовательное гнездо, корень, однокоренные слова, слова с корнем *ab* ‘вода’, заимствованная лексика.

В туркменском языкознании широко изучаются актуальные проблемы словообразования, в том числе исследуются словообразовательные гнезда [Тихонов А.Н., Таганова М.А.]. На основе анализа словообразовательного гнезда устанавливается, является ли слово производным, участвует ли в словообразовании. Так, слово *ab* считается вершиной словообразовательного гнезда.

1. *Ab* [a:p], существительное, к. д., арабо-персидское слово, имеет два значения: 1) вода: «*Ab kibi rowan gelur, Ýaş kibi down gider*» (Nesimi) ‘«Как вода будет течь, Как возраст пройдёт»»; 2) *перен.* слеза [Türkmen 2016: 21].

Семантику слова *ab* ‘вода’ можно проследить в следующих словосочетаниях *aby-zemzem* ‘вода колодца возле Каабы’, *aby-haýwan* ‘вода живности’, *aby-haýat* ‘вода жизни’, *aby-zulal* ‘чистая вода, очищенная вода’, *aby-rowan* ‘сточная вода’, *aby-şor* ‘солёная вода’, *aby-tarab* ‘вода радости’ и ‘вино’, *aby-towpyk* ‘целебная вода, полезная вода’ [Türkmen1983: 12], *aby-baka* ‘вода

бессмертия, источник бессмертия’, *aby-zer* ‘золотая вода’, *aby-rezan* ‘виноградное вино’ [Gadymy 2013: 15].

Значение ‘слеза’ нашло своё отражение в словосочетаниях: *aby-ataş* ‘слеза’ (букв. вода и огонь), *aby-çeşm* ‘слеза’ (букв. вода и глаз) [Türkmen:1988:12], *aby-eşk* ‘слеза’ (букв. вода и капля слезы) [Gadymy 2013: 15].

В словообразовательное гнездо входят и сложные слова, в составе которых встречается слово *ab* в значении ‘вода’: *abdap* ‘воднянистый; место, где есть вода’ (*ab+dap* – букв. вода и край), *abdect* ‘омывание’ (*ab+dect* – букв. вода и рука), *абхана* ‘место для умывания рук и лица’ (*ab+хана* – букв. вода и здание), *абрай* ‘авторитет, уважение; репутация, честь; вес’ (*ab+рай (рой)* – букв. вода и лицо), *артар* ‘теплая вода’ (*ap+tap* – букв. вода и состояние, готовое к использованию), *Lebar* ‘название одной области Туркменистана на берегу Аму-дарьи’ (*Leb+ap* – букв. губы и вода), *Murgap* ‘название реки в Туркменистане’ (*Murg+ap* – букв. птицы и вода, т.е. остров птиц, место, где птицы пьют воду). Например: Слово *abdar* «водный; свежий, свеженький» образовано от соединения морфем *ab* и *dar* ‘место проживания, кров, страна, край’. Второе слово имеет также значение «сочный, блестящий, чистый» [Türkmen:1963:7].

Слово «Lebar» – название региона, которое является сложным словом, образованным от *leb* ‘губы; берег, край, побережье’ и *ab*: *леби-дерья* ‘берег моря’ [Türkmen 1963:115].

Анализ показал, что лексема *ab* используется в речи в двух значениях, самым распространённым является значение ‘вода’. Само это слово в туркменском языке не участвует в образовании новых слов, все вышеприведенные сложные слова также являются заимствованными.

Литература

Таганова М. А. Изучение словообразовательных гнезд в туркменском языке// Актуальные вопросы тюркологических исследований. К 180-летию кафедры тюркской филологии Санкт-Петербургского государственного университета / Сборник статей

под ред. Н. Н.Телицина, Й. Н.Шена. СПб.: СПбГУ, 2016. С. 100–108.

Тихонов А. Н. Новый словообразовательный словарь русского языка для всех, кто хочет быть грамотным / А. Н.Тихонов. Москва: АСТ, 2014. 639с.

Список источников

Gadymy türkmen diliniň sözlügi. I t. Aşgabat: Ylym, 2013.

Türkmen klassyky edebiýatynyň tekstler boýunça gysgaça sözlügi. Aşgabat: TDOPN, 1963.

Türkmen klassyky edebiýatynyň sözlügi. Aşgabat: Türkmenistan, 1988.

Türkmen diliniň düşündirişli sözlügi. I t. Aşgabat: TDNG, 2016.

T. Ovezowa

Word-Forming Nest with the Word *ab* in the Modern Turkmen Language

The article presents the results of studying the words of the Turkmen language in the word-formation nest *ab* (“water”). It is revealed that all the words and phrases included in it are borrowed from Arabic and Persian.

Keywords: word-formation nest, root, single-root words, words with the root *ab* ('water'), borrowed vocabulary.

УНИВЕРСАЛЬНОЕ И СПЕЦИФИЧНОЕ В ФОНЕТИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ

УДК 81'44: 81'342.2

И. Я. Селютина

*Институт филологии СО РАН, г. Новосибирск,
siya_irina@mail.ru*

Фонетические трансформации в языке и эпосе южносибирских тюрков: универсальное и специфичное¹⁶

Фонотактические трансформации звуковых оболочек глагольных аналитических конструкций в языках и фольклоре тюркских народов алтае-саянского региона рассматриваются в рамках проблемы универсалий культуры в её вербальной форме; определяется роль артикуляционно-акустической базы в формировании культурной специфики этноса.

Ключевые слова: южно-сибирские тюркские языки, эпос, фонетические преобразования, аналитические конструкции, вербальные традиции.

Вербальная культура имеет «...три пласта “глубины”»: язык, фольклор и художественную литературу,...». Главная особенность, определяющая все три формы словесности, – изначальная знаковая природа [Дампилова и др. 2020: 14]. Язык как базовая вербальная форма – одна из основных составляющих культуры, представляющая собой многоуровневую

¹⁶ Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884).

двустороннюю знаковую сущность, включающую план выражения и план содержания. Каждый ярус языка имеет свою систему лингвистических универсалий. Артикуляционно-акустическая база (ААБ) [Наделяев 1986] – одна из основных фонетических универсалий – рассматривается нами как сетка оппозиций, абстрактный конструкт, реализующийся в конкретных языках в уникальных ААБ-системах [Селютина 2021: 63]. Фонотактика как языковая универсалия, включающая алгоритмы сочетаемости звуков в потоке речи, закономерности комбинаторики, фонотактические ограничения, – доминантный параметр ААБ, определяющий специфику языка.

Сопоставление результатов исследования фонетических трансформаций в процессе синтеза глагольных аналитических конструкций (ГАК) в произведениях художественной литературы и в звучащих текстах эпических сказаний южносибирских тюркских этносов – чалканцев, шорцев, хакасов, тувинцев – свидетельствует об общности фонотактических модификаций: десемантизация компонентов ГАК, ослабление их статуса детерминируют устранение межсловных пауз, преобразование позиции внешнего сандхи во внутреннее, слияние элементов конструкции в единое фонетическое слово, активизацию ассимилятивных процессов. На современном этапе развития культур фиксируются различные стадии процесса синтеза ГАК – от полной утраты прозрачности структуры словосочетания в чалканских текстах до более ранних этапов их упрощения по пути потери лексическими компонентами самостоятельности в тувинских. Специфика звуковых изменений обусловлена особенностями артикуляционно-акустических баз как неотъемлемых составляющих исторической памяти этносов, кардинальных маркеров самоидентификации. В фольклоре инновационные процессы преобразования сдерживаются стремлением к традиционности, стереотипности, сохранению языковой архаики и следованию архетипическим моделям, свойственным эпической фольклорной традиции.

Литература

Дампилова Л. С., Силантьев И. В., Ким И. Е., Кузьмина Е. Н., Шатин Ю. В. Универсалии вербальной культуры: в поисках общего понятия // Сибирский филологический журнал. 2020. № 4. С. 9–28.

Наделяев В. М. К типологии артикуляционно-акустических баз (ААБ) // Фонетические структуры в сибирских языках. Новосибирск, 1986. С. 3–15.

Селютина И. Я. Артикуляционно-акустическая база как маркер культурно-языковой идентичности // Северо-восточный гуманитарный вестник. 2021. № 1 (34). С. 56–66.

I. Ya. Selyutina

Phonetic transformations in the language and epic of the South Siberian Turks: universal and specific¹⁷

Phonotactic transformations of the sound shells of verbal analytical constructions in the languages and folklore of the Turkic ethnic groups of the Altai-Sayan region are considered within the framework of the problem of the universals of culture in its verbal form; the role of the articulatory-acoustic base in the formation of the cultural specificity of the ethnos is determined.

Keywords: South Siberian Turkic languages, epos, phonetic transformations, analytical constructions, verbal traditions.

¹⁷ This research is carried out within the framework of the project of the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences «Cultural universals of verbal traditions of the peoples of Siberia and the Far East: folklore, literature, language» supported by a grant from the Government of the Russian Federation for the promotion of research conducted under the guidance of leading scientists, contract № 075-15-2019-1884.

Т. Р. Рыжикова¹, И. М. Плотников², А. С. Шамрин³

*Институт филологии СО РАН, г. Новосибирск,
¹tanya12@mail.ru, ²iliaplotnikov@gmail.com, ³anton_shamrin@mail.ru*

Интонационное оформление хакасского фольклорного текста¹⁸

Проведено исследование интонации хакасских фольклорных текстов с целью сопоставления с исследованиями, выполненными на материале разговорной речи. Выявленные интонационные средства совпадают с описанными ранее и согласуются с коммуникативной структурой рассматриваемых высказываний.

Ключевые слова: хакасский язык, интонация, фольклор.

В работах К. Н. Бурнаковой (Бичелдей), проведённых на материале хакасской разговорной речи, представлено описание интонации всех основных видов высказываний и используемых в них интонационных контуров [Бурнакова 1982, 2014; Бичелдей 2000, 2001]. Целью настоящего исследования является сопоставление результатов, полученных К. Н. Бурнаковой, с интонацией фольклорных текстов на хакасском языке. Для этого были отобраны и обработаны аудиозаписи четырёх сказок из сборника [Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока 2014]. Высказывания были проанализированы с двух точек зрения: с точки зрения их интонационного оформления и коммуникативной структуры.

К. Н. Бурнаковой (Бичелдей) выделено два интонационных контура, типичных для повествовательных высказываний: восходяще-нисходящий для односоставных и восходяще-нисходяще-восходяще-нисходящий для двусоставных. Для

¹⁸ Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884).

малораспространённых монопредикативных повествовательных высказываний фольклорных текстов характерно восходяще-нисходящее движение тона (рис. 1). Интонационное оформление согласуется с актуальным членением высказывания: начальный подъём соответствует его теме (подлежащее *апчагы* ‘старик’), а падение приходится на рему (группа сказуемого *одыца пари* ‘за дровами поехал’).

Для вопросительных высказываний, согласно К. Н. Бурнаковой (Бичелдей), характерно восходяще-нисходящее движение тона, аналогичное интонационному рисунку повествовательных предложений, но с другим распределением пиков интенсивности. В фольклорных текстах вопросительные высказывания также оформляются восходяще-нисходящим тоном. В отличие от повествовательных, падение тона и интенсивности в них более резкое и происходит в самом конце высказывания, начинаясь на последнем слове сказуемого (рис. 2).

Характерной чертой рассмотренных сказок является наличие в них диалогов с вопросно-ответной структурой, в которых используется предикативная конструкция, вводящая прямую речь. Интонационное оформление таких конструкций различается в зависимости от их позиции в высказывании (рис. 3).

В случае, когда предикативная конструкция помещена до прямой речи, она оформляется восходящим тоном, который маркирует незаконченность речи. В конце высказывания такие конструкции сопровождаются падением тона и интенсивности, что соответствует типичному завершению повествовательных высказываний.

Проведённый анализ показывает, что средства интонации, выявленные К. Н. Бурнаковой (Бичелдей) на материале разговорной речи, используются и в фольклоре. Как в повествовательных, так и в вопросительных высказываниях фольклорного текста движение тона восходяще-нисходящее с основным различием в положении точки, в которой меняется его направление. Движение тона оказывается значимым и при оформлении предикативных конструкций, вводящих прямую речь.

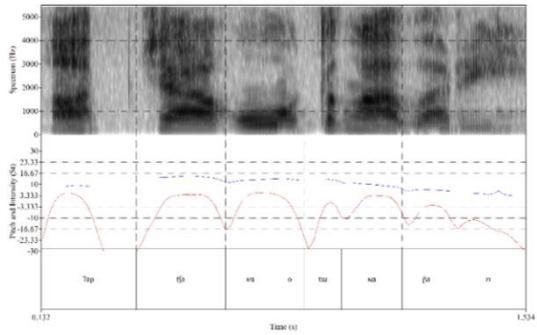

Рис. 1. *Апчагы одыңа пари* ‘Старик за дровами поехал’.

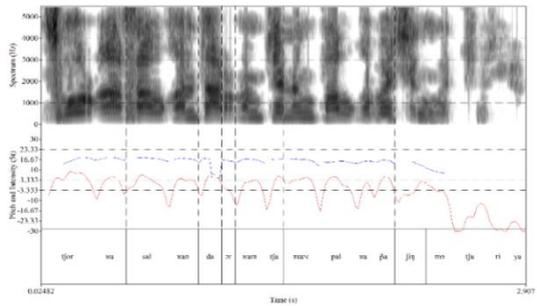

Рис. 2. *Соорға салганда, аргамчынаң палгабаçaң ма? — тiнче* ‘Если в сани положил, верёвкой не связать ли? — [лиса] говорит’.

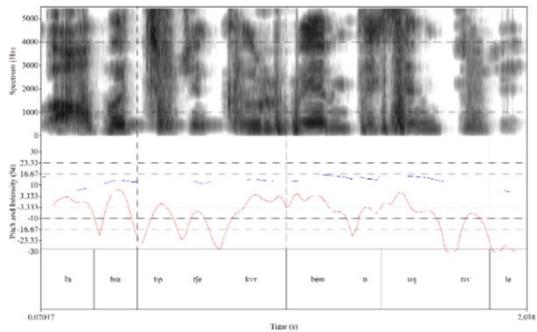

Рис. 3. *Аба тiнче: — Көрбеем тiзең, — тiнче* ‘Медведь говорит: «Не видел», скажи!» — говорит’.

Список литературы

Бичелдей К. Н. Ритмомелодемы простых нераспространённых предложений хакасского языка. М.: РУДН, 2000. 115 с.

Бичелдей К. Н. Лексико-грамматические и ритмомелодические средства выражения вопросительности в хакасском языке. М.: Изд-во РУДН, 2001. 282 с.

Бурнакова К. Н. Ритмомелодемы хакасских простых нераспространённых предложений. Автореф. Алма-Ата, 1982. 17 с.

Бурнакова К. Н. О ритмо-мелодическом исследовании конструкций вопросительно-побудительных предложений (на материале хакасского языка). Русская тюркология 1 (10), 2014. С. 13–22.

Источники

Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 2014. Т. 33: Хакасские народные сказки. 770 с.

T. R. Ryzhikova, I. M. Plotnikov, A. S. Shamrin

Intonation of Khakas folklore texts¹⁹

A study of the intonation of Khakass folklore texts was carried out in order to compare it with existing research conducted by K.N. Burnakova (Bicheldey) on the material of colloquial speech. The means of intonation identified in this study coincide with those described earlier and are in agreement with the communicative structure of the considered utterances.

Keywords: Khakas language, intonation, folklore.

¹⁹ This research is carried out within the framework of the project of the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences «Cultural universals of verbal traditions of the peoples of Siberia and the Far East: folklore, literature, language» supported by a grant from the Government of the Russian Federation for the promotion of research conducted under the guidance of leading scientists, contract № 075-15-2019-1884.

А. А. Добринина

*Институт филологии СО РАН, г. Новосибирск,
dobrinina@philology.nsc.ru*

**Интонационное выражение побудительных высказываний
в алтайском языке**

В докладе излагаются результаты экспериментально-фонетического исследования интонации побудительных высказываний алтайского языка, которая до настоящего времени не была объектом специального рассмотрения.

Ключевые слова: алтайский язык, интонация, экспериментальная фонетика, побудительные высказывания.

Анализ алтайского экспериментального материала показал, что интонационное оформление побудительных высказываний зависит от их типа: побуждение к действию, приказ или требование характеризуются инклинацией, при просьбе тон комбинированный – восходяще-нисходящий, при запрете – нисходящий, совет может оформляться как восходяще-нисходящей интонацией, так и деклинацией. В отрицательном варианте в единственном и множественном числе в трех- и более слоговых предложениях на отрицательной частице *-ба/-бе*, *-на/-не* и т.д. встречается ровный тон или понижение частоты основного тона. Пик интенсивности в таких предложениях реализуется на последнем слоге глагольной основы. Кроме того, гласный финального слога обычно подвергается пролонгации.

Реализация высотного максимума зависит от размера высказывания и от характера побуждения: например, в запрете он локализуется на отрицательной частице *-ба*.

Частотный уровень побудительных высказываний высокий (от 175,5 до 233 Гц): максимальный в требовании, минимальный в совете.

В целом, кривая интенсивности, по-видимому, не коррелирует с тоновым оформлением побуждения, а скорее маркирует

ударный слог высказывания. Т. А. Баданова отмечает, что «доминантным системообразующим параметром алтайского слогаакцентного словесного ударения является тональность: ударных слог маркируется пиком частоты основного тона, что позволяет определить ударение по фонетическому типу как музыкальное восходящее» [Баданова, 2011, с. 262].

Чтобы побуждение было ясным, четким, а приказ или требование категоричными, высказывание произносится в замедленном темпе, но темп ускоряется при выражении просьбы, предостережения.

Таким образом, результаты анализа экспериментальных данных показали, что интонация простых односоставных побудительных предложений описанного типа в алтайском языке зависит от типа побуждения, его эмоциональной окрашенности.

Литература

Баданова Т. А. Словесное ударение в алтайском языке в сопоставительном аспекте. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2011. 316 с.

A. A. Dobrinina

Intonation expression of motivational statements in the Altai language

The report presents the results of an experimental phonetic study of the intonation of motivational utterances of the Altai language, which has not been the object of special consideration until now.

Keywords: Altai language, intonation, experimental phonetics, motivational statements.

И. М. Плотников

*Институт филологии СО РАН, г. Новосибирск,
iliaplotnikov@gmail.com*

Интонационная система сургутского диалекта хантыйского языка²⁰

На материале записей фольклорных текстов составлено предварительное описание интонационной системы сургутского диалекта хантыйского языка. Три выявленные интонационные конструкции проанализированы с точки зрения функций и роли в формировании коммуникативной структуры высказывания.

Ключевые слова: хантыйский язык, интонация, коммуникативный синтаксис.

Целью нашего исследования является предварительное описание интонационной системы сургутского диалекта хантыйского языка. Материалом для этого послужили аудиозаписи пяти фольклорных текстов на сургутском диалекте хантыйского языка, полученные в экспедиции Института филологии СО РАН в августе 2019 г. в село Угут Сургутского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, исполнитель – Полина Иудовна Нюгломкина. Тексты опубликованы в [Три мудрых совета 2020].

В основу методологии исследования положен подход к изучению интонации через призму выполняемых ею функций. Основной единицей интонации является **интонационная конструкция** (ИК). ИК является знаком и представляет собой единство плана выражения и плана содержания. Планом выражения ИК является последовательность относительных изменений просодических характеристик. Планом содержания – набор соответствующих им значений. **Интонационная система** языка – это совокупность его интонационных конструкций,

²⁰ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-012-00388 «Специфика звукового строя сургутского диалекта хантыйского языка».

включающая правила и закономерности их реализации и функции, выполняемые ими в речи.

В результате анализа интонационного оформления высказываний нами выделены три основные интонационные конструкции.

ИК-1, самая частотная из них, характеризуется восходяще-нисходящим движением тона с тональным максимумом высказывания в её центре. Первичное употребление ИК-1 связано с выделением ремы как конституирующего элемента всех основных видов высказываний: повествовательных, повелительных и вопросительных. К другим случаям её употребления относятся обособленные компоненты в правой дислокации и контрастная тема, отделённая от сказуемого. Общим для всех этих случаев является высокая степень информативности выделяемых ИК-1 компонентов и их обособленность.

ИК-2 с ровным движением тона является нейтральной и употребляется для фоновых компонентов, выполняющих функцию темы, которые могут быть выражены именной группой, причастным оборотом или конструкцией, вводящей прямую речь.

ИК-3, характеризующаяся восходящим движением тона, употребляется редко и обычно сопровождает компоненты, входящие в контрастную тему и примыкающие к реме.

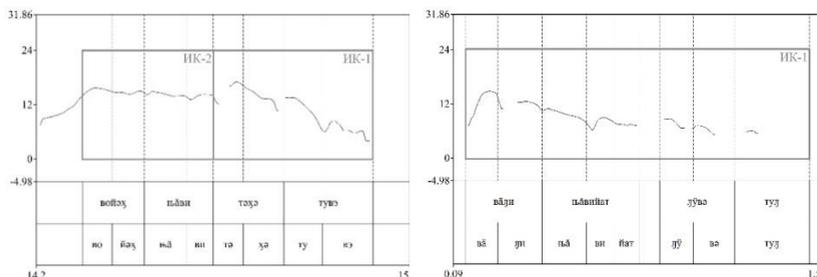
Сопоставление функций выделенных ИК показывает, что ИК-1 занимает исключительное место по широте выполняемых ею функций и их значимости, так как используется для формирования законченных высказываний и служит средством их разграничения. Другие ИК, наоборот, несамостоятельны и используются исключительно в сочетании с ИК-1. Объединение в ИК-1 нескольких функций обусловлено характерной для высказываний рассматриваемых текстов коммуникативной структурой с предшествованием темы реме, вследствие которой рема практически всегда совпадает с концом высказывания.

Следствием фиксированной последовательности темы и ремы является то, что, несмотря на наличие у ИК коммуникативных значений, они редко являются основным средством выражения актуального членения высказывания. Вместо этого ключевой

функцией ИК является указание на границу между составами темы и ремы. В качестве примера сравним два высказывания: в (1) объект является темой и оформлен ИК-2, в (2) – входит в рему и оформлен ИК-1.

(1) <...> *войдэ һәви тәүэ тувэ* ‘лосиное мясо сюда принеси’.

(2) *Вәли һәвийат лүвэ тул* ‘Пусть оленины принесет’.

Выявленные черты свидетельствуют о низкой вариативности интонационной структуры высказывания, о её сильной связанности с синтаксической структурой высказывания и об ограниченности возможностей использования интонации для выражения коммуникативных значений.

Источники

Три мудрых совета: сказки Полины Иудовны Ньюгломкиной. На сургутском диалекте хантыйского языка с переводом на русский язык / Институт филологии СО РАН. Новосибирск, 2020.

I. M. Plotnikov

Intonation system of the Surgut dialect of the Khanty language

Five folklore texts are used as a basis for compiling a preliminary description of the intonation system of the Surgut dialect of the Khanty language. Three main intonational constructions are identified and analyzed in terms of their functions and their role in forming the communicative structure of an utterance.

Keywords: Khanty language, intonation, communicative syntax.

Т. Е. Андреева

*Институт гуманитарных исследований и проблем
малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск,
taan2001@mail.ru*

Консонантные соответствия в говорах эвенкийского языка

Доклад посвящен исследованию ареальных явлений в области сравнительно-исторической фонетики языков алтайской общности (тунгусо-маньчжурских, монгольских и тюркских языков) на материалах соответствий согласных звукового строя эвенкийского языка – $c > h > \theta$.

Ключевые слова: эвенкийский язык, монгольские языки, тюркские языки, соответствия, согласные.

Среди народов Сибири в пространственном отношении значительное место занимают представители трех семей алтайской языковой общности: тунгусо-маньчжурской, монгольской и тюркской [Цинциус 1973: 103].

Широкое расселение эвенков, их исторические и позднейшие связи с разноязычными соседями привели к образованию множества говоров [Василевич 1958: 641-664]. Основополагающим признаком, по которому говоры были разделены на три наречия, является соответствие звука [с] в южном наречии звуку [h] в северном. Данное явление характерно для ауслота и интервокальной позиции. По этому признаку эвенкийские говоры относятся к северному (спирантному) и южному (шекающему, секающему) наречиям.

К восточному (сибилянтно-спирантному) наречию отнесены говоры смешанного характера, имеющие признаки как северного, так и южного наречий.

Южное наречие	Северное Наречие	Восточное наречие	Значение
<i>сарэн</i>	<i>Харэн</i>	<i>сарэн</i>	‘узнал’
<i>сагды</i>	<i>Хагды</i>	<i>сагды</i>	‘старый’
<i>эса</i>	<i>Эха</i>	<i>эха</i>	‘глаз’
<i>осикта</i>	<i>Охикта</i>	<i>охикта, осикта</i>	‘звезда’

Различие в произношении начального согласного касается большого количества слов, но есть и исключения:

Южное наречие	Северное наречие	Восточное наречие	Значение
<i>хутэ</i>	<i>хутэ</i>	<i>хутэ</i>	‘ребенок’
<i>хороки</i>	<i>хороки</i>	<i>хороки</i>	‘глухарь’

Соответствие согласных звуков – явление широко распространенное во всех языках. Самым частотным в эвенкийском языке является соответствие *ш ~ с ~ һ*, констатируются и другие (*в ~ б, с ~ ч, ң ~ м*):

авданна ~ абданна ‘лист’, *орорво ~ орорбо* ‘олений’, *сачари ~ чачари* ‘важенка’, *норчан ~ морчан* ‘борьба’.

О. А. Константинова отмечает, что «согласный **б** перед звонкими смычными согласными **г, д, д’** полигусовского говора соответствует согласному **ω** непского и других говоров: *абдӯ ~ аωдӯ* ‘берлога’, *абгара ~ аωгара* ‘здоровье’, *д’эбд’эм ~ д’эωд’эм* ‘(я) ем’; губно-губному плоскощелевому **β** в подкаменно-тунгусских и других говорах северного и восточного наречий соответствует круглощелевой **ω** говоров южного наречия *βām ~ ωām* ‘убил=я’ [Константинова 1964: 20–24].

О. А. Константинова отмечает соответствие сочетанию согласных [*hc*] полигусовского говора комплекса [*кс*] в говорах южного наречия и звука [*h*] в говорах северного и восточного наречий: П-Т. *ирэхсэ ~ неп. ирэхсэ ~ качуг., илимп. ирэхэ* ‘шкура’. [Константинова 1964: 21].

В современном литературном бурятском языке и в его говорах в инициальной и интервокальной позициях, а также в

постконсонантно-превокальной на месте общемонгольского сибиллянта «s» представлен фарингальный *h*, а в ауслате слога и слова – смычный слабый приглушенный «d». Данное явление фиксируется лишь в бурятском языке. Остается бесспорным, что бурятский язык в прошлом испытал на себе сильное влияние тунгусо-маньчжурских языков [Рассадин 1982: 156].

А. Мейе считает, что такой переход *s* в *h* в позиции перед гласным вызван влиянием ослабления артикуляции; «здесь большое влияние оказывают соседние артикуляции ...». Эта тенденция «... могла усилиться и проявиться под влиянием экстралингвистических факторов. Этими факторами могли быть субстратно-адстратные воздействия на язык протобурятских племен как еще на прежней территории их обитания со стороны тунгусо-маньчжуров, так и после их продвижения в Прибайкалье со стороны аборигенных племен» [Мейе 1938: 121–122].

В якутском языке так же смешение в системе согласных «произошло именно под влиянием ... эвенкийского» [Убрятова 1960: 41].

Список литературы

Василевич Г. М. Эвенкийско-русский словарь. С приложениями и грамматическим очерком эвенкийского языка. М., 1958.

Константинова О. А. Эвенкийский язык. Фонетика и морфология. М.-Л., 1964.

Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. Пер. с фр. М.-Л., 1938. 510 с.

Рассадин В. И. Очерки по исторической фонетике бурятского языка. М.: Наука, 1982. 198 с.

Убрятова Е. И. Опыт сравнительного изучения фонетических особенностей языка населения некоторых районов Якутской АССР. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 151 с.

Цинциус В. И. Об ареальных явлениях в области сравнительно-исторической фонетики языков алтайской общности. Томск, 1973. С. 103–105.

Список сокращений

Говоры: Н – непский; К – качугский; И – илимпийский говор; П-Т – подкаменно-тунгусский диалект, его говоры.

Т. Е. Andreeva

On the Correspondences of Consonant Sounds in the Phonetic System of the Evenk Language

The article examines areal phenomena in the field of comparative-historical phonetics of the languages of the Altaic language family (Tungus-Manchu, Mongolian and Turkic groups) on the basis of the correspondences of the consonants of the sound structure of the Evenk language – $s > h > 0$.

Keywords: Evenk, Mongol, Turkic, correspondences, consonants.

УДК 811.512.2

С. И. Шарина

*Институт гуманитарных исследований и проблем
малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск,
sarshar@mail.ru*

Реконструкция количественных числительных от 1 до 10 в тунгусо-маньчжурских языках

В тунгусо-маньчжурских языках результаты реконструкции количественных числительных в целом дискуссионными не представляются. В отношении исходного лексического состава полемичными являются вопросы касательно лексем со значением ‘девять’, ‘десять’. Высказывается предположение об архетипе данных числительных.

Ключевые слова: тунгусо-маньчжурские языки, количественные числительные, реконструкция, архетип.

Архетип числительного *эун* ‘один’ предпочтительнее реконструкции праформы с лабиализованным гласным в анлауте, однако лабиализация начального гласного в этом случае – результат воздействия гласного «у» второго слога.

Реконструкция праформы *зэр* ‘два’ вполне приемлема, но должна считаться условной, т.к. долгие гласные в тунгусо-маньчжурских языках вторичны и восходят к дифтонгическим сочетаниям.

Архетип *илан* ‘три’ не имеет явных параллелей в других алтайских языках. Возможно, корень *ил-* связан с глаголом *ил*= ‘стоять’, поскольку конструкция из трех жердей играет важную роль среди деталей жилища. Сближение этого числительного с юкагирским *йалон* ‘три’ не поддается надежному объяснению.

В реконструкции архетипа *дугин* ‘четыре’ остается неясным огласовка: соответствие севернотунгусского и южнотунгусского «у» указывает на исходное дифтонгическое сочетание, однако в южнотунгусских языках гласные «у» и «ө» совпали в «у».

Реконструкция архетипа *тунуан* ‘пять’ показывает незакономерное соответствие севернотунгусского «т» и маньчжурского «с». *Тунуан* правдоподобно сопоставляется с монг. *tabun* ‘пять’ с той же корреспонденцией в вокализме, что и т-ма *бу* ‘мы’, *су* ‘вы’ и монг. *ba* ‘мы’ и *ta* ‘вы’.

Реконструкция праформы числительного ‘шесть’ в виде *н’уун* осложняется варьированием гласных первого слога. Вероятно, архаическая огласовка сохранена в севернотунгусских языках, в южнотунгусских же переход *и* → *у* вызван положением после среднеязычного «н’».

Реконструкция числительного семь *надан* явных параллелей к этой форме в других алтайских языках не усматривает. Реконструкция восемь *закун* довольно очевидна.

Дискуссионными являются вопросы о числительных ‘девять’ и ‘десять’. Трудно решить вопрос о том, основательно ли объединение под одним архетипом форм типа эвенк. *јэун* и эвен. *уун*. Предполагается единство происхождения этих форм из одной праформы *хijegün* [Benzing 1955: 101]. Но несоответствие

указанных форм и внешние корреспонденции говорят о том, что это разные лексические единицы.

В тунгусо-маньчжурских языках представлены две разные лексемы со значением ‘десять’: общее *з̄ан~zuan* и эвенское *миан*. Первое слово считалось монгольским заимствованием, второе – исконным древним тунгусо-маньчжурским числительным [Kotwicz 1931: 180]. Полагаем, что эвенское *м^нан* является позднейшим фонетическим вариантом общетунгусо-маньчжурского *з̄ан*. Во-первых, имеется по крайней мере один пример на соответствие эвенк. «j~з» эвен. «м»: эвенк. *jōn*=~*zōn*= ‘удивляться’ – эвен. *м^нан*= ‘удивляться’. Во-вторых, названия десятков в эвенском языке включают в себя компонент *м^нар* ‘десятки’ как вторую часть сложных слов, а в других тунгусо-маньчжурских языках названия десятков являются словосочетаниями с независимыми компонентами. Переход *з̄ан*>*м^нан* мог иметь в качестве исходной точки позицию в словосочетании типа *иланмер* ‘тридцать’ (ср. эвенк. *илан з̄ар* ‘тридцать’).

С точки зрения морфологической структуры все тунгусо-маньчжурские количественные числительные, кроме *з̄өр* ‘два’, непроеводные. Относительно *з̄өр* высказано утверждение, что данная форма – старая форма множественного числа [Цинциус, 1949: 305].

Конечное *-н* во всех других числительных является показателем количественных числительных. Исторически суффикс *-н* в количественных числительных тождественен аффиксу *-н*, с помощью которого образуются производные имена существительные от глаголов и других частей речи.

Литература

Цинциус В. И. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. Ленинград: Учпедгиз, 1949. 342 с.

Benzing J. Lamutische Grammatik. Wiesbaden, 1955.

Kotwicz W. Les Contributions aux études altaïques. II. RO, VII Krakow 1931.

S. I. Sharina

Reconstruction of Cardinal Numbers from 1 to 10 in Manchu-Tungus Languages

In the Manchu-Tungus languages, the results of reconstruction of quantitative numerals are generally not controversial. Regarding the original lexical composition, questions about 9 and 10 are polemic. Suggestions are made about the archetype of these numerals.

Keywords: Manchu-Tungus languages, quantitative numerals, reconstruction, archetype.

УДК 811.512.155'342

Н. С. Уртегешев

*Институт филологии СО РАН, г. Новосибирск,
urtegeshev@mail.ru*

Долготнонеопределенные гласные: количественная характеристика

Работа посвящена количественным характеристикам «кратких» гласных шорского языка. Всесторонний анализ акустического материала позволил выявить в данной группе вокальных настроек три подгруппы гласных – краткие, полудолгие, долгие.

Ключевые слова: шорский язык, вокализм, акустика, длительность.

Исследование шорского вокализма дистрибутивным, функциональным, артикуляционно-акустическим и экспериментально-фонетическим методами позволили выявить в его звуковой системе класс гласных, включающий 16 фонем, которые определяются в общей фонетике по артикуляторным характеристикам как непреградные. Различаются гласные фонемы: 1) долготнонеопределенные (на слух «краткие») – /a/, /e/, /o/, /ö/, /ы/, /и/, /y/, /ÿ/; 2) атрибутивно долгие ларингализованные фарингализованные (на слух «долгие») /^h(aʁa):/ ~ /^ha:/, /^h(eʁe):/ ~ /^he:/, /^h(oʁo):/ ~ /^ho:/, /^h(öʁö):/ ~ /^hö:/, /^h(ыʁы):/ ~ /^hы:/, /^h(иʁи):/ ~ /^hи:/, /^h(yʁy):/ ~ /^hy:/, /^h(ÿʁÿ):/ ~ /^hÿ:/.

Анализ акустических данных позволил сделать следующие выводы по «кратким» гласным:

1. В зависимости от позиционно-комбинаторных условий, на фоническом уровне можно выделить в данной группе три типа гласных – краткие, полудолгие, долгие.

2. Краткие гласные зафиксированы:

1) любой смычный взрывной с ларингалом + V + (сверх)долгий «с», «ʃ»): *қыс* [ʔq^c(ʃ^ʁz̄)z̄s:] ‘девушка’, *тұс* [ʔt^cʊ,z̄s:] ‘соль’;

2) при дублировании инициального согласного в финальной позиции: *сас* [ʔs^cǭs̄] ‘болото’, *нан* [ʔn̄n̄^cǭnn̄] ‘бок’;

3) приглушенное начало гласного типа «у», «ү» + полудолгий целевой «с» или «ʃ», например: *үс* [(ʏ̄^lʊ̄^lǭ^l)s̄] ‘рысь’;

4) инициальный типа «к» + V + долгий «р»: *кир* = [ʔʔk^cʃ̄(ɹ^ʁz̄)ʃ̄z̄:] ‘входить’, *қур* [ʔk^cʊ̄,(ʁ̄ʁ̄)ʁ̄:] ‘пояс’;

5) инициальный типа «к» + V («о», «ö») + «л»: *көл* ‘озеро’.

6) «һс» + V + недолгий «г» или «л», например: *чыл* [ʔç̄s̄^l(l^ʃ)] ‘год’.

3. Полудолгие гласные фиксируются:

1) инициальный фон типа «у», «ү» без препозитивного глоттального согласного типа «ʔ» – V + краткий «р», например: *ур* = [(ʏ̄^lʊ̄^lʊ̄^l)ʁ̄(ɹ̄ɹ̄)] ‘лить’;

2) инициальный гласный типа «о», «ö» с приглушенным началом + «л»: *өл* = [ʔ(ǭ̄)̄(l^ʃl^ʃ)] ‘умирать’;

3) анлаутный согласный (кроме «ч») + V + согласный типа «л» или краткий «г»: *пер* = [ʔp^cɛ̄ʁ̄(ɹ̄ɹ̄)] ‘дать’;

4) при дублировании инициального смычного глухого взрывного в финальной позиции, например: *көк* [k^c(o^{o-ʔ})̄k^c] ‘синий, голубой’; вторая половина фонации гласного перед смычным глухим приглушается;

5) только «а», «о» в препозиции к «р», «t», «к», например: *ат* [ʔt^c(ǭ^ʁ)̄t^c] ‘имя’; на слух такие гласные воспринимаются как краткие из-за того, что вторая половина фонации гласного звучит приглушенно, в некоторых случаях между вокальными

компонентами фиксируется ларингальный согласный: *ат* [(ʰḳ̰ḳ̰)ḳ̰)·tʰ] ‘конь’;

б) в моносиллабах, включающих инициальный губно-губной согласный + V + назальный смычно-проточный «п»: *мен* [mɛ·(nḥ̰)·] ‘я’.

4. Долгие гласные отмечаются:

1) инициальный смычный согласный типа «т», «к» + V: + согласный типа «н»: *түн* [ʔtʰ(u, ð̰):·(nḥ̰)·ʔ] ‘ночь’, *күн* [ʔkʰ(u, ð̰):·(nḥ̰)·ʔ] ‘солнце’;

2) инициальный «о» или «ö» без препозитивного глоттального согласного типа «w» – V: + согласный типа «л», например: *ол* [(ḳ̰ḳ̰):lʰ] ‘он’;

3) кроме «а», «о», в препозиции к согласным типа «п», «т», «к», например: *эт* [ʰʰ(ʒ̰ḳ̰)ḳ̰)·tʰ] ‘мясо’, *сык* = [ʰs̰:(ʒ̰ḳ̰):ʔʔḳ̰] ‘сжимать’; на слух такие гласные воспринимаются как краткие из-за того, что вторая половина фонации гласного звучит приглушенно, в некоторых случаях между вокальными компонентами фиксируется ларингальный согласный, например: *ит* = [(ʰi, ḳ̰)ḳ̰)·tʰ] ‘толкать’; при наращении аффиксов с гласным типа «ь», «и», «о», «у» у «приглушенных» фонем отмечается полновзвучность всех компонентов. На слух такие гласные воспринимаются как долгие с ларингализацией и сопутствующей фарингализацией.

4) в слогах, включающих V: («а», «е», «о», «ö») в препозиции к «узким» гласным типа «и», «ы», «у», «ü»: *келип* = [ʔʔʔʔʔkʰ̰ḳ̰)·ɛ̰:lʰipʰ] ‘идя=сюда’.

N. S. Urtegeshev

Vowels with indefinite length: a quantitative characteristic

The paper is devoted to the quantitative characteristics of the "short" vowels of the Shor language. A comprehensive analysis of the acoustic material allowed us to identify three subgroups of vowels in this group of vocal settings – short, half-long, long.

Keywords: shor language, vocalism, acoustics, vowel length.

А. С. Шамрин

*Институт филологии СО РАН, г. Новосибирск,
anton_shamrin@mail.ru*

Фонема /h/ в кёнсанском диалекте корейского языка

В докладе рассматривается специфика фонемы [h] в кёнсанском диалекте корейского языка на основании акустического анализа.

Ключевые слова: экспериментальная фонетика, акустическая фонетика, корейский язык, ларингальные щелевые согласные, длительность.

В фонетических исследованиях не уделялось большого внимания фонеме /h/ в корейском языке. А.А. Холодович в «Очерке грамматики корейского языка» описывает эту фонему как шумную щелевую фарингальную [Холодович, 1954]. Ю.Н. Мазур характеризует её менее конкретно – как шумную щелевую гортанную [Мазур, 1960]. Похожим образом классифицирует эту фонему корейский исследователь кёнсанского диалекта Ли Гынёль – он называет её гортанной придыхательной [Ли, 1997]. Г.Й. Рамстедт в «Грамматике корейского языка» пишет, что в южнокорейском произношении согласный [h] произносится только при условии наличия ударения на последующем гласном, встречается большей частью в начале слова. В некоторых диалектах (без уточнения, в каких именно) он чередуется с [s], мягкое [h] часто слышится как [s'] или [ʃ] [Рамстедт, 1951].

При выполнении работы использовалась комплексная методика, включающая как собственно лингвистические, так и аппаратные методы исследования. Экспериментально-фонетический этап работы осуществлялся с применением компьютерных программ создания и акустической обработки звуковых файлов (SpeechAnalyzer, GoldWave).

Материалом исследования послужили изолированные словоформы кёнсанского диалекта корейского языка, записанные на цифровой носитель в произнесении трёх дикторов – носителей кёнсанского диалекта, в возрасте от 20 до 35 лет, с хорошей дикцией, проживающих в городе Пусан.

На основании выполненного акустического анализа и произведённой статистической обработки полученных данных были сделаны следующие выводы.

В постконсонантной и интервокальной позициях оттенки рассматриваемой фонемы /h/ в большинстве случаев реализуются в виде аспирации препозитивного согласного и постпозитивного гласного.

В преконсонантной и финальной позициях аллофоны фонемы /h/ зафиксированы не были.

В инициальной позиции абсолютная длительность реализаций /h/ варьирует от 68,9 до 245,6 мс, относительная – от 48,7 до 201,2%.

В 74% случаев фонема /h/ реализуется как щелевой ларингальный звук [h].

В 10% рассматриваемых словоформ фонема /h/ проявляется как щелевой заднеязычный [x].

В 6% случаев при реализации фонемы /h/ отмечается шипящий или свистящий оттенок [ʃ^h] или [s^h]. Все эти случаи были замечены в препозиции к гласным переднего ряда типа [y] и [i], соответственно. Однако бóльшая часть палатализованных аллофонов фонемы /h/ всё же представляет собой щелевой ларингальный звук [h] (в 14% рассмотренных словоформ).

Фонема /h/ иногда реализуется в глухих билабиальных [p] либо губно-зубных [f] фонах, что составляет 10% от всех случаев. Билабиальные оттенки типа «ф» констатируются в препозиции к узким гласным заднего ряда типа «u», губно-зубных типа «f» – к узким нелабиализованным гласным заднего ряда «u».

Фарингализованные реализации фонемы /h/ составляют 22%, а аспирированные – 36%.

Зафиксировано очень небольшое количество примеров функционирования фонемы /h/ в интервокальной позиции.

В интервокальной позиции фонема /h/ употребляется в звонких оттенках. В большинстве случаев она реализуется как целевой звонкий ларингальный звук [h̥] или целевой звонкий заднеязычный [ɣ] (в препозиции к гласным типов «а», «о» или «е»).

В препозиции к гласным заднего ряда типа «ш» констатируются губно-зубные фонемы типа «v».

Таким образом, согласно вышеприведённой информации, можно отметить зависимость произношения фонемы /h/ от постпозитивного гласного звука.

Список литературы

Ли Гынёль. Кённам панъон-ый ымуллон (Фонология кёнсанского диалекта). Пусан: Изд-во Седжон, 1997. 220 с.

Мазур Ю. Н. Корейский язык / Ю. Н. Мазур. М.: Издательство восточной литературы, 1960. 120 с.

Рамстедт Г. Й. Грамматика корейского языка / Г. Й. Рамстедт. М.: Издательство иностранной литературы, 1951. 232 с.

Сайт министерства иностранных дел и торговли Республики Корея. http://www.index.go.kr/potal/main/EachDtlPageDetail.do?idx_cd=1682 01.10.2018

Халло саджон (Корейско-русский словарь). Сеул: Изд-во Росиа мунхак, 2005. 806 с.

Холодович А. А. Очерк грамматики корейского языка / А. А. Холодович. М.: ЛКИ, 1954. 320 с.

A. S. Shamrin

The phoneme /h/ in Kyeongsang Korean

The study deals with the special nature of the phoneme [h] in Kyungsang Korean on the basis of acoustic analysis.

Keywords: experimental phonetics, acoustic phonetics, the Korean language, laryngeal fricative sounds, duration.

УНИВЕРСАЛЬНОЕ И СПЕЦИФИЧНОЕ В ГРАММАТИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ

УДК 81-161.1

С. Н. Абдуллаев

*Иссык-Кульский государственный университет, г. Каракол,
sayfulla.abdullayev@list.ru*

Грамматические особенности восточно-туркестанских уйгурских фольклорных текстов

Доклад посвящен фольклорным текстам, записанным и опубликованным Э. Р. Тенишевым. В материале прослеживаются отдельные грамматические особенности уйгурских фольклорных текстов. Отмечаются тенденции грамматического варьирования.

Ключевые слова: диалект, фольклорный текст, особенность, варьирование, жанр.

Фольклорно-языковая картина мира – часть общеязыковой картины мира уйгурского народа. Ее специфика обнаруживается и в «народной» лексике, и в грамматических конструкциях [Абдуллаев 1990: 26–32].

XX век – период активного изучения диалектов уйгурского языка и издания записей Г. Ярринга, С. Е. Малова и других авторов.

Э. Р. Тенишевым был собран большой материал для книги по фольклорным текстам. В «Уйгурских текстах» нашли свое отражение все три основных диалекта уйгурского языка [Строй 1989: 34–35]. Представлены все говоры и наречия центрального диалекта. Тексты в книге Э.Р. Тенишева подаются в зависимости от места сбора материалов.

Можно указать специфические моменты в области грамматики. В лобнорском диалекте отмечена инфинитная форма – сочетание деепричастия на *-май* (отрицательная форма деепричастия на *-и*) [Алиева 2013: 117] с лексемой *чақта/чахта*: *Biz toghulmaj chaqta bu laqam qoshulghan* ‘Эти лакамы появились, когда мы еще не родились’ [Тенишев 1984: 119]. В литературном языке таким формам соответствуют сочетания отрицательной формы причастия на *-ган* и лексемы *чагда*: *Доклад башланган чагда, у биринчи қатарда олтиратти* ‘Когда начался доклад, он сидел в первом ряду’ [Ҳазирки заман уйғур тили 1966: 403].

Использование формы на *-ган чагда* отмечено в текстах желтых уйгуров: *Мындан пырынго чагда, уруг пытылген чагда, Сижо-Кажыда чагдуган тугете, угур пунелгенден соң, алты азақтыг чочаны агылга үндүргек тро*. ‘В прежнее время – в то время, когда завершилось сватовство (букв. родство), когда расселялись в Сиджо-Хаджо, после завершения родства шестиногая вешалка выставляется на дворе’ [Малов 1967: 41].

В современном уйгурском языке в сложных предложениях времени с семантикой следования используется форма, в составе которой послелог *кейин* сочетается с причастием на *-ган* в форме аблатива: *Биз қуруқ чай ичкәндиң кейин, һәдәм йолға равән болди* (Строй уйгурского языка: 411) ‘После того как мы попили чай, моя сестра отправилась в путь’. В «Уйгурских текстах» встречается форма в которой причастие на *-ган* сочетается с послелогом *кейин* в форме не аблатива, а генитива: *Kelsä palang mäzzümüng oghul tughdo palang mäzzümüng qız tughdo digänning kejin ätni chapadikän* ‘Когда вернулись и после того как сказали, что жена одного родила сына, а жена другого родила дочь, пустили коней вскачь’ [Тенишев 1984 : 127].

В кашгарском говоре отмечено употребление деепричастной формы на *-гили* с семантикой предпочтения вместо формы на *-гичә* в литературном языке: *Namärt jolväs volghili märt sachqan vol* ‘Чем быть трусливым тигром, будь храброй мышью’ [Тенишев 1984: 59].

Список литературы

Абдуллаев С. Н. Вопросительно-местоименные конструкции в хамийских текстах С. Е. Малова // Маловские чтения. Алма-Ата: Наука, 1990. С. 26–32.

Малов С. Е. Язык желтых уйгуров. М.: Наука, 1967. 220 с.

Строй уйгурского языка. Алма-Ата: Наука, 1989.

Тенишев Э. Р. Уйгурские тексты. М.: Наука, 1984. 174 с.

Aliyeva M. Lobnog aǵzl. Ankara, 2013. 491 с.

Газирқи заман уйгур тили. II қисим. Алмута: Наука, 1966.

S. N. Abdullayev

Grammatical Features of East Turkestan Uyghur Folklore Texts

The article is devoted to folklore texts recorded and published by E. R. Tenishev. The material traces some grammatical features of Uyghur folklore texts. Tendencies of grammatical variation are explored.

Keywords: dialect, folklore text, concept, variation, genre

УДК 811.512.31

Н. Б. Бадмацыренова, Б. Д. Бальжинимаева

*Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова,
г. Улан-Удэ, nadya_dambayeva@mail.ru ; bairka2002@list.ru*

Уступительное наклонение и категория уступительности в бурятском языке

Доклад посвящен выделению уступительного наклонения в бурятском языке и описанию категории уступительности. Принимая во внимание широкий спектр отношений: от модальности до спрягаемости, приходим к выводу о функционировании системы обстоятельственных наклонений, одной из форм которой является форма уступки действия.

Ключевые слова: категория уступительности, уступительное наклонение, бурятский язык, глагол.

В материи языка уступительность, уступительные отношения находятся на одной ступени с целевыми, причинными, темпоральными и прочими отношениями. Однако в отличие от них отношения уступки выражает сложные отношения. Сложность уступительных отношений, в первую очередь, связана с многогранными и разнородными значениями, наполняющими данную категорию. При определении сущности уступительных отношений многие лингвисты исходят из значения противопоставления, поскольку существует тесная связь между уступительными и противительными отношениями.

В монголоведном языкознании сложилась традиция выделения лишь двух разновидностей наклонения: изъявительного и повелительно-желательного. Однако согласно последним исследованиям В.И. Рассадина «...сложились следующие 4 наклонения со своими конкретными формами, выражающими различные виды отношений действия к действительности:

1. Темпоральное наклонение
2. Модальное наклонение
3. Адвербиальное наклонение (обстоятельственное):
 - а) Условная форма (форма условия действия).
 - б) Уступительная форма (форма уступки действия).
4. Ирреальное наклонение [Рассадин 2011: 103].

Рамки категории уступительности в монгольских языках принято было очерчивать инструментарием, включающим придаточное уступительное предложение, уступительное деепричастие и уступительный союз. В объективной действительности действия чаще всего происходят не в линейной последовательности, а при выполнении/ невыполнении каких-либо дополнительных условий. В связи с этим, в системе языка появились специальные формы глагола, отражающие данные условия. К таким условиям в монгольских языках относятся и форма уступки действия (по В.И. Рассадину). Так, вопрос об уступительном наклонении он считает безусловно решенным. «В бурятском языке оно образуется на базе условной формы, которая включает уступительную частицу *-шье*: *-аашье хаам*,

-аашье *haa*и и т. д. Например: *Мунөөдэр хура бороо ороошье хаа, бидэ дача руу ошохомнай* «Хотя сегодня и пойдёт дождь, мы поедем на дачу» [Рассадин 2011: 102]. Одним из показателей сформированности наклонения принято считать спрягаемость аффиксов, что мы и наблюдаем на материале бурятского языка.

В современном бурятском языке значение уступительности выражается и при посредстве изъявительной формы прошедшего времени – *ба* (-бо, -бэ), уступительной частицы *шье* и условной частицы *хаа*.

Грамматические формы уступительного наклонения функционируют только в составе сложного предложения, главным образом в составе уступительного периода, вступая в различные закономерные связи и отношения с глагольными формами индикатива и императива. Глагольная форма в данном наклонении сообщает факт, вопреки которому совершается действие, обозначенное аподозисом: *Сэдэн ахайтан ядажа тулижа ябадаг түрэл садандаа хододоо туһадагышье хаань тэдэнь туһыень туһаш гэжэ ойлгодоггүй байгаа*. «Несмотря на то, что семья старшего брата Цыдена всегда помогала его вечно страждущим родственникам, но они и за помощь - то это не считали».

Таким образом, опираясь на понимание сути наклонения как грамматической формы, выражающей отношение действия к действительности, причем, принимая широкий спектр этих отношений, включая не только модальность, т.е. отношение говорящего к предмету высказывания, в данном случае к действию, но и отношение ко времени и реальности действия, а также маркированность этой формы и ее спрягаемость, можно прийти к выводу о том, что в современном бурятском языке, наряду с реальными наклонениями функционирует и система обстоятельственных наклонений, одной из форм которой является форма уступки действия.

Литература

Рассадин В. И. Очерки по морфологии и словообразованию монгольских языков. Элиста, 2011.

Санжеев Г. Д. Грамматика бурятского языка. М., 1962.

N. B. Badmatsyrenova, B. D. Bal'zhinimaeva
Concessive Mood and the Category of Concession
in the Buryat Language

The article is devoted to the identifying the concessive mood in the Buryat language and description of the category of concession. Taking into account a wide range of relations, from modality to conjugation, we come to the conclusion regarding the functioning of the system of circumstantial moods, one of the forms of which is the form of concession of action.

Keywords: category of concession, concessional mood, the Buryat language, verb.

УДК 81-26

А. В. Мазарчук

*Институт лингвистических исследований РАН,
г. Санкт-Петербург, anja_av@rambler.ru*

Частотность маркеров плюралиса существительных
в монгольском, бурятском и калмыцком языках²¹

В докладе приводятся результаты корпусных исследований, касающихся частотности употребления показателей множественного числа существительных в современных халха-монгольском, бурятском и калмыцком языках. Высказывается гипотеза об изменении, произошедшем в монгольском языке в период с XVII по XX век.

Ключевые слова: монгольские языки, корпусные исследования, частотность, множественное число, суффиксы.

²¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МинОКН Монголии в рамках проведения научных исследований «Взаимодействие языков в поликультурном пространстве на материале монгольских языков: сравнительный анализ калмыцкого языка, языка ойратов Монголии и бурятского языка», проект № 19-512-44006, регистрационный номер НИОКТР: АААА-А19-119080790033-3.

Автору доклада всегда бросалось в глаза явно большее количество маркеров плюралиса в современных бурятских тестах, чем в монгольских, в связи с чем сначала было проведено исследование на материале микрокорпусов бурятских, калмыцких и монгольских газетных текстов (около 10 000 словоупотреблений в каждом), а потом на материале онлайн корпусов большого объема (2 млн. 200 тыс. словоупотреблений – Бурятский корпус, 800 тыс. словоупотреблений – Калмыцкий корпус; из Монгольского корпуса извлечь нужные для данного исследования цифры технически невозможно). Цифры, полученные на первом этапе исследования и на втором, разительно отличаются, но сам факт более частого употребления показателей множественного числа существительных в бурятском и калмыцком языках, чем в современном монгольском, подтвердился. Автор предполагает, что в какой-то период на временном отрезке от XVII до XX века в монгольском языке имел место процесс уменьшения частоты употребления маркеров плюралиса, и этот процесс, возможно, не затронул бурятский и калмыцкий языки, поскольку калмыки и российские буряты оказались в русском языковом окружении, начиная примерно с XVII в.

A. V. Mazarchuk

Frequency of Nominal Plurality Markers in Mongolian, Buryat, and Kalmyk

The fact that texts in modern Buryat and Kalmyk abound with nominal plurality markers, whereas those in modern Mongolian don't, has always caught the author's eye. This research was carried out in order to obtain actual numbers to prove right or wrong of the author's intuition. First, microcorpora with about 10 000 word tokens were examined, then big-data online corpora, and it was found that, whatever the exact numbers are, the general trend of more frequent use of nominal plurality markers in modern Buryat and Kalmyk actually exists. The author assumes that somewhat between the 17th and 20th

centuries, the plurality markers usage in Mongolian started to shrink for some reason. Buryat and Kalmyk were not touched by this process, probably, due to the fact that, around the 17th century, their speakers detached themselves from their linguistic genetically related surrounding, and these languages started to be influenced by Russian.

Keywords: Mongolic, corpora studies, frequency, plurality, suffixes.

УДК 811.512.164'366

М. А. Таганова

*Институт языка, литературы и национальных рукописей
им. Махтумкули АН Туркменистана, г. Ашхабад,
manyeje@mail.ru*

Глагол *agla-* ‘плакать’ в туркменском языке (на основе произведений Махтумкули Фраги)

Анализ употребления глагола *agla-* ‘плакать’ в произведениях туркменского поэта Махтумкули показал, что он встречается чаще, чем его однокоренной вариант с одинаковой семантикой *yugla-*, отсутствующий в толковых словарях современного туркменского языка.

Ключевые слова: глагол, аффикс *-la/-le*, производный глагол, однокоренные глаголы *agla-* и *yugla-*, Махтумкули Фраги.

В произведениях Махтумкули Фраги глагол *agla-* ‘плакать, стенать, рыдать’ встречается чаще (137 раз), чем его однокоренной вариант с той же семантикой *yugla-* (116 раз). Этимология данных слов хорошо проанализирована крупным тюркологом Э.В. Севортьяном [Севортьян 1974:79].

Глагол *agla-* встречается в виде неопределённой формы глагола на *-mak/-mek* (***Aglamakdan gözyaşum / Joşgunly çaya döndi*** [Magtymguly I 2013:172] ‘Из-за плача мои слёзы превратились в

бурную реку’), деепричастий на *-ap* (*Garyp bolup gezdim aglar* [Magtymguly I 2013:92] ‘Ходил, **плача**, в бедности’), *-ýyp* (*Ýedi gün aglaýyp, gözünden galan* [Magtymguly II 2013:40] ‘**Проплакав** семь дней, остался без зрения’) и *-ý* в повторах (*Niçeler aglaý-aglaý, / Niçeler güldi gitdi* [Magtymguly I 2013:254] ‘Многие ушли, **рыдая**, многие – смеясь’), причастия прошедшего времени на *-an* (*Aglan gülmezmi* [Magtymguly I 2013:49] ‘**Плакавший** неужель не засмеётся?’) и отрицательной формы на *-maýyn* (*Eý, ýaranlar, musulmanlar, Aglamaýyn, gülen barmy?* [Magtymguly I 2013: 307] ‘Эй, друзья, мусульмане, есть ли смеявшиеся, **не плакавшие**?’).

Из временных форм глагола чаще встречаются глаголы прошедшего времени (*Ýedi gün Käbe daşynda gurd-u guşlar aglady* [Magtymguly II 2013: 155] ‘Семь дней **плакали** вокруг Каабы волки и птицы’), настоящего (*Her dem ýatlap, gan aglaram* [Magtymguly I 2013: 44] ‘Вспоминая в каждом вдохе, **плачу** кровью’) и будущего (*Gurt aglar Ýakup ýanynda* [Magtymguly 2013: 305] ‘Волк **заплачет** рядом с Якубом’).

Выявлено употребление глагола *agla-* также в условном наклонении с аффиксом *-sa* с семантикой желания: *Ýusup kibi zundan içre aglasam* [Magtymguly I 2013: 218] ‘**Коль** в заточенья слёзы **буду лить**, подобно Юсуфу’). С аффиксом понудительного залога *-t* он встречается в неопределённой форме (*Ulyny aglatmak kiçä ýaraşmaz* [Magtymguly I 2013: 403] ‘Не подобает младшему заставлять плакать старших’), в формах деепричастия на *=p* (*Jyda kyldy gan agladyp* [Magtymguly II 2013: 239] ‘Разлучил, **заставив плакать** кровью) и причастия (*Asylary zar agladan bir hary-zar düňýädir* [Magtymguly II 2013: 259] ‘Сей бранный мир **заставил** грешников **стенать**’), прошедшего категорического (*Urdular, aglatdylar «Gurt iýdi» diýip satdylar* [Magtymguly II 2013: 290] ‘Избили, **заставили плакать** и продали, говоря: “Волк съел”) и будущего времен (*Pelek agladar, güldürmez* [Magtymguly I 2013: 293] ‘Судьба **заставит плакать**, не даст смеяться’).

Форма совместного залога на *-ş* (*agla+ş-*) встречается в неопределённой форме (*Taňla gün gam geler, aglaşmak bardyr* [Magtymguly II 2013: 226] ‘В том мире придёт грусть, будут рыдания’), в формах деепричастия на *=p* (*Köp pakyrlar aglaşyp,*

geler ondan amana [Magtymguly II 2013: 291] ‘Многие бедные, **плача**, от него спасутся’) и будущего времени (*Halalaýuk aglaşar permanda – ýekser* [Magtymguly II 2013: 2368] ‘Народ в Судный день **заплачет** весь до единого’).

Анализ употребления глагола в произведениях Махтумкули Фраги показал, что уже в XVIII веке в туркменском языке отмечается активность глагола *agla-*. А употребление *ýyгла-* в этот период начинает идти на убыль.

Литература

Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М.: Издательство “Наука”, 1974. 767 с.

Источники

Magtymguly I 2013 Magtymguly. Eserler ýygındysy. I tom. Aşgabat: “Ýlym” neşirýaty, 2013.

Magtymguly II 2013 Magtymguly. Eserler ýygındysy. II tom. Aşgabat: “Ýlym” neşirýaty, 2013.

M. A. Taganova

The Verb *agla* 'to cry' in the Turkmen Language (Based on the Works of Makhtumkuli Fragi)

The analysis of the use of the verb *agla* 'to cry' in the works of the Turkmen poet Makhtumkuli shows that it is more common than its single-root variant with the same semantics *ýyгла-*, which is absent in the explanatory dictionaries of the modern Turkmen language.

Keywords: verb, affix *-la / -le*, derived verb, single-root verbs *agla-* and *ýyгла-*, Makhtumkuli Fragi.

Категория одушевленности и дифференцированное маркирование объекта в тувинском языке

Настоящее исследование посвящено проблеме дифференцированного маркирования объекта в тувинском языке, рассматривается зависимость вариативного падежного маркирования (номинатив vs. аккумулятив) прямого дополнения от категории одушевленности/неодушевленности в тувинском языке.

Ключевые слова: дифференцированное маркирование объекта, одушевленность, тувинский язык.

Типологические исследования явления дифференцированного маркирования объекта (DOM) [Bossong, 1985] выявили целую группу факторов, влияющих на выбор падежного оформления прямого дополнения, относящиеся к разным языковым уровням [de Swart 2007]. Основной задачей современных исследований в этой теме является поиск универсальных и специфических факторов, определяющих выбор морфосинтаксического оформления прямого дополнения, для решения которой необходимо всестороннее изучение каждого из факторов в конкретных языках.

Одним из релевантных факторов, от которого зависит маркирование объекта в языках мира, является категория одушевленности. К примеру, в испанском языке одушевленность является единственным фактором, влияющий на маркирование объекта: маркирование получают одушевленные объекты, а неодушевленные объекты не получают морфосинтаксического оформления [Moravcsik 1978]. Чаще одушевленность является не единственным, а одним из многих факторов, определяющих выбор маркирования прямого дополнения. В тюркских языках, где референциальный статус (определенность/неопределенность)

считается наиболее релевантным фактором, значение семантической категории одушевленности не являлась до сих пор объектом специального изучения.

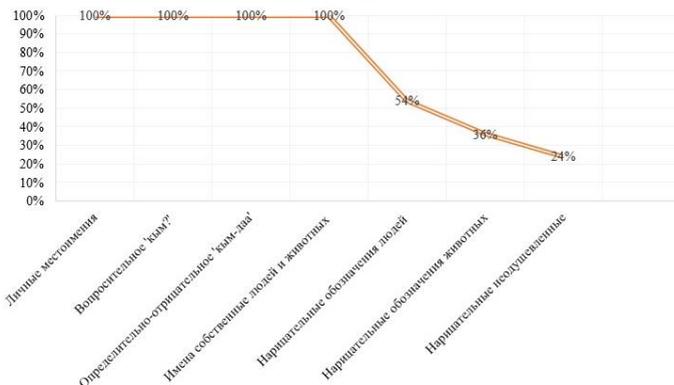
В данном исследовании проанализированы 500 предложений на тувинском языке с прямыми дополнениями, из которых отобраны 194 примеров, без модификаторов (определения, поссесивные показатели и т.д.), которые могут исказить результаты.

В итоге, в анализируемых нами примерах личные местоимения, вопросительное местоимение *кым?* 'кто?', определительно-отрицательное местоимение *кым-даа* 'никто', имена собственные людей и клички животных в позиции ПД всегда оформляются аккузативом. В более чем в половине случаев (54%) аккузативом маркируются нарицательные обозначения людей, в 36% – нарицательные обозначения животных, в 24% – нарицательные обозначения неодушевленных предметов и абстрактных явлений (см. рис. 1).

В целом, правило выбора маркировки прямого дополнения в тувинском языке подчиняется типологической иерархии одушевленности [Silverstein 1976; Aissen 2003]: вероятность маркирования прямого дополнения аккузативом тем больше, чем выше референт ИГ на иерархии одушевлённости.

Как видно из Рис. 1, обязательное маркирование получают ИГ, относящиеся к категории «личность». К примеру, вопросительное *кым?* 'кто' и определительно-отрицательное *кым-даа* 'никто' местоимения в роли прямого объекта обязательно требуют оформления аккузативом (Пример 1), видимо, из необходимости формального разграничения субъекта и объекта.

Рис. 1. Зависимость маркирования объекта от одушевленности в тувинском языке

(1) *Салым-чол ам аңаа удур кымны салыптар деп?* [Ооржак, 2006: 21]

салым-чол=Ø ам а=аңаа удур **кым=ны** сал=ыптар=ар деп
 судьба=NOM сейчас он=DAT против **кто=ACC** ставить=PFV=PAST2 tie
 'Кого же судьба выставит против него?'

Итак, в тувинском языке фактор одушевленности имеет релевантное значение при выборе маркировки прямого дополнения, хотя строгих ограничений не накладывает. Еще более выраженное отражение в явлении DOM получает категория «личность/неличность». В целом, маркирование получают прямые дополнения, имеющие семантические черты подлежащего, т.е. объекты-личности и «более» одушевленные объекты. Таким образом, для тувинского языка в определенных ситуациях факторы одушевленности и «личности» являются более важными, чем референциальный статус ИГ.

Список литературы

Aissen, Judith. Differential Object Marking: Iconicity vs. Economy (англ.) // *Natural Language and Linguistic Theory.* 2003. Вып. 21. С. 435–483.

Bossong, Georg. Differentielle Objektmarkierung in den neuiranischen Sprachen. Empirische Universalienforschung. Tübingen: Gunter Narr Verlag. 1985.

de Swart, Peter. Cross-linguistic Variation in Object Marking. Ph.D. thesis, Radboud University Nijmegen. 2007.

Moravcsik, Edith. On the Case Marking of Objects. In: Greenberg, Joseph H. (ed.). Universals of human language. Vol. 4: Syntax. Stanford: Stanford University Press. 1978. Pp. 249–289.

Silverstein, Michael. Hierarchy of features and ergativity. In: R.M.W. Dixon (ed.). Grammatical categories in Australian languages. Canberra: Australian Institute of Aboriginal Studies. 1976. Pp. 112–171.

Источник

Ооржак С. Мөгөниң оруу. Кызыл, 2006.

Ch. G. Ondar

Animacy and Differential Object Marking in Tuvan language

The article is devoted to the problem of differential object marking in the Tuvan language: the dependence of the variable case marking (nominative vs. accusative) of the direct object on the category animacy/inanimacy in the Tuvan language is considered.

Keywords: Differential Object Marking, Tuvan language, Animacy.

УДК 811.161.1

Г. С. Абдуллаева

*Кыргызско-Турецкий университет «Манас», г. Бишкек,
Киргизия, abdullaeva_guzyalya@mail.ru*

Синтаксические идиомы на базе одноактантной модели простого предложения с именным сказуемым

Статья обращается к процессам формирования синтаксических идиом в уйгурском языке. Рассматриваются трансформации означаемого и означающего модели простого предложения как лингвистического знака.

Ключевые слова: модель, асимметрия, идиома, связанный.

Объектом рассмотрения в данном случае являются синтаксические идиомы, которые формально напоминают синтаксические конструкции, а именно реализации моделей простого предложения, а содержательно тяготеют области фразеологической семантики. Наше исследование проводится в контексте идей Новосибирской синтаксической школы [Черемисина 1998]. В качестве ведущего научного принципа используется положение об асимметричном дуализме языкового знака (С. Карцевский), т.к. «значение языковых единиц, образованных в процессе синтаксической идиоматизации, непосредственно не соотносится со значениями отдельных компонентов». В ходе фразеологизации предложений обнаруживается тенденция к возрастанию асимметрии между планом выражения и планом содержания, что приводит к развитию синтаксической идиоматичности. С. Карцевский раскрыл и теоретически обосновал одно из главных отличительных свойств языковых знаков — отсутствие однозначного соответствия между двумя сторонами знака [Карцевский 1965].

Формирование синтаксических идиом на базе модели простого предложения – проявление синтаксических процессов в уйгурском языке. Обратимся к конкретному примеру, а именно к формированию идиомы «*NI дегэн NI*» на основе одноактантной модели {*NI ⇔ NI Сор (кто/что есть кто/что)*}. Пример реализации модели: *Лутфулла Муталлип мәшһур шаирдур* ‘Лутфулла Муталлип – знаменитый поэт’.

Модель в плане выражения имеет повторяющуюся позицию, замещаемую именем в форме номинатива (N1). Общая семантика модели «Выражение идентификации определенного субъекта». Очевидно, тавтология облигаторных позиций в структурной схеме модели послужила основой для формирования синтаксической идиомы. Образование идиомы сопровождается регулярным использованием между повторяющимися именами служебного слова *дегэн*. Кроме того, после второго из повторяющихся имен следует частица –дә. Например:

Әр дегэн әрдә [Тайиров 1982 : 29]

**РУССКАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ:
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
В РЕГИОНАХ РФ И НА СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ**

УДК 81'23

Н. В. Уфимцева

Институт языкознания РАН, г. Москва, nufimtseva@yandex.ru

**Значение и его исследование
в ассоциативной лексикографии**

Работа посвящена значению как социокультурному феномену и возможностям его исследования с помощью материалов массового ассоциативного эксперимента.

Ключевые слова: значение, языковое сознание, региональное языковое сознание, ассоциативный эксперимент, ассоциативно-вербальная сеть

В отечественной психолингвистике (теории речевой деятельности) значения рассматриваются как социальные единицы, конституирующие образ мира [Леонтьев А. А. 1996]. Значение считается основной составляющей сознания и рассматривается как преобразованная и свернутая в материи языка идеальная форма существования предметного мира, его свойств, связей и отношений [Леонтьев А. Н. 1975].

Объективный характер связей, выделяемых в материалах массовых ассоциативных экспериментов, подтверждается исследованиями психологов [Ушакова 2011: 151] Ассоциативно-вербальная сеть (АВС) (т.е. неполно связанный, ориентированный граф со взвешенной частотой), построенная по данным Русского ассоциативного словаря [Караулов и др. 2002], это первая сетевая модель образа мира носителей русского языка/культуры, которая позволила построить реальную модель языкового сознания носителя языка, отвечающую системно-целостному принципу.

С конца прошлого века ведутся исследования содержания языкового сознания носителей русской культуры. Наиболее значимым можно считать создание Ассоциативного тезауруса русского языка, более известного как Русский ассоциативный словарь, в котором зафиксированы изменения, происходившие в сознании носителей русского языка и культуры в годы Перестройки (1988-1998) [Караулов и др. 2002]. Это позволило получить новые инструменты исследования культуры и ее бытования в обыденном сознании носителя языка, исследовать системность обыденного сознания русских, выявить закономерности его изменения в процессе жизнедеятельности социума. Кроме того, это послужило толчком для появления целого семейства ассоциативных словарей, как бумажных, так и в виде баз данных, размещенных в Интернете (см. [Русский региональный словарь – ЕВРАС, СИБАС, УРРАС и др.]).

Крымский ассоциативный словарь к настоящему времени существует в виде электронной базы данных, содержащей прямой и обратный словари. По времени создания это самый «молодой» региональный ассоциативный словарь, сбор материала для словаря начался в 2018 году.

Не менее интересными оказались исследования региональных особенностей языкового сознания русских, живущих в инокультурном окружении, по отношению к автохтонному языковому сознанию коренных жителей республик Коми, Саха (Якутии), Татарстана, Бурятии (см., например, [Региональное языковое сознание коми, русских, татар: проблемы взаимовлияния 2017]). И хотя по объему собранного материала эти базы данных значительно уступают РАС и другим региональным словарям русского языка, полученные материалы позволили вскрыть особенности самоидентификации как русских жителей республик, так и коренных жителей и определить факторы влияющие на этот процесс, а также построить типологию потенциально конфликтогенных зон языкового сознания.

Приведенные примеры достаточно хорошо иллюстрируют представление о значении как о социокультурном феномене и

возможностях его исследования с помощью материалов массового ассоциативного эксперимента.

Список литературы

Леонтьев А. А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М.: Наука, 1969.

Леонтьев А. А. Язык не должен быть «чужим» // Этнопсихологические аспекты преподавания иностранных языков. М., 1996, с. 41–47.

Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.

Караулов Ю. Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // Языковое сознание и образ мира. М.: Институт языкознания РАН, 2000. с.191–206.

Караулов Ю. Н., Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф., Уфимцева Н. В., Черкасова Г. А. Русский ассоциативный словарь в 2-х тт. М.: Астрель, 2002.

Региональное языковое сознание коми, русских, татар: проблемы взаимовлияния. Кол. монография под ред. Н.В. Уфимцевой. М.: РФФИ-ИЯз РАН, 2017.

Ушакова Т. Н. Рождение слова: проблемы психологии речи и психолингвистики. М.: Институт психологии РАН, 2011.

N. V. Ufimtseva

Meaning and Its Research in Associative Lexicography

The article is devoted to meaning as a socio-cultural phenomenon and the possibilities of its research using the materials of a mass associative experiment.

Keywords: meaning, language consciousness, regional language consciousness, associative experiment, associative-verbal network.

И. В. Шапошникова

*Институт филологии СО РАН, г. Новосибирск,
i.shaposhnickowa@yandex.ru*

**К разработке инструментария для экспликации
универсалий русской языковой личности на модели
ассоциативно-вербальной гиперсети²²**

Автор предлагает к обсуждению новые приемы работы с ассоциативно-вербальной сетью (АВС), полученные в ходе оптимизации новейших экспериментальных материалов СИБАС (2007 – 2021) и нацеленные на экспликацию универсалий русской языковой личности.

Ключевые слова: экспликация универсалий, ассоциативно-вербальные гиперсети, русская языковая личность.

В процессе апробации предложенного нами подхода к исследованию лингвистических и культурных универсалий на ассоциативно-вербальном материале [Шапошникова 2020: 199–215] были рассмотрены *онтологические характеристики ассоциативно-вербальной сети*, обусловленные универсальной (видоспецифичной) для Homo sapiens организацией психических процессов (сознания) и, как нам представляется, унаследованные внутренним лексиконом от гиперсети когнитива, в особенности функциональных систем памяти. Онтологические характеристики такого порядка наряду с *диссипированностью грамматики и стохастичностью формирования векторов ассоциативных*

²² Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884).

доминант можно отнести к речемыслительным универсалиям в узком смысле слова (обусловленным эволюционно биологической спецификой вида). Имеющиеся в нашем распоряжении компьютерные технологии и достаточно большие базы данных позволяют предложить новые приемы работы с АВС русской языковой личности, полученные на новейших экспериментальных материалах СИБАС 1 (2007- 2013) и СИБАС 2 (2014-2021).

В настоящее время сопровождающая исследование оптимизация больших эмпирических данных проводится в целях поиска приемов *экспликации диссипированной* в АВС *словообразовательной и словоизменительной морфологии* на всем массиве ассоциатов и на уровне отдельных ассоциативных полей. Один из таких приемов заключается в автоматическом генерировании ассоциативных полей словообразовательных единиц. Другие способы *экспликации* разлитой в АВС грамматики на нашем материале связаны с апробацией предложенной Т.В. Батура *системы лексико-грамматической разметки СИБАС*.

Совершенствование методики *экспликации доминант*, отражающих социо-коммуникативные установки русской языковой личности, которые можно трактовать как источник этносоциокультурных *универсалий в широком смысле термина*, связано с поиском новых алгоритмов *психоглоссирования*. Смысловые векторы этносоциокультурных доминант познаются индуктивно и формируют статистически единое смысловое поле русской языковой личности в широких пространственно-временных пределах в актуальной диахронии. Такого рода процессы поддаются измерению на динамических моделях в ходе сравнительно-сопоставительного анализа векторов акцентуаций у вариантов рассматриваемой языковой личности (при наличии соизмеримых экспериментальных данных и адекватных приемов их интерпретации).

Литература

Шапошникова И. В. Ипостаси вербальной культуры: универсальное в специфичном //Сибирский филологический журнал. 2020. № 1. С.199–215. DOI 10.17223/18137083/70/16

Источники

СИБАС – Русская региональная ассоциативная база данных (2008 – 2021) (авторы-составители И. В. Шапошникова, А. А. Романенко) URL: <http://adictru.nsu.ru>

I. V. Shaposhnikova

What Toolkit Can Linguists Use to Explicate Universals of the Russian Language Personality on an Associative-Verbal Hypernetwork Model ²³

The author proposes new techniques of analyzing the associative verbal network materials obtained by the SIBAS project during a series of experiments (2007 – 2021) and discusses the further computational optimization of the collected data. The author’s theoretical and practical proposals are aimed at an explication of the universal features of the Russian language personality.

Keywords: explication of universal features, associative-verbal hypernetwork, the Russian language personality.

²³ The work is part of the project of the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences «Cultural universals of verbal traditions of the peoples of Siberia and the Far East: folklore, literature, language» supported by a grant from the Government of the Russian Federation for the promotion of research conducted under the guidance of leading scientists, contract № 075-15-2019-1884.

Л. О. Бутакова

*Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
г. Омск, larisabut@rambler.ru*

**Русская региональная языковая личность в аспекте
комплексного лингвистического исследования: от поколения
Y к поколению Z**

Статья посвящена комплексной лингвистической реконструкции русской языковой личности одного региона в поколенческом аспекте. Исследовательский интерес направлен на сопоставительный анализ дискурсивных практик, коммуникации, ценностных фрагментов языкового сознания представителей разных поколений носителей русского языка.

Ключевые слова: поколение Y, поколение Z, языковая личность, языковое сознание, дискурс, дискурсивная практика, психолингвистический эксперимент.

Целью статьи является обоснование необходимости комплексной лингвистической реконструкции русской региональной языковой личности в поколенческом аспекте.

Современные школьники, или «поколение Z», зумеры – люди, родившиеся с 1995 по 2010 год и сформировавшиеся под влиянием гаджетов и соцсетей. К их когнитивным и психологическим чертам относят многозадачность, трудности удержания внимания, изменения памяти, сознания, эмотивной сферы [Мифы 2019: 15; Солдатова и др. 2020: 8-21]. Все указанные особенности отражаются в речевой деятельности представителей поколения в ходе оперирования с языковыми знаками разного типа, могут быть установлены лингвистическими и психолингвистическими методами. Исследование речевой деятельности представителей поколения Z в регионе выявило особенности актуализации субъективной семантики в ходе свободного и направленного ассоциирования, написания сочинений на свободные темы [Бутакова 2021: 61-74];

очевидны структурные и смысловые изменения ассоциативных полей ряда слов, способов развертывания текста, типов информации в них и пр.

«Поколение Y» – те носители русского языка, кто родился с января 1983 года по декабрь 1994 года, рос во время перестройки, успел получить образование до «эпохи ЕГЭ», позднее столкнулся с современными компьютерными технологиями. В силу неисследованности является актуальным реконструировать социально-коммуникативные характеристики через анализ коммуникации и языкового сознания представителей данного поколения в регионе по методологии, разработанной ранее [Бутакова, Гуц, Орлова 2018]. Языковая личность представителя данного поколения будет рассматриваться как объект и субъект речемыслительной деятельности; будут исследованы тематические персональные дискурсы с предметной областью «Поколение Y», в том числе порождаемые самими языковыми личностями этого возраста; тематические институциональные дискурсы (официальные тексты, СМИ, коммерческая и социальная реклама, нацеленная на людей этого возраста); фрагменты языкового сознания информантов разных возрастных групп – участников экспериментов. С лингвистической точки зрения актуальна дальнейшая разработка возрастного измерения русскоязычного коммуникативного пространства. С точки зрения междисциплинарной гуманитарной проблематики важна экспликация представлений носителей русского языка о поколении россиян среднего возраста, сформировавшихся после перестройки, активно пользующихся виртуальной средой и техническими платформами, его потребностях, ценностях, коммуникативных компетенциях, изменении дискурсивных практик.

Подобное исследование уже было выполнено для поколения Z [Бутакова, Гуц, Козловская 2018] и продолжается далее. Материал, полученный в ходе изучения поколения Y, позволит построить модель русской региональной языковой личности в поколенческой динамике.

Список литературы

Бутакова Л. О. Языковая способность, речевая компетенция, речевая деятельность представителей поколения Z // Русский язык в школе. 2021. Т. 82, № 4. С. 61–74.

Бутакова Л. О., Гуц Е. Н., Козловская Е. А. Детство в дискурсивном пространстве региона: комплексный анализ ценностных фрагментов языкового сознания и институциональных коммуникаций. Омск: Изд.дом «Наука», 2018.

Бутакова Л.О., Гуц Е.Н., Орлова Н.В. Проект «Региональное языковое сознание: возрастной аспект» // Вопросы психолингвистики. 2018. 2 (36). С. 146–168.

Мифы о «поколении Z» / Н. В. Богачева, Е. В. Сивак. М.: НИУ ВШЭ, 2019.

Солдатова Г. У., Никонова Е. Ю., Кошечкина А. Г., Трифонова А. В. Медиамногозадачность: от когнитивных функций к цифровой повседневности // Современная зарубежная психология. 2020. Том 9. № 4. С. 8–21. URL: https://psyjournals.ru/files/118462/jmfp_2020_n4_Soldatova_et_al.pdf Дата обращения: 03.05.2021.

L.O. Butakova

Russian Regional Linguistic Personality in the Aspect of Complex Linguistic Research: from Generation Y to Generation Z

The article deals with a comprehensive linguistic reconstruction of the Russian linguistic personality of one region in a generational aspect. Research interest is aimed at a comparative analysis of discursive practices, communication, value fragments of the linguistic consciousness of representatives of different generations of native speakers of the Russian language.

Keywords: generation Y, generation Z, linguistic personality, linguistic consciousness, discourse, discursive practice, psycholinguistic experiment.

Региональная дискурсивная языковая личность

В работе рассматриваются особенности региональной дискурсивной языковой личности, определяемой как языковая личность того или иного региона, реализующая в порождаемых ею дискурсах языковое сознание, ментальность этого региона.

Ключевые слова: дискурс, дискурсивная языковая личность, региолект.

Дискурсивная языковая личность (далее – ДЛ) определяется Л.Н. Синельниковой как «коммуникативная (интерактивная) личность, обладающая “коммуникативным паспортом” как совокупностью индивидуальных коммуникативных стратегий и тактик, когнитивных, семиотических, мотивационных предпочтений, сформировавшихся в процессах коммуникации» [Синельникова 2011: 458]. Иначе говоря, исследователь отождествляет ДЛ и коммуникативную личность, акцентируя внимание только на коммуникативном аспекте функционирования дискурса, который, по мнению учёного, представляет собой «**общение** (выделено нами – В.Т.) посредством текста; способ организации языка в речи; **коммуникативное событие** (выделено нами – В.Т.), проявляющее интересубъектность; функциональный выбор и осуществление речеповеденческих установок; совокупность всего высказанного и произнесённого» [Синельникова 2011: 456].

Нам, однако, представляется, что при определении ДЛ нужно использовать онтологические, а не коммуникативные характеристики дискурса: дискурс это «связный текст в совокупности с экстралингвистическими — прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как

целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» [Арутюнова 1990: 136]. При такой интерпретации мы закономерно должны считать дискурсивной языковую личность, воплощённую в созданных ею дискурсах, акцентируя внимание не столько на её речеповеденческих и коммуникативных характеристиках, сколько на том, как в этих дискурсах воплощена её ментальность: прагматические, социокультурные, психологические и др. ментальные основания бытия. Иначе говоря, ДЛ – это языковая личность, рассматриваемая с точки зрения реализации её ментальных установок в произведённых ею текстах.

Вполне очевидно, что ментальные установки могут иметь разную природу: общечеловеческую, национальную, семейную и т.д. Немаловажен при этом и региональный фактор: человек формируется своим окружением, которое, несомненно, несёт в себе «региональное сознание», те ценностные «вехи», которые определены жизнью региона. На наш взгляд, именно региональное определяет структуру языковой личности: мы осознаем мир через призму языкового сознания нашей земли. Общечеловеческое и национальное корректируются под воздействием регионального, а семейное и групповое формируется им. В связи с этим, на наш взгляд, важно изучение ДЛ в первую очередь как региональной ДЛ, то есть языковой личности той или иной местности, реализующей в порождаемых ею дискурсах регионально маркированные ментальные установки.

Литература

Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136–137.

Синельникова Л. Н. О научной легитимности понятия «дискурсивная личность» // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия

«Филология. Социальные коммуникации». Том 24 (63). 2011. № 2.
Часть 1. С. 454–463.

V. I. Terkulov

Regional Discursive Linguistic Personality

Within this paper, a definition of linguistic personality is given and features of a regional discursive linguistic personality are analyzed, defined as a linguistic personality of a particular region, realizing the linguistic consciousness and the mentality of the region in the discourse it generates.

Keywords: discourse, discursive linguistic persona, regiolect.

УДК 81'23, 81'27, 81'33

М. А. Кузьмина

*Институт филологии СО РАН, г. Новосибирск,
mash_room@mail.ru*

Оценочные смыслы концепта ОБЩЕНИЕ (на материале оценочных ассоциативных доминант)²⁴

В докладе предпринята попытка представить ценностное измерение оценочных ассоциативных доминант на примере концепта ОБЩЕНИЕ.

Ключевые слова: ассоциативные доминанты, концепт, концептология, моральная оценка, смысловая структура.

Оценочные ассоциативные доминанты могут быть описаны в двуединстве выражаемых ими смысловых отношений: с одной

²⁴ Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884).

стороны, доминанты содержат моральную оценку как универсальную характеристику культуры, с другой стороны, специфичные смыслы представлены в ассоциативном оценочном поле в виде концептов – ценностных смысловых структур.

Эмпирические исследования показывают общераспространённость моральных представлений и незначительные расхождения моральной оценки у представителей разных культур [Арутюнова, Александров 2019: 70], что свидетельствует о том, что моральная оценка выражает основные ценности (*добро/зло, свой/чужой*), бинарное противопоставление которых формирует культуру как явление, присущее только человеку. Наличие доминантной ассоциативной дихотомии – полей ХОРОШО/ПЛОХО – можно считать культурной универсалией.

Наряду с универсальными смыслами моральная оценка присутствует также и в специфичных для каждой культуры ценностных смысловых структурах. Моральная оценка как результат взаимодействия с другими людьми – это часть адаптивного поведения человека, предполагающего моральный выбор [Арутюнова, Александров 2019: 59]. «След» ценностных смыслов в вербальных ассоциациях проявляется наличием выраженной эмоции (см. о психологической концепции «единства сознания и эмоций» [Александров, Александрова 2009], о «переживании» ценностей в эмоциях [Левицкий, URL] и работы Н.О. Лосского, Ю. Хабермаса и др.). Различное адаптивное поведение приводит к специфическим культурным «паттернам», к которым относятся и лингвоспецифические концепты.

Слово *общение* (как и другие слова этого же корня, например, *общество*) является специфичным для русской культуры. Об этом свидетельствуют как исследования лингвистов (см., например, [Ключевые идеи... 2005], [Колесов 2004: 36-37]), так и междисциплинарные социо-лингвистические работы (см. [Кирдина-Чэндлер, Круглова 2019]). Концепт ОБЩЕНИЕ относится к ценностно-значимым смысловым структурам сознания носителей русского языка и выбран как

исследовательский «фильтр» для анализа ассоциативных доминант ХОРОШО/ПЛОХО (психолингвистический аспект). Философско-концептологический аспект анализа базируется на синергичном представлении концепта ОБЩЕНИЕ [Колесов 2019: 166], которое, в свою очередь, основано на идее причинности, т.е. развитии во времени-пространстве (*хронотоп* А.А. Ухтомского, М.М. Бахтина). Отличие данного метода, применяемого обычно к анализу текста, от его использования при работе с данными ассоциативных экспериментов в том, что в последнем случае внутренний смысл вычленяется не из потока слов, а в вербальных ассоциациях полей ХОРОШО и ПЛОХО. В этом случае понятие «текст» трактуется расширительно (см. [Дридзе, 2001], [Караулов 1987]).

Список литературы

Александров Ю. И., Александрова Н. Л. Субъективный опыт, культура и социальные представления. М.: Изд-во Института психологии РАН, 2009.

Арутюнова К. Р., Александров Ю. И. Мораль и субъективный опыт. М.: Институт психологии РАН, 2019.

Дридзе Т. М. Две новые парадигмы для социального познания и социальной практики // Россия: трансформирующееся общество. 2001. №1.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987.

Кирдина-Чэндлер С. Г., Круглова М. С. «Общество», «государство» и институциональные матрицы: опыт междисциплинарного мезоанализа // Социологические исследования. 2019. № 10. С. 15–26. DOI: 10.31857/S013216250007101-4

Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. М.: Языки славянской культуры, 2005.

Колесов В. В. Древнерусская цивилизация: наследие в слове. М.: Ин-т русской цивилизации, 2014.

Колесов В. В. Основы концептологии. СПб: Златоуст, 2019.

Левицкий С. А. Свобода и ответственность: Основы органического мировоззрения. Менхегоф, 1946. URL:

<https://azbyka.ru/otechnik/6/svoboda-i-otvetstvennost-osnovy-organicheskogo-mirovozzrenija/3> (Дата обращения: 30.06.2021).

Источники

РАС – Русский ассоциативный словарь

СИБАС – Русская региональная ассоциативная база данных (2008 – 2021) (авторы-составители И.В. Шапошникова, А.А. Романенко) URL: <http://adictru.nsu.ru>

М. А. Kuzmina

Evaluative Meanings of the Concept of COMMUNICATION (as Represented in Associative Dominants GOOD/BAD)²⁵

The report represents the value dimension of evaluative associative dominants on the example of the concept of COMMUNICATION.

Keywords: associative dominants, concept, conceptology, moral assessment, semantic structure.

²⁵ This research is carried out within the framework of the project of the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences «Cultural universals of verbal traditions of the peoples of Siberia and the Far East: folklore, literature, language» supported by a grant from the Government of the Russian Federation for the promotion of research conducted under the guidance of leading scientists, contract № 075-15-2019-1884.

¹Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет, г. Санкт-Петербург, elivbesedina@mail.ru

²Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Санкт-Петербург, gomziin3658@gmail.com

Японские обозначения округлого и острого в восприятии носителей русского языка

Приводятся результаты пилотного экспериментального исследования восприятия носителями русского языка японских обозначений округлого и острого, цель которого заключалась в выявлении наличия/отсутствия корреляционной связи как между понятием исследуемыми понятиями и определенными фонемами.

Ключевые слова: эксперимент, звуко-символизм, понятия округлого и острого, японский язык.

Авторами проведен направленный ассоциативный эксперимент на материале японских лексико-семантических групп (ЛСГ) – «округлое» и «острое». В список для бинарного распределения слов вошли 10 слов: понятия округлого – ぼうこう – bōko ‘мочевой пузырь; ふくぶ - fubuku ‘живот’; こぶ - kobu ‘шишка’; かぼちゃ - kabocha ‘тыква’; ぽちやぽちや - pochapocha ‘толстушка’ и понятия острого - はり - hari ‘иголка’, やいば yaiba ‘лезвие’; かいけん - kaiken ‘нож’; けん - ken ‘меч, клинок’, かけら - kakega ‘осколок’. Отбор материала проводился методом сплошной выборки из Толкового словаря японского языка (Кодзиэн) на основе семантики. Из полученного корпуса для подтверждения гипотезы отбирались лексемы, содержащие фонемы /i/, /z/, /k/ и /t/ (острое) [Fox 1935] и лексемы, насыщенные лабиальными (округлое) [Köhler 1929, Воронин 1982, Besedina 2016].

В эксперименте участвовали 60 носителей русского языка обоих полов в возрасте от 10 до 65 лет, которым предлагалось

прослушать запись указанных слов и отнести их в соответствии с ассоциациями, вызванными их звучанием к «округлому» или к «острому». Интервал между повтором слов и временем на реакцию составлял 20 секунд.

Обработка данных проводилась с использованием статистических методик оценки произвольно распределенной случайной величины при $n \geq 30$ [Носенко 1981]. Анализ показал, что во всех случаях японские лексемы были «уверенно» определены в графы, соответствующие их семантике как для округлого (bōko – 4.98 ± 0.22 ; fubuku – 3.29 ± 0.22 ; kobu – 2.33 ± 0.10 ; rocharocha – 2.15 ± 0.24 ; kabocha – 1.5 ± 0.24), так и для острого (hari – 13.9 ± 0.43 ; kakera – 7.55 ± 0.16 ; ken – 6.52 ± 0.06 ; kaiken – 5.67 ± 0.18 ; yaiba – 1.72 ± 0.06).

Полученные результаты свидетельствуют о том, «правильное» отнесение респондентами японских слов в соответствующую их семантике графу превышает математическое ожидание в среднем в 2.4 раза (округлое) и в 7.1 раза (острое), хорошо согласуются с полученными ранее в аналогичных экспериментах с киргизскими и туркменскими языками [Беседина 2020а, Беседина 2020б] и позволяют утверждать о наличии устойчивой корреляции ЗИ-характера между округлостью денотата и фонотипом лабиальных и между понятием «острого» и такими фонемами, как /i/, /z/, /k/ и /t/.

Список литературы

Беседина Е. И. Восприятие киргизских обозначений округлого носителями русского языка. Материалы VIII Межвузовской научно-практической конференции «Актуальные проблемы языкознания», Санкт-Петербург, 2020. С. 34–38.

Беседина Е. И. Восприятие туркменских обозначений округлого и острого носителями русского языка. Материалы XX Международной научной конференции «Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты», Покров, 2020. С. 129–130.

Воронин С. В. Основы фоносемантики. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982.

Носенко И. А. Начала статистики для лингвистов. М.: Высшая школа, 1981.

Besedina, Ye. Sound Symbolism in Designations of Roundness. *Anglistics of the XXI century*, vol. 2. - St. Petersburg: [s. n.], 2016. P. 20–24.

Fox S. W. An experimental study of naming // *Canadian Journal of Psychology*. Vol. 47, no. 4. 1935. P. 545–579.

E. I. Besedina, O. S. Gomzina
On the Issue of the Perception of the Japanese Designations
of Roundness and Sharpness by Native Russian Speakers

The paper presents the results of a pilot perceptive study of Japanese designations of roundness and sharpness by Russian native speakers aimed to reveal the presence / absence of any correlation between the concepts of roundness and sharpness with certain phonemes.

Keywords: experiment, notion of roundness and sharpness, sound symbolism, Japanese.

УДК 81

М. В. Гавриленко

*Новосибирский военный институт войск им. генерала армии
И. К. Яковлева национальной гвардии Российской Федерации,
г. Новосибирск, maria791@ngs.ru*

**Языковая личность офицера Росгвардии:
функциональный подход**

Доклад посвящен анализу языковой личности офицера Росгвардии на основе функционального подхода. Рассмотрены различные аспекты военно-профессиональной коммуникации.

Ключевые слова: языковая личность, культура речи офицера, речевое воздействие, служебно-боевая деятельность.

В настоящее время наблюдается тенденция все более возрастающих требований к уровню военно-профессиональной подготовки офицера Росгвардии. Современные условия требуют от офицера наличия разнопланового набора языковых способностей, навыков и умений.

В связи с этим особую актуальность приобретают проблемы совершенствования культуры речи офицеров, развития навыков общения [Арсланбеков 2007]. От военнослужащего Росгвардии требуется владение определенными языковыми компетенциями, которые обусловлены основными задачами офицера федеральной службы войск национальной гвардии: управленческой, воспитательной, межкультурной коммуникации. Формирование языковой личности будущего офицера Росгвардии – одна из приоритетных задач образовательной среды военного вуза. «Военная языковая личность отличается предельной фактологичностью высказывания, экономичностью языкового выражения, стандартизованностью официальных средств вербализации, апеллятивностью к установленным образцам действующих порядков» [Оришак 2008: 17]. Языковую личность офицера можно охарактеризовать через выполняемые функции, среди которых: риторическая, педагогическая, юридическая, информативная и тактическая [Везнер, Померлян 2019: 109].

Литература

Арсланбеков М. М. Совершенствование психолого-педагогической подготовки курсантов военных вузов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. (Серия: Педагогика и психология, теория и методика обучения), 2007. № 17. Ч. 2. С. 23–26.

Везнер С. И., Померлян А. Н. Языковая личность офицера войск национальной гвардии // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии, 2019. №1(6). С. 16–20.

Оришак О. В. Профессиональная речь российских и французских военнослужащих// Армия и общество, 2008. С. 108–115.

M. V. Gavrilenko

Linguistic Personality of a Rosgvardia Officer: a Functional Approach

The article deals with the linguistic personality of a Rosgvardia officer on the basis of a functional approach. Different aspects of professional military communication are considered.

Keywords: linguistic personality, speech culture of the officer, speech impact, service and combat activities.

УДК 811.161.1

Н. В. Кутафьева

*Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск,
natasha7362@mail.ru*

Русские глазами русских через призму зооморфной метафоры

Доклад посвящен анализу результатов ассоциативного эксперимента. Характеристики русского этноса проявляются через призму зооморфной метафоры в оппозиции «свой – чужой» при сравнении зооморфных метафор, используемых для оценки своего и японского и китайского этносов.

Ключевые слова: зооморфная метафора, оппозиция «свой – чужой», русский язык

Зооморфная метафора, обладая ярким экспрессивно-оценочным характером, используется для положительных и отрицательных характеристик человека, таких как внешний вид, поведение в обществе, характер и умственные способности и др. Коннотативные значения зооморфной метафоры культурно маркированы. Зооморфная метафора субъективна, так как

содержание зооморфизмов обусловлено не качественными характеристиками реального животного, а характеристиками, которые формируются о животных в коллективном языковом сознании [Бичер 2016: 58].

Бинарная оппозиция «свой – чужой» является одной из архетипических оппозиций и, составляя некую систему координат, помогает человеку сделать мир более понятным, логичным и ориентироваться в пространстве [Григорьева 2014: 7].

Для того, чтобы выяснить, какие зооморфные метафоры используются русскими для характеристик своего этноса и другого этноса, мы провели ассоциативный эксперимент, в котором участвовали 100 респондентов. Им был предъявлен список зоонимов с просьбой выбрать животных, характерных для русского, китайского и японского этносов и кратко объяснить свой выбор.

Характеризуя русских, респонденты выбрали 13 зоонимов, из которых представительными были медведь (66), волк (45), собака (27), заяц (21), черепаха (20). В скобках приведено количество ответов.

Характеризуя китайцев, респонденты выбрали 24 зоонима, из которых представительными были дракон (22), обезьяна (13), лиса (11), тигр (9). Дракон не является зоонимом, однако, он был добавлен респондентами.

Характеризуя японцев, респонденты выбрали 15 зоонимов, из которых представительными были муравей (50), пчела (36) лиса (30), кошка (25), заяц (15).

На основании анализа полученных ответов, мы пришли к следующему заключению.

Русские при описании себя и других этносов в первую очередь обращают внимание на поведенческие и психические характеристики.

Все зооморфные метафоры являются амбивалентными, но при описании своего этноса русские выдвигают больше отрицательных оценок, а при описании чужого этноса – больше положительных оценок.

Русские не могут сконцентрироваться в своем выборе на предложенном варианте и добавляют большое количество животных.

При описании китайцев респонденты обращают внимание на поведение (трудолюбивые, коллективные, а также шумные, крикливые), психические особенности (умные, сообразительные, находчивые), и отмечают внешний вид (низкий рост).

При описании японцев респонденты обращают внимание на социальное поведение (трудолюбивые, коллективные, строгая иерархия общества, скрывают свои чувства, осторожные), характер (хитрые, спокойные).

Зооморфизмы, используемые русскими по отношению к себе, связаны со следующими параметрами: проявлением силы (физической и моральной); чертами характера (преданностью, верностью, любят свой дом, защищают семью); со стереотипным представлением о русских.

Литература

Бичер О. Зооморфные образы в русских пословицах и поговорках: лингвокультурологический и лексикографический аспекты: дис. ...канд. филол. наук. Смоленск: СГУ, 2016. 174 с.

Григорьева Т. В. Роль метафорической бинарной оппозиции в языковой интерпретации действительности // Филология и человек, 2014. № 3. С. 7–14.

N. V. Kutaf'eva

Russians Seen by Russians Via the Zoomorphic Metaphor

The article deals with zoomorphic metaphors concerning characteristic of Russians and other ethnic groups in the opposition 'friend or foe'.

Keywords: zoomorphic metaphor, opposition 'friend or foe', Russian language.

Л. И. Москалюк¹, О. С. Москалюк²

¹*Алтайский государственный педагогический университет,
г. Барнаул, l.moskalyuk@yandex.ru*

²*Алтайский государственный технический университет,
г. Барнаул, omoskalyuk@yandex.ru*

Особенности фразеологической системы островных немецких говоров на Алтае

Фразеологический фонд представлен в островных немецких говорах фразеологическими выражениями, компоненты которых являются общими для рассматриваемых диалектов и для литературного немецкого языка, фразеологизмами, которые характеризуются особенностями диалектной структуры и семантики исходного диалектного коллектива, а также фразеологизмами, возникшими под влиянием русскоязычного окружения.

Ключевые слова: островные немецкие говоры, фразеологизмы, диалектизмы, заимствования.

Островная немецкая диалектология привлекает в последние годы внимание многих отечественных и зарубежных исследователей. Описание еще неизученного материала, остается важнейшей материальной базой диалектологических изысканий [Москалюк 2010; Москвина 2013; Смирнова 2016]. Фактический материал для данной статьи собран во время диалектологических экспедиций в немецких селах Алтайского края.

Все говоры российских немцев на Алтае являются смешанными. Процессы смешения первоначально значительно различающихся немецких диалектов начались еще в материнских колониях на Украине и в Поволжье и продолжились после образования дочерних колоний за Уралом и в Сибири на рубеже XX века и позже до настоящего времени.

Фразеологическая система островных немецких говоров Алтайского края сохраняет многие общие черты с фразеологической системой литературного немецкого языка, но в то же время она включает фразеологические единицы, которые отличают ее от стандарта. Многие диалектные фразеологические единицы имеют общие структурные и семантические характеристики с соответствующими фразеологизмами литературного немецкого языка. Отличительные признаки проявляются в этом случае при сравнении фонетических и словообразовательных особенностей компонентов фразеологических выражений. Например, *Gritz im Kopp hawe* (лит. нем. *Grütze im Kopf haben*), букв. ‘каша в голове’, ‘плохо соображать’.

Большую часть фразеологизмов островных немецких говоров представляют диалектные фразеологические единицы, имеющиеся и в исходных немецких диалектах на территории Германии, но не имеющие соответствий в литературном немецком языке. Например, *wann du net werscht un die Lewel, misste die Leit die Supp trinke*, букв. ‘Если бы не было тебя и ложки, то суп люди должны было бы пить’. Так говорят, когда кто-то пытается изображать из себя важную персону.

В говорах имеются фразеологизмы, появившиеся уже после переселения и не имеющие соответствий ни в исходных диалектах, ни в литературном немецком языке, например: *Zwiewel uf Knowelloch vuhandle*, букв. ‘обменять лук на чеснок’, ‘не получить прибыли’.

К факторам, вызывающим пополнение диалектного фразеологического фонда, относится интерферирующее воздействие русского языка на островные говоры. Под влиянием русского языка появляются новые фразеологизмы. Например, *uf zwa Backe kaue*, букв. ‘жевать за обе щеки’, ‘есть с большим аппетитом’. Влияние русского языка проявляется в непосредственных заимствованиях лексических единиц и в калькированных конструкциях.

Несмотря на активные процессы смешения и мощное воздействие русского языка, островные немецкие говоры

сохранили общие черты с исходными диалектами.

Литература

Москалюк Л. И. Лингвистический атлас немецких диалектов на Алтае. Барнаул: АлтГПА, 2010. 197 с.

Москвина Т. Н. Лексическая система островных верхненемецких говоров в диахронии. Барнаул: АлтГПУ, 2013. 160 с.

Смирнова Т. Б. Мониторинг общественных организаций российских немцев // Материалы Международной научно-практической языковой конференции, 30 марта - 2 апреля 2015 года. М.: Изд-во «МСНК-пресс», 2016. С. 75–81.

Larisa I. Moskalyuk, Olga S. Moskalyuk

Features of the Phraseological System of Insular German Dialects in Altai

The article is devoted to the characteristics of the dialect phraseological fund of Russian Germans.

Keywords: insular German dialects, phraseological units, dialectisms, borrowing.

УДК 801.81

Р. Е. Тельпов

*ФГБОУ ВО «Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина»,
г. Москва, roman-telpov@yandex.ru*

Универсальное и специфическое в народно-поэтическом восприятии библейских сюжетов (на материале духовного стиха «Бог Авраама испытал...»)

В докладе на примере записанного у молокан малоизвестного духовного стиха «Бог Авраама испытал...» рассматривается особенность народно-поэтического преломления библейского сюжета. Народно-поэтическое преломление библейского сюжета

воспринимается нами как культурная универсалия, носящая внеконфессиональный характер. Внеконфессиональность и универсальность восприятия библейского сюжета в народно-поэтическом преломлении сочетается с устойчивыми диалектными чертами, продолжающими присутствовать в тексте несмотря на смену территории проживания.

Ключевые слова: библейские сюжеты, духовные стихи, молокане, Авраам, Исак.

Мы рассмотрим духовный стих «Бог Авраама испытал...», записанный у молокан-максимистов, переселившихся из России в Армению в XIX в., С.Е. Никитиной во время экспедиции в Армению в 2003 г. – ниже отрывки из песнопения цитируются нами по [Никитина 2013: 240-241].

Особенностью народно-поэтического преломления библейских сюжетов – особенностью, носящей внеконфессиональный и универсальный характер, является предельная драматичность и эмоциональность изложения. При народно-поэтическом типе описания данного библейского события (Бытие 22: 6-19) в центре внимания ставится момент спасения ребенка, ведомого на заклание, радость от того, что он остался жив, что все закончилось хорошо.

После прослушивания аудиозаписи, содержащей данное песнопение и любезно предоставленной нам С.Е. Никитиной, мы считаем нужным предложить немного другое прочтение 51-52 строк. Вместо строк *С неба голос проговорил: / «Стань, стань, Исак, Бог жертву принял*, которая звучит довольно неразборчиво и оставляет, на наш взгляд, простор для различных толкований. Например, строках нам представляется необъяснимым отсутствие рифмы в двух рассматриваемых нами строках, которое не наблюдается в других строках (ср.: *Я-и Аврам с ножом приклонился, / Резьть сына он решился. / С неба голос проговорил: / «Стань, стань, Исак, Бог жертву принял. / Стань, стань и Богу помолися, / С благословеньем домой воротися!»*).

Предлагаем иной вариант прочтения: *С неба голос проговорился./ Агнеца Бог жертвой принялся.* В нашем прочтении

обращает на себя внимание наличие двух лексических диалектизмов *проговорился* и *принялся*. Слово *проговорился* по данным Словаря русских народных говоров (далее – СРНГ) в северных диалектах имеет значение 'произнести что-либо' [СРНГ 1998-32: 110], а слово *приняться*, имеет значение 'Довольствоваться, обходиться чем-л' – т.е. значение данного отрывка средствами русского литературного языка можно передать следующим образом: 'с неба раздался голос, что Бог удовлетворен жертвой Авраама'. Северное происхождение диалектизмов, на наш взгляд, очень хорошо соотносится с выражением *сказать поклон* в 34-й строке (*Всем по низкому поклону я скажу*), которое также имеет северное происхождение [СРНГ 2003-37: 364]). Наличие подобных элементов позволяет нам выдвинуть предположение о северном происхождении данного стиха.

Таким образом, драматичность является, на наш взгляд, одной из основополагающих особенностей народно-поэтического восприятия библейских сюжетов, носящих универсальный и внеконфессиональный характер. На универсальность идейно-образного строя, свойственного народно-поэтическому восприятию, могут накладываться территориальные особенности, которые носят устойчивый характер и составляют его специфические характеристики.

Литература

Никитина С. Е. Конфессиональные культуры в их территориальных вариантах. М.: Институт Наследия, 2013. 312 с.

Словарь русских народных говоров. 1965–2016. URL: <http://iling.spb.ru/vocabula/srng/srng.html> (Дата обращения: 27.06.2021).

Roman E. Telpov

Universal and Specific in the Folk Poetic Perception of Biblical Stories (Based on the Material of the Spiritual Verse *The God of Abraham tested...*)

The report examines the peculiarity of the folk poetic refraction of the biblical plot by the example of the little-known spiritual verse

recorded by the Molokans *The God of Abraham tested...* The folk-poetic refraction of the biblical plot is perceived by us as a cultural universal that has a non-confessional character. The non-confessional and universal perception of the biblical plot in the folk-poetic refraction is combined with stable dialect features that continue to be present in the text despite the change of the territory of residence.

Keywords: biblical stories, spiritual poems, Molokans, Abraham, Isaac.

УДК 811.112.2

Т. П. Филистович

*Алтайский государственный педагогический университет,
г. Барнаул, tatiana-p@inbox.ru*

Сопоставительный лингвокогнитивный анализ пословиц немецкого и русского языков

Доклад посвящен когнитивному сопоставительному анализу пословиц немецкого и русского языков. Видение окружающего мира по-разному отражается в языковой картине мира представителей немецкого и русского народов.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, когниция, концепт, языковая картина мира.

Когнитивная лингвистика – это научное направление, в центре внимания которого находится когниция, познавательная (когнитивная) деятельность человека и языковая репрезентация [Жукова 2013: 157]. Когниция определяется как «познание, процесс познания, процесс обработки нашим сознанием поступающей информации» [Жукова 2013: 160]. Е.С. Кубрякова считает, что понятие когниции связано с непосредственным взаимодействием человека с окружающим его миром, с миром

обычной жизни. «Когниция – это манипуляция со знаниями, работа с информацией» [Кубрякова 2007: 13].

Центральное понятие когнитивной лингвистики – концепт – определяется как «результат, продукт концептуализации»; как «ментальная единица сознания» [Жукова 2013: 191]. Совокупность представлений о мире по-разному отражается в сознании определенного языкового коллектива. Поэтому вербализация представлений об окружающей действительности происходит в языках по-разному.

Целью нашего исследования является сопоставительный лингвокогнитивный анализ пословиц немецкого и русского этносов. В работе используются материалы (собранные российской немкой Решетниковой (Фриц) Марией Александровной, уроженкой села Привальное Азовского района Омской области, носительницей западносреднемецкого диалекта с гессенской основой), любезно предоставленные нам для изучения, а также аналогичные ФЕ из «Немецко-русского фразеологического словаря» Биновича Л.Э. и Гришина Н.Н.

Видение окружающей действительности по-разному отражается в языковой картине мира представителей немецкого и русского этносов, что можно проследить при анализе пословиц как средства концептуализации различных ситуаций.

Un werd mr aach so alt wie a Kuh, muss mr doch immer noch lerna drzu – Man wird alt wie 'ne Kuh und lernt noch immer was dazu [Бинович, Гришин 1975: 353] *'Век живи, век учись'*. В немецкой пословице в качестве основы выступают прилагательное *alt* и существительное-зооним *Kuh – корова*. В этимологических словарях немецкого языка прилагательное *alt* – «старый» – рассматривается как символ конца жизни, который, в то же время, считался в древности «продолжением ее начала». Старость символизировала бессмертие, вечность [Маковский 2014: 26-27]. Таким образом, и учение продолжается вечно. *Kuh – «корова»* (в древности – Божество) – «соотносится с индоевропейским «жить» (божественное Бытие), то есть, семантика этой лексической единицы тоже связана с понятием «жизнь» [Маковский 2014: 277-278]. В отличие от немецкой пословицы в русской стержневым

словом выступает ‘век’ (древнерусское – векъ, но оно тоже означает жизнь, время, вечность [Фасмер 2006]. В плане содержания данная ситуация концептуализирована и в немецком, и в русском языке фразеологической формой. И хотя лексическое наполнение в пословицах разное, значение «вечного учения» передается в обоих языках. В структурном плане в диалекте для этого используется сложноподчиненное предложение с придаточным уступки, в литературном немецком – простое распространенное предложение с компаративным оборотом, в котором присутствует зооним *Kuh*, что придает ироничность содержанию пословицы. Русская пословица, имеющая ту же семантику, отличается и структурно, и лексически: это сложносочиненное бессоюзное предложение, в обеих частях которого использован императив.

Таким образом, семантика фразеологических единиц, которыми являются пословицы, отражает специфику национального восприятия окружающей действительности.

Список литературы

Жукова И. Н. Словарь терминов межкультурной коммуникации / И. Н. Жукова, М. Г. Лебедько, З. Г. Прошина, Н. Г. Юзefович; под ред. М. Г. Лебедько и З. Г. Прошиной. Москва, 2013.

Кубрякова Е. С. О когнитивной лингвистике и семантике термина «когнитивный». URL: <https://www.bestreferat.ru/referat-89636.html> (Дата обращения 16.06.2021).

Маковский М. М. Большой этимологический словарь современного немецкого языка. Москва, 2014.

Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера. URL: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/> (Дата обращения 16.06.2021).

Источники

Бинович, Гришин 1975 – Бинович Л. Э., Гришин Н. Н. Немецко-русский фразеологический словарь. Москва, 1975.

T. P. Filistovich

Comparative Linguistic and Cognitive Analysis of Proverbs in German and Russian

The article is devoted to the cognitive comparative analysis of proverbs in German and Russian. The vision of the world around is reflected differently in the linguistic picture of the world of the representatives of the German and Russian peoples.

Keywords: cognitive linguistics, cognition, concept, linguistic / language worldview.

УДК 81,27

Е. А. Яковлева, А. Р. Ахметова

Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы, г. Уфа, e_yakov@mail.ru, ahmetova.imc@mail.ru

Влияние социальных факторов на коммуникативное поведение (на примере результатов лингвистического ассоциативного эксперимента)

Доклад посвящен вопросу влияния социальных факторов на коммуникативное поведение говорящего. Результаты лингвистического ассоциативного эксперимента на топоним *Уфа* зависят от социального статуса говорящего: пола, возраста и т.д.

Ключевые слова: коммуникативное поведение, социальный статус, лингвистический ассоциативный эксперимент, слово-стимул.

Выбор языковых средств воздействия на собеседника осуществляется говорящим под влиянием множества факторов

социального характера. Социолингвисты в качестве основных социальных норм, формирующих коммуникативное поведение, называют социальные роли и соотношение социальных статусов коммуникантов.

Для описания коммуникативного поведения человека в социолингвистике используется понятие «социальный статус коммуниканта». «Социальный статус – это формально или негласно установленное и признаваемое в обществе положение индивида в иерархии социальной группы [Белл 1980: 54]. Статус индивида в социальной группе определяется рядом характеристик: возрастом, полом, образованием и т.д.

Влияние социального статуса на коммуникативное поведение можно проследить по результатам проведенного нами лингвистического ассоциативного эксперимента. Классическая схема психолингвистического эксперимента была предложена Е.В. Ягуновой: $S \rightarrow \blacksquare \rightarrow R$ (S – слово-стимул, R – реакция). «Черный ящик» предполагает непостижимость ассоциаций испытуемого [Ягунова 2005: 12].

В качестве слова-стимула был предложен топоним *Уфа*. В свободном ассоциативном эксперименте (без обдумывания ответа) участвовали 530 респондентов от 17 до 50 лет. Эксперимент показал, что ассоциативные реакции у человека зависят от социального статуса. Реакции на слово-стимул *Уфа* зависят от пола, возраста и т.д.

Так, в восприятии мужчин и женщин реакции, связанные с топонимом *Уфа*, практически совпадают. При этом женские реакции более разнообразны по сравнению с мужскими. Женщины в ответах проявляют больше эмоций – положительных и отрицательных: *лучший город, любимый город, любовь, уют, бешеные цены, усталость*. По сравнению с мужчинами они употребляют много местоимений: *мой город, мой край, мой дом, наша*. Мужчины активно пополнили реакции, связанные с «мужскими» тематиками бесед: *ужасные дороги, пробки, хоккейный клуб «Салават Юлаев», футбольная команда, рыбалка*.

При выявлении возрастных особенностей отмечено, что восприятие топонима *Уфа* студентов отличается от реакции людей

зрелого возраста, для которых *Уфа* – это столица Башкортостана. В реакциях молодежи *Уфа*, в основном, воспринимается как глубокая провинция: *деревня, аул*. Среди реакций много примеров с негативной оценкой: *усталость, серость, мусор, грязь, ужасные дороги*. Хотя есть и единичные случаи восприятия города как перспективного: *город больших возможностей*.

Ассоциативный эксперимент показывает, что социальный статус испытуемого влияет на его коммуникативное поведение. Отбор языковых средств обусловлен социальной структурой общества.

Литература

Белл Р. Социолингвистика. Цели, методы и проблемы. Международные отношения, 1980.

Ягунова Е. В. Эксперимент в психолингвистике: Конспекты лекций и методические рекомендации. СПб.: Остров, 2005.

E. A. Yakovleva, A. R. Akhmetova

Influence of Social Factors on Communicative Behavior (on Example of the Results of a Linguistic Associative Experiment)

The article is devoted to the issue of influence of social factors on the communicative behavior of the speaker. The results of a linguistic associative experiment on the toponym *Ufa* depend on the social status of the speaker: gender, age, etc.

Keywords: communicative behavior, social status, linguistic associative experiment, stimulus word.

Е. В. Бентя

*Институт филологии СО РАН, г. Новосибирск,
yevgentya@gmail.com*

Сравнительно-сопоставительный анализ ассоциативного поля «друг»²⁶

Работа посвящена исследованию ассоциативного поля «друг» в синхронии и диахронии на материале ассоциативных баз данных, собранном на территории России и Казахстана. Производится анализ изменения образа данного понятия и прослеживается проявление элементов процесса вестернизации.

Ключевые слова: языковое сознание, ассоциативное поле, ассоциативные базы, вестернизация

Материалом для настоящего исследования послужили базы данных, созданные на территории России: САНРЯ 1967-1979, РАС 1994-1998, ЕВРАС 2008-2013, СИБАС 2008-2013, и Казахстана: КАС 2014 и подкорпус РКАС 2017. Во всех этих базах данных присутствует стимул «друг», поэтому представляется возможным проанализировать смыслы, ассоциирующиеся с данной лексической единицей у реципиентов из разных временных периодов и мест проживания.

Целью исследования, представленного в данном докладе, является сопоставление результатов анализа ассоциативного поля «друг» на материале русских ассоциативных БД с результатами, полученными на материале ассоциативной БД Казахстана. Анализ проводится посредством классификации всех реакций на семантические зоны.

²⁶ Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884).

В языковом сознании человека русской культуры отмечается «другоценность». Такое качество сознания отслеживается и на материале ассоциативных экспериментов среди детей [(Нео)психолингвистика и (психо)лингвокультурология... 2017: 57].

Анализ материал БД показал, что, несмотря на то, что в целом исследуемое АП положительное окрашено, частотность отдельных реакций с отрицательным оттенком варьируется среди БД. Отличительной чертой каждой БД является синонимы слова «друг»: товарищ, брат, братан. Преимущество среди реакций того или иного синонима зависит от времени составления БД и географии реципиентов.

Литература

(Нео)психолингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем. И. А. Бубнова, И. В. Зыкова, В. В. Красных, Н. В. Уфимцева / под ред. В. В. Красных. М.: Гнозис, 2017. 392 с.

Список источников

ЕВРАС – Черкасова Г.А., Уфимцева Н.В. Русский региональный ассоциативный словарь. Режим доступа: https://iling-ran.ru/library/evras/evras_1.pdf. (Дата обращения: 19.08.2020).

КАС – Дмитриук Н.В., Молдалиева Д.А., Нарожная В.Д., Молданова Ж.И., Мезенцева Е.С., Сандыбаева Н.А., Абрамова Г.И. Қазақша ассоциациялық сөздік / Казахский ассоциативный словарь. Алматы — Москва: Медиа-ЛогоС, 2014.

РАС – Русский ассоциативный словарь / сост. Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова. М., 1994–1998. Т. 1–2. URL: <http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php> (дата обращения: 19.08.2020).

ПКАС - Подкорпус вербальных ассоциаций носителей русского языка в Казахстане (авторы-составители Бентя Е.В., Романенко А.А.) URL:<http://adictru.nsu.ru> (дата обращения: 19.08.2020)

САНРЯ – Словарь ассоциативных норм русского языка / под ред. А. А. Леонтьева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. URL: <http://it-claim.ru/Projects/ASIS/Leont/Index.htm> (дата обращения: 19.08.2020).

СИБАС – Русская региональная ассоциативная база данных. Сибирь и Дальний Восток – 2008–2018 / авт.-сост.: И. В. Шапошникова, А. А. Романенко. URL: <http://adict.ru.nsu.ru> (дата обращения: 19.08.2020).

Е. V. Bentya
Comparative Analysis of Associative Field “Friend”²⁷

The article is devoted to the synchronic and diachronic study of associative field “friend”. The research deals with associative databases compiled on the basis of materials collected in Russia and Kazakhstan. The author analyses the changes in the image of the studied notion and tracks the elements of Westernization.

Keywords: language consciousness, associative field, associative base, Westernization

УДК 81’373.611

О. Н. Зюзина, Д. В. Ильина
*Институт филологии СО РАН, г. Новосибирск,
solechka@mail.ru, dviljina@gmail.com*

Феминитивы в современном русском языке

Работа посвящена феминитивам в современном русском языке. Рассмотрены способ образования, особенности употребления

²⁷The work is part of the project of the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences «Cultural universals of verbal traditions of the peoples of Siberia and the Far East: folklore, literature, language» supported by a grant from the Government of the Russian Federation for the promotion of research conducted under the guidance of leading scientists, contract № 075-15-2019-1884.

этой группы слов, причины, препятствующие её активному внедрению в литературный язык. Экспериментально исследована приемлемость различных феминитивов для носителей языка.

Ключевые слова: феминитивы, словообразование, феминистская лингвистика, культурная универсалия «мужское / женское».

Феминитивы – слова женского рода, обозначающие «лиц женского пола по профессиональной, социальной, религиозной принадлежности» [Беркутова 2019], «которые являются альтернативными или парными аналогичным существительным мужского рода» [Федотова, Кулик 2016: 67]. В настоящее время внедрение феминитивов является в русском языке главным средством борьбы за гендерное равенство, вопрос о котором рассматривается в рамках феминистской лингвистики.

В русском языке феминитивы образуются от имён существительных мужского рода **суффиксальным способом**. Продуктивными являются суффиксы *-к-* (*фигуристка*), *-иц-* (*певица*), *-ниц-* (*учительница*), *-щиц-/щиц-* (*продащица*), *-ин-* (*героиня*). Суффиксы *-ис-* (*актриса*), *-есс-* (*поэтесса*), *-их-* (*пловчиха*), *-и-* (*бухгалтерша*) оказываются непродуктивными.

В современном русском языке феминитивы-неологизмы наиболее активно используются в интернет-дискурсе.

В. В. Беркутова отмечает следующие особенности употребления феминитивов в современном русском языке:

– «своеобразное стилистическое расщепление» [Беркутова 2019]: эта группа имён существительных практически не употребляется в официально-деловом стиле, но активно используется в публицистическом, художественном и разговорном стилях.

– несистемное, непоследовательное образование и употребление (*студент – студентка*, но неправильно *президент – *президентка*) [Там же].

Исследователи справедливо отмечают, что активное внедрение феминитивов в русский литературный язык в настоящее время крайне затруднительно по следующим причинам.

1. Разговорный или просторечный характер многих феминитивов (*врачиха, авторка*), вследствие которого они негативно воспринимаются обществом.

2. Возможность омонимии и многозначности:

– исторически многие подобные слова женского рода обозначали женщин как жен мужчин, выполняющих соответствующие роли (*докторша, профессорша*);

– от подобных слов мужского рода уже существуют слова женского рода, обозначающие различные предметы (*капитанка* – фуражка капитана, *матроска* – форменная блуза матроса).

3. Принцип экономии речевых усилий, который препятствует самому образованию феминитивов, так как возможно употребление слов мужского рода по отношению к женщинам, а также их употреблению в форме множественного числа при обращении к разнополым группам.

4. Инертность словообразовательной системы русского языка. При этом ситуация с феминитивами осложняется тем, что эта «отрасль словообразования претерпевает сильное давление как со стороны консервативных лингвистов и филологов, так и со стороны профеминистских групп» [Кривошеина 2019: 148].

Итак, несмотря на некоторые проблемы, за которыми скрываются психологические и идеологические причины неприятия феминитивов-неологизмов, данных слов в русском языке с каждым годом становится больше, они активно используются в интернет-пространстве, журналистских текстах.

Для оценки приемлемости для носителей языка тех или иных феминитивов для слов мужского рода, обозначающих лиц по профессиональной принадлежности, мы провели эксперимент – опрос с использованием Гугл-форм студентов ФИТ НГУ, данные которого будут представлены в докладе.

Литература

Беркутова В. В. Феминативы в русском языке: лингвистический аспект // Филологический аспект. 2019. № 1 (45). С. 7–26. <https://www.psypart.com/feminitivy-lingvisticheskii-aspekt>

Кривошеина В. А. Феминитивы в современных языковых практиках // Актуальные проблемы новой и новейшей истории зарубежных стран. М., 2019. С. 146–153.

Федотова Т. В., Кулик И. В. Парадигматика и прагматика феминитивов в русском и английском языках // Евразийский союз ученых. 2016. № 28–2. С. 67–69.

О. N. Zuyzina, D. V. Цжина
Feminitives in the modern Russian language

The article is devoted to feminitives in the modern Russian language. The paper considers the way of formation, the features of these words in the Russian language and the reasons that prevent their active use in the literary language.

Keywords: feminitives, word-formation, feminist linguistics, cultural universal “male / female”.

УДК 811.161.1

С. В. Евдокимова

*Институт филологии СО РАН, г. Новосибирск,
evd.sofya@gmail.com*

**Основной принцип исследования актуальной
вариативности²⁸**

Исследование посвящено разработке и апробации принципа исследования актуальной вариативности на материале словарей неологизмов, ассоциативных баз данных и корпусов.

Ключевые слова: ассоциативно-вербальная сеть, вариантность, неологизмы, корпус.

²⁸ Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884).

Лингвисты могут выявить актуальные языковые варианты на синхронном этапе развития языка. Под языковой вариативностью мы понимаем способность языка в процессе эволюции создавать конкурирующие средства выражения на всех уровнях под воздействием внутренних закономерностей развития языка или внешних причин [Словарь социолингвистических терминов 2006: 35–36]. Известно, что сосуществование языковых вариантов в течение продолжительного времени в некоторых случаях приводит к тому, что более актуальная единица вытесняет уже устоявшуюся [Tagliamonte 2006: 77].

Следуя за И. В. Шапошниковой, отмечающей возможность отечественной ассоциативной лексикографии исследовать язык в динамике [Шапошникова, 2020: 147–148], мы полагаем, что исследование актуальной вариативности на базе ассоциативных баз данных является перспективным направлением вариантологии. Однако для подтверждения этой гипотезы необходимо разработать принципы исследования актуальной вариативности. Решение данной задачи, очевидно, требует обращения к ассоциативному словарю. Наш выбор остановился на Русской региональной ассоциативной базе данных, собираемых в Сибири и на Дальнем Востоке (далее – СИБАС) [<http://adictru.nsu.ru/>], поскольку именно СИБАС предоставляет наиболее современные данные. В рамках создания и пополнения СИБАС проведено два массовых ассоциативных эксперимента среди студентов азиатских регионов России. Результаты первого эксперимента (2008–2013 гг.) доступны широкому кругу пользователей, в то время как данные второго этапа эксперимента (2014–2021) находятся на стадии обработки, таким образом, не каждый желающий имеет возможность к ним обращаться. Однако данные обоих этапов эксперимента отражают языковое сознание студентов азиатской части Сибири в начале XXI в.

Одним из основных принципов, который позволяет отмечать вариантность, на наш взгляд, является фиксированность лексических единиц в нескольких источниках. Таким образом, при проведении апробации данного утверждения для отбора вероятных вариантов мы воспользовались Словарём новейших

иностранных слов [Шагалова 2019]. Именно этот словарь был выбран в качестве источников возможных переменных, поскольку, как утверждает автор данного лексикографического издания, благодаря доступу к мировым информационным ресурсам и развитию технологий возрастает скорость и изменяется характер заимствований. Следовательно, отражённые в этом словаре лексические единицы достаточно быстро осваиваются носителями русского языка и приспособляются к его грамматике [Шагалова 2019: 3].

Наличие единиц данного словаря в СИБАС проверяется с помощью доступной функции поиска стимулов и реакции. При обнаружении лексической единицы в обоих источниках, обращаемся к Национальному корпусу русского языка (далее – НКРЯ) [<https://ruscorpora.ru/>].

Рассмотрим лексему *бابل-гам* – одну из лексических единиц, найденных в Словаре новейших иностранных слов. Шагалова Е. Н. определяет эту лексему как синоним жевательной резинки [Шагалова 2019: 45]. Респонденты второго этапа СИБАС предлагают реакцию *бابل-гам* на стимул *пузырь*. В основном корпусе НКРЯ вхождений этого слова не встречается, однако в газетном корпусе находим такую лексему в несколько другой графической оболочке:

Там корзинка и сама похожа на *бابلгам*, точнее, на надутый розовый пузырь из жвачки (Ирина Тучинская. Урны для жвачки в первую очередь предложат метрополитену // Комсомольская правда, 2011.05.12).

Таким образом, лексемы *бابل-гам*, *бابلгам*, *жевательная резинка*, *пузырь* на синхронном этапе развития русского языка можно считать вариантами (в широком значении), а обозначенный нами принцип – удовлетворяющим поиску и подтверждению актуальных вариантов.

Литература

- Словарь социолингвистических терминов*. М., 2006. 312 с.
Шапошникова И. В. Модусы идентификации русской языковой личности в эпоху перемен. М. : ЯСК, 2020. 336 с.

Tagliamonte S. Analysing sociolinguistic variation. New York: Cambridge University Press, 2006. 284 p.

Список источников

НКРЯ – Национальный корпус русского языка 2020. Национальный корпус русского языка (2003 – 2020) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 28.07.2020).

СИБАС – Русская региональная ассоциативная база данных (2008 – 2020) (авторы-составители И. В. Шапошникова, А. А. Романенко) URL:<http://adictru.nsu.ru/> (дата обращения: 28.07.2020).

Шагалова Е. Н. Словарь новейших иностранных слов. М., 2019. 571 с.

S. V. Evdokomova

The Guiding Principle of Active Variation Research²⁹

The article deals with developing and approval of the principle of active variation research based on neologism dictionaries, associative databases and corpora data.

Keywords: associative-verbal network, variation, neologism, corpus.

²⁹ This research is carried out within the framework of the project of the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences «Cultural universals of verbal traditions of the peoples of Siberia and the Far East: folklore, literature, language» supported by a grant from the Government of the Russian Federation for the promotion of research conducted under the guidance of leading scientists, contract № 075-15-2019-1884.

С.В. Савицкая

*Институт филологии СО РАН, г. Новосибирск,
sardana_sav@rambler.ru*

Сравнительный анализ ассоциативных полей слова-стимула «государство» (русские и якуты)³⁰

Доклад посвящен анализу вербальных ассоциаций, полученных от разноязыковых испытуемых (русские и якуты) на слово-стимул **государство**. Выявлены как общие, так и отличительные черты в восприятии образа государства.

Ключевые слова: свободный ассоциативный эксперимент, ассоциативное поле, фонетизированное заимствование.

В докладе будет представлен сопоставительный анализ ассоциативных полей слова-стимула **государство**, полученных от двух разных групп испытуемых: русских и якутов. Материал для анализа был получен в ходе локального ассоциативного эксперимента, проведенного в г. Новосибирск и г. Мирный Республики Саха (Якутия). Испытуемыми выступили 191 студент Новосибирского государственного университета – носители русского языка, и 248 студентов Мирнинского политехнического института (филиала) СВФУ – носители якутского языка.

В якутском языке термин «государство» является заимствованием с вариантным написанием: допускается как русское, так и якутское фонетизированное (фонетически адаптированное) написание «судаарыстыба». В эксперименте испытуемым-носителям якутского языка данная лексическая

³⁰ Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884).

единица была предъявлена в русском варианте, поскольку в повседневной речи термин «судаарыстыба» не встречается, его использование ограничивается официально-деловым дискурсом (в частности, тексты органов государственной власти Республики Саха (Якутия), а также языком официальных СМИ.

Первый момент, который обращает на себя внимание при сопоставительном изучении двух ассоциативных полей – существенное различие в количестве отказов между русскими и якутами: если среди испытуемых-носителей русского языка отказались или не смогли отреагировать на стимул **государство** 14 человек из 191 (7,3%), то у испытуемых-носителей якутского языка это число составило 71 человек из 248 (28,6%). Это четырехкратное различие может быть объяснено, во-первых, недостаточным владением русским языком среди испытуемых-якутов, во-вторых, как было отмечено ранее, отсутствием термина «государство/судаарыстыба» в обыденном дискурсе якутов.

Также отметим самые частотные реакции на стимул **государство** у обеих групп испытуемых: у русских – это *страна* 32. Можно заключить, что в восприятии молодых носителей русского языка и культуры государство – это, в первую очередь, страна, в которой они живут, родная страна. Эта идея подкрепляется другими (хоть и менее частотными) реакциями: *родина* 5, *наше* 4, *дом* 3. А у якутов две самые частотные реакции – *Россия* 26 и *РФ* 13. У якутов восприятие государства как родной страны вторично (*дойду* (страна) 10, *страна* 8, *олорор сир* (место, где живут) 1, *олорор сирбит* (место, где живем) 1), первичным же является позиция некоего стороннего наблюдателя, человека «со стороны», который не идентифицирует себя частью этого государства. Этот эффект обособленности усиливается реакцией-аббревиатурой *РФ* 13 – сухим, безжизненным канцеляризмом (для сравнения: реакция *РФ* встречается в ответах русских испытуемых лишь единожды). В этом контексте показательным является ассоциативная цепочка одного из испытуемых-носителей якутского языка и культуры: **государство** – *нууччалар* (государство – это русские). Здесь налицо полная отчужденность

и отсутствие чувства принадлежности к единому с русскими государству.

Ассоциативные данные, получаемые от разных этносов, представляют интересный и ценный материал для сопоставительных исследований. Они позволяют выявить общее и специфическое в картинах мира представителей разных лингвокультур.

Источники

Подкорпус вербальных ассоциаций носителей якутского языка Русской региональной ассоциативной базы данных (СИБАС)
<http://adict.ru.nsu.ru/dict>

S. V. Savitskaya

A Comparative Analysis of Associative Fields of the Stimulus Word *gosudarstvo* 'state' (Russians and Yakuts)³¹

The paper presents a comparative analysis of verbal associations obtained from respondents from different linguistic and cultural backgrounds. Both common and distinctive features in the two sets of word associations are distinguished and discussed.

Keywords: free association test, associative field, phonetized borrowing.

³¹The work is part of the project of the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences «Cultural universals of verbal traditions of the peoples of Siberia and the Far East: folklore, literature, language» supported by a grant from the Government of the Russian Federation for the promotion of research conducted under the guidance of leading scientists, contract № 075-15-2019-1884.

ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ

УДК 81'27=512.31

Г. А. Дырхеева

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
СО РАН, г. Улан-Удэ, an5dag1@mail.ru*

Русский и титульный языки в Республике Бурятия: языковые установки и ориентации

В статье кратко изложены результаты последнего масштабного социолингвистического исследования, посвященные выявлению положения бурятского языка в полиэтническом пространстве Республики Бурятия с позиций востребованности в условиях глобализирующегося общества. Особое внимание уделено анализу поведенческих и оценочных установок относительно бурятского языка.

Ключевые слова: языковая ситуация, бурятский и русский языки, ценностные ориентации, мотивации.

Как и во многих национальных республиках России, принявших в девяностых годах прошлого века закон о государственных языках, согласно которому государственными в Бурятии являются русский и титульный языки, состояние титульного языка в республике и его положение относительно русского языка существенно не изменились. Доминирующим в социально-коммуникативной системе остается русский язык, который обслуживает весь спектр общественных сфер.

Обычно бурятский компонент бурятско-русского двуязычия у бурят представляет собой диалект или говор, но в случае, если носитель языка обучался в школе родному языку, в его речи наблюдается явление диглоссии, перемежаются литературная и диалектная формы бурятского языка, а также элементы русского.

Такие типы отношений выявляются, в частности, с помощью анализа поведенческих и оценочных установок, предрасположенностью носителей различных языков или форм существования языка по отношению как к чужим, так и к собственным языкам и языковым вариантам, то есть данный тип анализа позволяет выявить этноязыковую толерантность.

В 2020 году было проведено масштабное социологическое исследование, цель которого было выявить положение бурятского языка в полиэтническом пространстве Республики Бурятия с позиций востребованности в условиях глобализирующегося общества.

Объем выборки анкетного опроса (63 вопроса) составил 1289 человек. Из них 43,99 % мужчины, 55,62 % женщины; возраст: 18-35 лет – 36,38 %, 36-59 лет – 42,44 %, старше 60 лет – 20,71 %; 37,16 % - буряты, 58,73 % - русские, 3,8 % - другой национальности. Были опрошены представители разных социальных групп, сфер деятельности, проживающие в г. Улан-Удэ (56,86 %) и пяти сельских районах: Тарбагатайских (7,76 %), Кабанский (7,45 %), Кижингинский (8,22 %), Закаменский (8,22 %) и Иволгинский (8,22 %).

Родным признали русский язык 60,51 % опрошенных, бурятский – 22,27 %, бурятский и русский – 13,58 %, другой язык – 2,79 %. Среди бурят родным признали бурятский язык 57,62 %, русский – 12,94 %, оба языка – 29,02 % (очень высокая двоякая этноязыковая идентичность, или двойная языковая идентификация). Среди русских 93 % признали родным русский язык, 1,32 % (10 человек) – бурятский, 4,49 % (34 человека) – оба языка. При этом 16 человек (2,11 %) ответили, что хорошо владеют бурятским языком. Почти 6 % «очень хорошо» и «хорошо» понимают, почти 3 % - говорят по-бурятски.

В анкету были включены вопросы, направленные на выявление поведенческих и оценочных установок относительно бурятского языка, в частности они включали следующие вопросы: Почему Вы изучаете (изучали) бурятский язык? Как Вы считаете, обязательно ли преподавание бурятского языка в детских садах, школах, вузах? Как Вы относитесь к межнациональным бракам?

Какими словами Вы охарактеризовали бы бурятский/русский языки? (Варианты ответов: сложный, родной, богатый, древний, красивый, непонятный, чужой, интересный, необходимый) и др.

Так, например, среди ответов на первый вопрос большинство бурят ответили, что изучали/изучают бурятский язык, потому что он родной (56,58 %), его преподавали в школе (32,36 %), живу в Бурятии (30,48 %), помогает в общении с друзьями, родственниками (18,37 %), «хочу слушать и петь песни на бурятском языке» (13,36 %) и т.д. Очевидными можно считать ответы русских респондентов: 25,36 % - его преподавали в школе, 10,83 % - потому что живу в Бурятии, 3,83 % - помогает в общении с друзьями, родственниками. При этом на вопрос «Если Вы не изучаете бурятский язык, то почему?» 29,33 % ответили, что это не их родной язык, у 26,95 % нет времени для его изучения, 23,12 % ответили, что он им не пригодится в жизни, 20,08 % бурятский язык неинтересен и т.д. Для бурят основными причинами являются то, что они и так его знают (48,23 %), у них нет времени для его изучения (17,75 %), испытывают трудности при изучении языков (11,9 %), для 7,93 % опрошенных не хватает материалов, книг и пособий для его изучения.

Проведенный эксперимент позволил установить отношение респондентов к русскому и бурятскому языкам, выявить наиболее актуальные их характеристики, которые в некоторой степени репрезентируют состояние национально-языковых отношений. Для обеих групп их языки, в первую очередь, являются «родными»: 86,6 % - для русских и 80,17 % - для бурят. Далее по порядку, бурятский язык для бурят «красивый» (56,37 %), «интересный» (50,1 %), «богатый» (43,63 %), «сложный» (41,34 %), но «необходимый» (41,54 %), «древний» (30,95 %), но «непонятный» (22,76 %), и для небольшой группы «чужой» (6,68 %). Русские респонденты оценили бурятский язык следующим образом: «непонятный» (59,31 %), «сложный» (58,12 %), «чужой» (40,55 %), но в то же время «интересный» (28,8 %), «древний» (21,27 %), «красивый» (16,12 %) и «богатый» (11,49 %). Лишь 8,32 % отметили его «необходимость».

Отношение к русскому языку, соответственно, выглядит следующим образом: для бурят также, как и для русских, он, в первую очередь, «необходимый» (67,01 % и 62,75 %), он «богатый» (58,46 %), «интересный» (36,95 %), «красивый» (36,53 %), «древний» (31,52 %), и для большей части опрошенных уже «родной» (30,48 %). Негативные реакции «сложный» (23,59 %), «чужой» (15,24 %), «непонятный» (7,1 %) оказались в конце списка. Русский язык для его носителей «богатый» (58,92 %), «красивый» (47,03 %), «интересный» (37,38 %), «древний» (31,04 %). При этом 17,7 % посчитали его сложным, а 12 (1,59 %) человек назвали его «непонятным» и 9 (1,19 %) «чужим».

Очевидно, что оба языка имеют преобладающую положительную характеристику, причем значительную долю составляют эстетические характеристики. Однако, в первую очередь здесь представлен этноидентифицирующий маркер, а на втором месте стоит прагматический, утилитарный мотив.

G. A. Dyrkheeva

Russian and Major Languages in the Buryat Republic: Language Installations and Orientations

The results of the most recent large-scale socio-linguistic research devoted to the evaluation of the status of the Buryat language in the multiethnic space of the Buryat Republic according to the standards of usage in the globalized society are briefly discussed in the article. Special attention is paid to the analysis of social attitudes towards the Buryat language.

Keywords: language situation, Buryat and Russian languages, value orientations, motivations.

СОДЕРЖАНИЕ

Универсальное и специфичное в лексике языков мира

<i>Рыжова Д. А.</i>	Универсальное и индивидуальное в семантике базовой лексики	3
<i>Кошелев А. Д.</i>	О социально-культурных условиях формирования абстрактной лексики	7
<i>Тимофеева М. К.</i>	Прагматический уровень структуры языковой личности и возможности его изучения средствами экспериментальной прагматики и компьютерной лингвистики	10
<i>Чертыкова М. Д.</i>	Образ грустного человека в хакасской языковой картине мира	12
<i>Кузьмина Р. П.</i>	Концептуализация дома в эвенской лингвокультуре	15
<i>Прокопьева П. Е.</i>	О семантике слова <i>кужуу</i> 'небо' в языке лесных юкагиров	17
<i>Шенцова И. В.</i>	Концепт «Родина» в шорском языке	22
<i>Сагдеева Ф. К.</i>	Ценность <i>акча</i> 'деньги' в татарском языковом сознании	25
<i>Озонова А. А. , Тюнтешева Е. В.</i>	Лексема <i>бай</i> как ключевое слово алтайской языковой картины мира	27
<i>Байыр-оол А. В.</i>	Лексика, репрезентирующая понятие «жизнь», в тувинском языке	30
<i>Шагдурова О. Ю.</i>	Глагольная лексика с общим значением «умереть» на материале хакасского языка	33
<i>Тазранова А. Р.</i>	Концепт «смерть» в языковой картине мира алтайцев	36
<i>Булатова А. К.</i>	К вопросу о семантической деривации в татарском языке	39

<i>Стручков К. Н.</i>	Сравнительно-сопоставительный анализ глагольной лексики в монгольском и эвенкийском языках	42
<i>Бардаханова З. Д.</i>	О санскрит-тибетском имени Буда и хори-бурятском Бода (на материале ревизских описей)	45
<i>Гурбангулыева Н. Г.</i>	Художественное своеобразие туркменских пословиц, вязанных с конём	48
<i>Сагайдачная А. О.</i>	Проблемы, возникающие при составлении «Русско-удэгейского словаря», и пути их решения	51
<i>Ковылин С. В.</i>	О памятнике селькупской письменности Макария (Невского) «Материалы для ознакомления с наречием остяков Нарымского края» 1887 г.	54
<i>Жамсаранова Р. Г.</i>	Тюрко-самодийский субстрат в исторической антропонимии хори-бурят	56
<i>Каксин А. Д.</i>	Самодийский лексический субстрат в хакасском языке	59
<i>Сайнакова Н. В.</i>	Критерии выявления границ расселения этнографической (диалектно-локальной) группы шёшкупов р. Оби	61
<i>Калинин С. С.</i>	К ареальной типологии лексической аффиксации	64
<i>Чебоचाкова И. М.</i>	Производные слова, образованные от основ, называющих диких животных, в хакасском языке: общая характеристика	67
<i>Овезова Тулла</i>	Словообразовательное гнездо со словом <i>ab</i> “вода” в современном туркменском языке	70

**Универсальное и специфичное
в фонетических системах**

<i>Селютина И. Я.</i>	Фонетические трансформации в языке и эпосе южносибирских тюрков: универсальное и специфичное	73
<i>Рыжикова Т. Р., Плотников И. М., Шамрин А. С.</i>	Интонационное оформление хакасского фольклорного текста	76
<i>Добринина А. А.</i>	Интонационное выражение побудительных высказываний в алтайском языке	80
<i>Плотников И. М.</i>	Интонационная система сургутского диалекта хантыйского языка	82
<i>Андреева Т. Е.</i>	Консонантные соответствия в говорах эвенкийского языка	85
<i>Шарина С. И.</i>	Реконструкция количественных числительных от 1 до 10 в тунгусо-маньчжурских языках	88
<i>Уртегешев Н. С.</i>	Долготнонеопределенные гласные: количественная характеристика	91
<i>Шамрин А. С.</i>	Фонема /h/ в кёнсанском диалекте корейского языка	94

**Универсальное и специфичное
в грамматических системах**

<i>Абдуллаев С. Н.</i>	Грамматические особенности восточно-туркестанских уйгурских фольклорных текстов	97
<i>Бадмацыренова.Н.Б.</i>	Уступительное наклонение и категория уступительности в бурятском языке	99

<i>Мазарчук А. В.</i>	Частотность маркеров плюралиса существительных в монгольском, бурятском и калмыцком языках	102
<i>Таганова М. А.</i>	Глагол <i>agla</i> - ‘плакать’ в туркменском языке (на основе произведений Махтумкули Фраги)	104
<i>Ондар Ч. Г.</i>	Категория одушевленности и дифференцированное маркирование объекта в тувинском языке	107
<i>Абдуллаева Г. С.</i>	Синтаксические идиомы на базе одноактантной модели простого предложения с именным сказуемым	110

Русская языковая личность: междисциплинарные исследования в регионах РФ и на сопредельных территориях

<i>Уфимцева Н. В.</i>	Значение и его исследование в ассоциативной лексикографии	113
<i>Шапошникова И. В.</i>	К разработке инструментария для экспликации универсалий русской языковой личности на модели ассоциативно-вербальной гиперсети	116
<i>Бутакова Л. О.</i>	Русская региональная языковая личность в аспекте комплексного лингвистического исследования: от поколения Y к поколению Z	119
<i>Теркулов В. И.</i>	Региональная дискурсивная языковая личность	122
<i>Кузьмина М. А.</i>	Оценочные смыслы концепта ОБЩЕНИЕ (на материале оценочных ассоциативных доминант)	124
<i>Беседина Е. И., Гомзина О. С.</i>	Японские обозначения округлого и острого в восприятии носителей русского языка	128

<i>Гавриленко М. В.</i>	Языковая личность офицера Росгвардии: функциональный подход	130
<i>Кутафьева Н. В.</i>	Русские глазами русских через призму зооморфной метафоры	132
<i>Москалюк Л. И., Москалюк О. С.</i>	Особенности фразеологической системы островных немецких говоров на Алтае	135
<i>Тельпов Р. Е.</i>	Универсальное и специфическое в народно-поэтическом восприятии библейских сюжетов (на материале духовного стиха «Бог Авраама испытал...»)	137
<i>Филистович Т. П.</i>	Сопоставительный лингвокогнитивный анализ пословиц немецкого и русского языков	140
<i>Яковлева Е. А., Ахметова А. Р.</i>	Влияние социальных факторов на коммуникативное поведение (на примере результатов лингвистического ассоциативного эксперимента)	143
<i>Бентя Е. В.</i>	Сравнительно-сопоставительный анализ ассоциативного поля «друг»	146
<i>Зюзина О. Н., Ильина Д. В.</i>	Феминитивы в современном русском языке	148
<i>Евдокимова С. В.</i>	Основной принцип исследования актуальной вариативности	151
<i>Савицкая С. В.</i>	Сравнительный анализ ассоциативных полей слова-стимула «государство» (русские и якуты)	155

Проблемы социолингвистики

<i>Дырхеева Г. А.</i>	Русский и титульный языки в Республике Бурятия: языковые установки и ориентации	158
-----------------------	---	-----

Тезисы Всероссийской научной конференции
с международным участием
**«ЯЗЫКИ НАРОДОВ СИБИРИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ РЕГИОНОВ:
УНИВЕРСАЛЬНОЕ И СПЕЦИФИЧНОЕ В ВЕРБАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЯХ
НАРОДОВ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ»**

Компьютерная верстка
ООО «Академиздат»

Подписано к печати 5.10.2021 г. Формат 60x84¹/₁₆
Бумага офсетн. № 1. Гарнитура Таймс.
Печ. л. 8,45. Тираж 300 экз.
Заказ № 177
Отпечатано ООО «Академиздат».
630090, Новосибирск, пр-г ак. Лаврентьева, 6/1
Тел. (383) 380-65-20
www.academizdat.com